

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2025. Том 21, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-правовые науки

Цзя Шаосюе, Ли Яо Путь цифровой трансформации образовательных моделей в контексте подготовки юристов международного профиля в Китае 5

Шатилович С. Н. Правовая пропаганда в молодежной среде с привлечением образовательных организаций (на примере Тюменской области) 16

Публично-правовые науки

Кравец И. А. Биоэтический конституционализм как новый вектор развития правового и экзистенциального мировоззрения в эпоху генетической информации и биоюриспруденции прав человека 27

Крылатова И. Ю. Конституционно-судебная защита достоинства личности в Российской Федерации (интерпретационные и отдельные биоэтические аспекты в сфере репродукции) 45

Колесников Д. А. Конституционализация института президенциализма в России после конституционной реформы 2020 года 53

Частноправовые (цивилистические) науки

Морозов А. А. Вопросы формирования экологического сознания в рамках национальных программ охраны окружающей среды 62

Лисица Н. Ю., Серьезнова О. А. Инвестиция как категория российского права: теоретические дискуссии и практические реалии 69

Пищеничная Н. Ю. Заверения об обстоятельствах vs. Representations And Warranties 76

Уголовно-правовые науки

Ефремова И. А. Особенности криминологической характеристики личности преступника, совершающего преступления с использованием искусственного интеллекта 88

<i>Гарбуз Г. С. Проверка показаний на месте с использованием беспилотного летательного аппарата как средство решения тактических задач по делам о преступлениях, совершаемых в экологической сфере</i>	97
<i>Смушкин А. Б. Проблемы построения единой цифровой экосистемы правоохранительных органов в период цифровой трансформации</i>	104
Научная жизнь	
<i>Шеслер А. В. Научные исследования преступлений в сфере страхования: уголовно-правовое и криминалистическое направления (на примере внутрикорпоративных хищений)</i>	114
Информация для авторов	119

JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

2025. Volume 21, № 3

CONTENTS

Theoretical-Historical Sciences

- Jia Shaoxue, Li Yao* The Path of Digital Transformation of Educational Models in the Context of Training International Lawyers in China 5

- Shatilovich S. N.* Legal Advocacy among Young People with the Involvement of Educational Organizations (using the Example of the Tyumen Region) 16

Public-Law Sciences

- Kravets I. A.* Bioethical Constitutionalism as a New Vector of Development of Legal and Existential Worldview in the Era of Genetic Information and Biojurisprudence of Human Rights 27

- Krylatova I. Y.* Constitutional and Judicial Protection of Human Dignity in the Russian Federation (Interpretative and Individual Bioethical Aspects in the Field of Reproduction) 45

- Kolesnikov D. A.* Constitutionalization of the Institution of Presidentialism in Russia after the 2020 Constitutional Reform 53

Private Law (Civilistic) Sciences

- Morozov A. A.* Issues of Formation of Environmental Awareness within the Framework of National Environmental Protection Programs 62

- Lisitsa N. Y., Sereznova O. A.* Investment as a Legal Category of Russian Law: Theoretical Discussions and Practical Realities 69

- Pshenichnaya N. Y.* Representations about Circumstances vs. Representations and warranties 76

Criminal Law Sciences

- Efremova I. A.* Features of Criminological Characteristics of the Personality of a Criminal who Commits Crimes using Artificial Intelligence 88

<i>Garbouz G. S. Drone' Managed Remote Verification of Evidence on the Crime Scene as a Mean of Solving Tactical Tasks During Investigation of Crimes that are being Committed in Ecological Sphere</i>	97
<i>Smushkin A. B. Problems of Building a Unified Digital Ecosystem of Law Enforcement Agencies in the Period of Digital Transformation</i>	104
Scientific Life	
<i>Shesler A. V. Scientific Research of Crimes in the Sphere of Insurance: Criminal-Legal and Forensic Directions (on the Example of Intra-corporate Thefts)</i>	114
Instructions for Contributors	
119	

Editor in Chief V. N. Lisitsa Associate Editor N. I. Krasnyakov
Executive Secretary E. R. Voronkova

Editorial Board of the Series

E. B. Abdrasulov, R. S. Abdulin, A. I. Abdullin, O. I. Andreeva, A. M. Baksalova, N. I. Biyushkina, V. A. Boldyrev, R. N. Borovskikh, A. V. Gabov, I. G. Dudko, E. A. Zhegalov, B. V. Zmerzly, V. S. Kamenkov, M. I. Kleandrov, S. V. Kodan, A. A. Kondrashov, E. V. Korotysh, I. A. Kravets, V. I. Kruss, I. D. Kuzmina, V. A. Laptev, Dzh. S. Murtazakulov, N. V. Omelyokhina, V. N. Rudenko, D. A. Savchenko, J. A. Umnova-Konyukhova

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson)
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. I. Molodin,
G. M. Mkrtchyan
O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press

The address for correspondence:

The address for correspondence
Law Department, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tel. +7 (383) 363 42 54

E-mail address: pravo@vestnik.nsu.ru; urfakngu@yandex.ru
On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 340.13
DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-5-15

Путь цифровой трансформации образовательных моделей в контексте подготовки юристов международного профиля в Китае

Цзя Шаосюе¹, Ли Яо²

¹Центр Международной юридической подготовки и сотрудничества
для ШОС Шанхайского политико-юридического университета
Шанхай, Китайская Народная Республика

²Институт верховенства права за рубежом
при Восточно-Китайском университете политических наук и права
Шанхай, Китайская Народная Республика

¹ys02302041@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-3159-0387>

²yaozaihenmang@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9933-7513>

Аннотация

В настоящее время глобальное регулирование вступило в новый период стремительных изменений, и Китай остро нуждается в большом количестве юристов-международников для защиты своих интересов. Традиционное юридическое образование имеет очевидные недостатки, включая устаревшие концепции преподавания, методы обучения и многие другие проблемы, особенно в условиях нынешней относительной нехватки юридической практики. Если своевременно не использовать цифровые средства для оптимизации содержания и методов обучения, это неизбежно окажет негативное влияние на образование и подготовку юристов-международников в Китае. В этом контексте особенно важно внедрять инновации в процесс обучения юристов-международников на основе цифровых технологий. Искусственный интеллект и другие цифровые технологии открыли новые возможности для образования китайских юристов-международников. Повышение качества подготовки кадров достигается через междисциплинарную интеграцию, рыночно-ориентированную практическую деятельность и конкретные меры: создание цифровой системы учебных курсов, внедрение цифровых форматов обучения и углубленное развитие цифровых образовательных платформ. Такая цифровая трансформация в образовании юристов-международников будет способствовать развитию данной сферы и предоставит ценные ориентиры для формирования государственной политики в соответствующих ведомствах.

Ключевые слова

цифровизация, международно-правовой профиль, китайское юридическое образование, правовое развитие

Финансирование

Исследование выполнено в рамках общего проекта национального фонда общественных наук КНР «Исследование механизма правового управления безопасностью данных в ШОС» (№ 22bfx160).

Для цитирования

Цзя Шаосюе, Ли Яо. Путь цифровой трансформации образовательных моделей в контексте подготовки юристов международного профиля в Китае // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3. С. 5–15. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-5-15

The Path of Digital Transformation of Educational Models in the Context of Training International Lawyers in China

Jia Shaoxue¹, Li Yao²

¹Center for International Legal Training and Cooperation for the SCO,
Shanghai University of Politacal Science and Law, People's Republic of China
Shanghai, China

²Institute for Foreign-Related Rule of Law, East China University of Political Science and Law
Shanghai, China

¹ys02302041@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-3159-0387>

²yaozaihenmang@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9933-7513>

Abstract

At present, global regulation has entered a new period of rapid change, and China is in dire need of a large number of international lawyers to protect its interests. Traditional legal education has obvious shortcomings, including outdated teaching concepts, teaching methods and many other problems. especially under the current relative scarcity of legal practice. if digital tools are not used in a timely manner to optimize teaching content and methods, it will inevitably have a negative impact on the education and training of international lawyers in China. In this context, it is particularly important to innovate digital-based education for international lawyers. Artificial intelligence and other digital technologies have opened up new opportunities for the education of Chinese international lawyers. The quality of training is enhanced through interdisciplinary integration, market-oriented practice and concrete measures: the establishment of a digital course system, the introduction of digital learning formats and the in-depth development of digital education platforms. This digital transformation in the education of international lawyers will contribute to the development of this field and provide valuable guidelines for the formation of public policy in relevant departments.

Keywords

digitalization, international legal profile, Chinese legal education, legal development

Funding

This article was prepared under the general project of the National Social Science Foundation of the People's Republic of China entitled "Research on the Legal Governance Mechanism of Data Security in the SCO" (project No. 22BFX160).

For citation

Jia Shaoxue, Li Yao. The path of digital transformation of educational models in the context of training international lawyers in China. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 3, pp. 5–15. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-5-15

Подготовка юристов-международников является важным аспектом построения верховенства права, связанного с иностранным элементом, и имеет важное стратегическое значение [1, с. 7]. В контексте дискуссий в сфере китайского юридического образования юристы-международники должны иметь широкий международный кругозор и хорошо разбираться в международных правилах, уметь в полной мере использовать юридические знания и преимущества иностранного языка для активного участия в ведении международных дел, вносить предложения по построению китайской системы международного регулирования и защищать национальные интересы Китая. В частности, речь идет о юристах-международниках, которые занимаются вопросами законодательства, правоприменения, оказания юридических услуг, связанных с иностранным элементом, а также исследованиями в области теории международного права. В современных условиях глобализации спрос Китая на юристов-международников стал еще более высоким. Цель государственного регулирования Китая с иностранным элементом заключается в создании системы с китайской спецификой, ориентированной на государственные интересы, интересы предприятий и граждан, включая вопросы о том, как китайское законодательство применяется за рубежом, как иностранное законодательство влияет на Китай и как Китай в вопросах, связанных с иностранным элементом, соблюдает международные правила.

В глобальном масштабе развитие образования для подготовки специалистов в разных странах демонстрирует явную тенденцию к цифровизации. Германия, Великобритания и дру-

гие крупные развитые страны ранее проводили исследования в области цифрового образования юристов-международников. В Германии на международной выставке CeBit в 2016 г. министр экономики и энергетики Зигмар Габриэль представил программу страны под названием «Цифровая стратегия 2025», которая определила цифровые образовательные технологии как ключевой инструмент подготовки кадров. В документе подчеркивается использование онлайн-платформ и технологий виртуальной реальности для повышения эффективности учебного процесса. Великобритания активно продвигает межгосударственное сотрудничество в сфере образования, 18 марта 2024 г. правительство Великобритании опубликовало «Стратегию цифрового развития на 2024–2030 годы», в которой предлагается создать или расширить к 2030 г. не менее восьми исследовательских лабораторий искусственного интеллекта в университетах Африки, чтобы способствовать накоплению цифрового опыта в сфере государственных услуг.

В эпоху цифровизации исследование цифровых образовательных подходов к подготовке юристов-международников обладает значительной теоретической ценностью и практической значимостью [2, с. 17–18]. Будучи одним из основных участников процесса глобализации, Китай остро нуждается в большом количестве высококвалифицированных юристов-международников, обладающих международным кругозором и хорошо понимающих международные правила. Однако в настоящее время самым большим недостатком в строительстве правовой системы Китая с иностранным элементом является нехватка высококвалифицированных, универсальных и ориентированных на международный уровень специалистов в области правового регулирования с иностранным элементом. В конце 2018 г. общее число представителей Секретариата ООН составляло 37 505 человек, из которых граждан Китая было всего 546, что составляло только 1,46 %, значительно меньше, чем представителей США – 6,75 %, и Китай стал одним из 40 «недопредставленных» государств. А традиционная система юридического образования в Китае уже выявила такие проблемы, как негибкость структуры учебных программ, однообразие методик преподавания и недостаток практической подготовки, что не соответствует указанным практическим потребностям [3, с. 18]. В то же время развитие и прогресс цифровых технологий также принесли новые возможности для китайского юридического образования. Искусственный интеллект, являясь одной из наиболее сложных и трансформационных цифровых технологий XXI в., демонстрирует широкие возможности для трансформации в различных сферах. В феврале 2023 г. Канцелярия ЦК КПК и Госсовет КНР совместно опубликовали «Мнения по укреплению юридического образования и исследований правовой теории в новую эпоху», предложив оптимизировать структуру специальностей в области международного права. Посредством цифровых технологий в таких аспектах, как разработка образовательных ресурсов, инновации в методах преподавания и оптимизация управлеченческих механизмов, можно эффективно решить ключевые проблемы традиционного юридического образования.

В китайском юридическом сообществе проведены масштабные исследования цифровых методов подготовки юристов-международников, однако сохраняются определенные проблемы и недостатки. В настоящей статье проводится поисковое исследование векторов развития цифровизации образования в сфере подготовки китайских юристов-международников. Цель работы заключается в обогащении теоретической базы юридической педагогики и цифровых образовательных технологий, расширении перспектив для последующих исследований, а также в содействии модернизации и информатизации системы юридического образования, что в конечном итоге повысит качество подготовки специалистов в области международного правового регулирования.

Построение цифровой системы учебных курсов для подготовки юристов-международников

Юристы-международники должны обладать не только профессиональными юридическими знаниями, но и межкультурными коммуникативными навыками, международным кругозором, а также умением эффективно применять цифровые инструменты. Великобритания обладает богатым опытом в подготовке таких специалистов, который может служить примером. В частности, страна реализует глобальные онлайн-курсы, обеспечивая доступ к образовательным ресурсам на международном уровне. Для совершенствования подготовки кадров в сфере международного права здесь укрепляются модули зарубежной практики, включая международные летние программы и трансграничные юридические клиники. Эти инициативы способствуют развитию у студентов практических навыков, соответствующих требованиям международной юридической деятельности [4, с. 307–323]. Создание принципиально новой цифровой системы учебных программ для подготовки юристов-международников является ключевым направлением реформы юридического образования. Это подразумевает интеграцию цифровых технологий с международным правом, правовыми аспектами искусственного интеллекта и другими дисциплинами, ориентированными на глобальную практику. Разработка эффективных и гибких цифровых курсов, адаптированных для подготовки таких специалистов, позволит сформировать образовательную модель, отвечающую вызовам цифровой эпохи и потребностям международной правовой деятельности.

Во-первых, цифровая система учебных программ для подготовки юристов-международников должна быть сосредоточена на трех ключевых направлениях: международное право, право искусственного интеллекта и иностранные языки. Междисциплинарный подход к проектированию курсов позволит расширить спектр дисциплин, предоставив студентам многомерные образовательные траектории. Интеграция передовых знаний, таких как правовые аспекты искусственного интеллекта, в традиционные программы по международному праву способствует формированию правовой культуры и цифровых компетенций у учащихся. В японской системе юридического образования применяется модель сертификатов об окончании, где студенты проходят базовую общеобразовательную подготовку, изучают основы цифровых технологий (например, принципы работы искусственного интеллекта и алгоритмов), а также осваивают методы анализа больших данных. Это обеспечивает актуальность учебных программ в условиях цифровизации [5, с. 14]. А в Китае формирование цифровой образовательной системы находится на начальном этапе. Профессор Ма Чаншань и его коллеги выпустили первый в стране учебник «Введение в цифровое право» («数字法治概论»), в котором анализируется переход от традиционной модернизации права к цифровой модели [6, с. 171]. В апреле 2025 г. Китайский университет политики и права совместно с Фондом американо-китайских юридических обменов запустил проект по разработке инновационных международных учебных программ и онлайн-курсов для подготовки юристов-международников. Это направлено на поиск новых подходов к обучению в условиях глобализации.

Во-вторых, необходимо усилить механизм обучения цифровым навыкам в рамках цифровой учебной программы. Юристы-международники должны не только понимать, но и активно использовать цифровые инструменты для решения практических вопросов в международной юридической практике, что является неотъемлемым требованием к их профессиональной компетенции. На уровне реализации учебных программ по международному праву следует системно интегрировать цифровое учебное оборудование и расширить применение цифровых педагогических инструментов, а также увеличить долю онлайн-курсов с цифровым компонентом, чтобы повысить эффективность использования интеллектуальных вспомогательных систем. Системы интеллектуального обучения на основе технологии обработки естественного языка (NLP) не только позволяют автоматически корректировать ошибки в документах и кейсах, представленных студентами, но и формулировать рекомендации по составлению юриди-

ческих документов на основе анализа обширной базы прецедентов международного права, а также организовывать учебный процесс по принципу человека-машинного взаимодействия, что делает практическую подготовку более углубленной и результативной [7, с. 3]. Ссылаясь на практические форматы, такие как имитационные суды по международным спорам, необходимо создать иммерсивную систему профессиональной подготовки. Это позволит студентам стать междисциплинарными специалистами с базовой цифровой подготовкой [8, с. 102]. Одновременно следует уделить внимание следующему аспекту: необходимо максимально задействовать цифровые технологии для разработки таких инструментов, как «умный наставник», «виртуальный учебный ассистент» и «автоматизированные системы оценки». Это позволит осуществлять синхронный мониторинг эффективности обучения, своевременно проводить диагностику и предоставлять обратную связь.

В-третьих, создание цифровых учебных программ требует формирования научно обоснованной системы мониторинга качества образования. Традиционные механизмы контроля, основанные преимущественно на качественных оценках, сталкиваются с ограничениями: недостаточный охват данных, одномерность критериев оценки и запаздывающая обратная связь. Это затрудняет получение объективной динамической картины образовательного процесса. В этой связи внедрение количественной системы мониторинга с функциями сбора данных в реальном времени, многомерного анализа на базе искусственного интеллекта становится императивом. Для контроля качества подготовки юристов-международников необходимо сфокусироваться на построении базовых знаний в области международного, сравнительного права и трансграничной юридической практики. Интеграция технологических платформ, таких как виртуальные симуляторы юридических процессов и системы трансграничного анализа прецедентов, позволит сформировать многокомпонентную учебную архитектуру. Совершенствование контроля качества учебных программ для юристов-международников требует акцента на ключевых элементах, таких как степень цифровизации образовательных сценариев и эффективность анализа данных педагогического взаимодействия. Конечной целью является формирование интеллектуальной системы оценки развития образования, объединяющей процессуальный мониторинг и итоговую аттестацию в единую структуру [9, с. 6].

Цифровой режим преподавания в образовании и культивировании юристов-международников

Традиционная модель юридического образования в Китае, где доминирующая роль принадлежит преподавателю, представляет собой одностороннюю передачу знаний с минимальным взаимодействием со студентами и практико-ориентированными компонентами. Подобный подход уже не отвечает современным требованиям к подготовке юридических кадров для международной арены. Применение цифровых технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные и облачные вычисления, позволяет модернизировать методы преподавания, обогатить содержание образовательных программ и внедрить инновационные формы обучения. Это способствует достижению цели формирования высококвалифицированных юристов с глобальным мышлением и цифровыми компетенциями. Образование представляет собой процесс внешнего выражения человеческого познания и расширения человеческого понимания, и образование, основанное на знаниях, под «оболочкой» искусственного интеллекта, по своей сути остается человеческим образованием. С помощью технологий виртуальной или дополненной реальности можно представить студентам реальность юридической сцены или ситуации, что, несомненно, является беспрецедентным ощущением действительности и опыта для юридического образования. Конкретно говоря, формирование цифровой образовательной модели для подготовки китайских юристов-международников должно осуществляться по следующей схеме.

Во-первых, создание «перевернутого класса» в цифровом прикладном контексте. Данная модель, также известная как «инвертированное обучение», трансформирует аудиторию в пространство для презентации студенческих проектов и двустороннего взаимодействия между преподавателем и обучающимися, акцентируя взаимный обмен знаниями. Традиционное юридическое образование строится на доминировании лекционного метода преподавания с переносом практических заданий на внеаудиторное время, ограничиваясь учебниками, что не соответствует современным требованиям к разнообразию форматов, оперативности и интерактивности образовательных ресурсов. Цифровой «перевернутый класс» предполагает предварительное самостоятельное изучение теоретического материала до занятий, а в аудитории фокусируется на интерактивном анализе знаний через цифровые инструменты, онлайн-ресурсы и интеллектуальные системы адаптивного обучения. Это позволяет реализовать персонализированное сопровождение и активные форматы: видеодискуссии, симуляции судебных процессов, что усиливает развитие навыков решения практических задач [10, с. 31]. Интеграция цифровых технологий также расширяет базу учебных материалов – цифровые учебники, базы кейсов, видеолекции [11, с. 4]. Ключевая цель – построение интеллектуальной вспомогательной системы преподавания, объединяющей персонализированное обучение и автономизацию учебного процесса, что составляет суть цифровой трансформации «перевернутого класса».

Во-вторых, необходимо ускорить развитие междисциплинарных гибридных образовательных проектов. Цифровое обучение юристов-международников должно сочетать теоретическую подготовку с развитием практических навыков. Для этого целесообразно внедрять гибридные учебные программы, интегрирующие различные дисциплины, что позволит студентам одновременно совершенствовать профессиональные и цифровые компетенции, обеспечив их конкурентоспособность на рынке труда после выпуска. Университетам следует разрабатывать специализированные тренинги с учетом своих академических профилей, целенаправленно формируя высокие стандарты профессиональной этики. Ярким примером инноваций является совместная инициатива Китайского университета политологии и права и Пекинского университета иностранных языков по созданию модели подготовки юристов-международников, сочетающих знания в области права и иностранных языков. Данный проект объединяет юридическое и языковое образование через гибридное обучение, дополненное онлайн-платформами и виртуальными стажировками, имитирующими реальные рабочие сценарии [12, с. 28–29]. Такое сочетание технологий и межвузовского сотрудничества задает новые стандарты в подготовке специалистов, способных эффективно действовать в условиях глобализированного правового пространства.

В-третьих, необходимо стимулировать цифровое сотрудничество в сфере онлайн-образования для подготовки юристов-международников. Несмотря на инвестиции Китая в вузы удаленных регионов, доступ к качественным цифровым образовательным ресурсам остается ограниченным, что усугубляет проблему неравномерного распределения образовательных возможностей и значительных различий в эффективности высшего образования. Разработка международно ориентированных и инновационных учебных курсов путем сотрудничества с зарубежными университетами и международными организациями будет способствовать совместному использованию трансграничных образовательных ресурсов, расширению международного кругозора и продвижению подготовки кадров, а также взаимовыгодному сотрудничеству между отечественными и зарубежными университетами. Стратегически важной задачей станет создание межгосударственных платформ для обмена ресурсами и внедрения унифицированных технических решений, что заложит основу для развития транснационального цифрового образования. Это не только сократит цифровой разрыв между регионами, но и обеспечит доступ к актуальным правовым знаниям в условиях динамично меняющейся международной нормативной базы.

Наконец, расширение образовательного контента через цифровые технологии предполагает систематизацию цифровых ресурсов, связанных с международной правовой практикой:

типичные судебные кейсы, международные договоры, прецеденты трансграничных споров и действующие юридические документы. На этой основе формируется многофункциональная цифровая база учебных ресурсов. В учебном процессе ключевые элементы курсов по международному праву структурируются через анализ больших данных, преобразуя разрозненные темы в целостную систему знаний. Это помогает студентам выстраивать межпредметные взаимосвязи в международно-правовой сфере. Одновременно анализ данных об эффективности обучения в реальном времени повышает прозрачность образовательного процесса, позволяет преподавателям совершенствовать навыки работы с цифровыми инструментами и разработки онлайн-курсов. Таким образом, цифровизация становится катализатором трансформации не только содержания образования, но и управленческих механизмов в учебных заведениях, обеспечивая синергию между технологическим прогрессом и педагогической практикой [13, с. 22–30].

В итоге, традиционное юридическое образование тяготеет к пассивной передаче знаний от преподавателя студенту, тогда как интеллектуализированное обучение фокусируется на вовлечении учащихся, высвобождая время педагога для повышения качества интерактивности через цифровые инструменты. Технологии открывают огромный потенциал для трансформации педагогических подходов. Однако ключевым вызовом остается разный уровень цифровой грамотности преподавателей, что существенно ограничивает модернизацию образовательных моделей. Поэтому критически важным становится системное обучение педагогов работе с цифровыми платформами, созданию онлайн-курсов и использованию аналитических инструментов для персонализации учебного процесса.

Создание национальной цифровой платформы для подготовки юристов-междунородников

Подготовка юристов-междунородников требует интеграции дисциплинарного строительства с практико-ориентированным обучением. В 2019 г. Министерство образования КНР выпустило «Руководящие указания по разработке и реализации программ профессиональной подготовки в вузах», прямо указав на необходимость внедрения технологий виртуальной реальности в образовательный процесс для трансформации роли преподавателя, обновления педагогических концепций, содержания, методов обучения и системы оценки. В 2020 г. Министерство образования КНР инициировало создание специальности «Технологии виртуальной реальности» [14, с. 92]. В 2021 г. Министерство образования КНР выпустило «Мнения об ускоренной подготовке юристов-междунородников в вузах», в которых была поставлена задача к 2025 г. сформировать профессиональную систему дисциплин международного права, соответствующую требованиям эпохи, и создать механизм подготовки юристов-междунородников, ориентированный на практику. Эти политические инициативы однозначно демонстрируют, что для воспитания компетентных юристов-междунородников необходимо обеспечить студентам достаточный уровень языковой подготовки, глубокие правовые знания вкупе с навыками применения цифровых технологий в решении трансграничных юридических задач. Это предполагает коренную трансформацию подходов к разработке образовательных ресурсов, где цифровые инструменты становятся катализатором инноваций в юридической педагогике, открывая новые горизонты для моделирования сложных международно-правовых сценариев.

В настоящее время цифровые платформы в университетской среде существуют как «изолированные острова»: между вузами отсутствует эффективная интеграция цифровых ресурсов. Даже в тех университетах, где созданы лаборатории юридических технологий или онлайн-симуляторы судебных процессов, наблюдаются проблемы разрозненности функциональных модулей и ограниченности прикладных сценариев. Например, многие платформы имитации международного коммерческого арбитража фокусируются лишь на кейсах ВТО, игнорируя

актуальные практические области вроде трансграничной передачи данных или правового регулирования цифровых валют. Создание национальной цифровой платформы становится ключевым инструментом для трансформации подготовки юристов-международников от теоретического знания к практической компетентности. Ее цель – через технологическую сценаризацию и консолидацию государственных ресурсов преодолеть разрыв между академическим обучением и реальными профессиональными требованиями.

Во-первых, создание национальной цифровой платформы для подготовки юристов-международников должно использовать отечественные технологии VR/AR, платформа должна создавать инновационные симуляционные сценарии для отработки трансграничной правовой практики – от юридического поиска и составления документов до международных переговоров, формируя единое образовательное пространство, доступное для всех университетов. На базе национальной цифровой инфраструктуры следует внедрить блокчейн-систему сертификации образовательных достижений, преобразующую учебные программы и методики вузов в визуализированные, проверяемые отчеты. В дальнейшем технология блокчейн может быть применена для управления студенческими рейтингами, академическими достижениями, поступлением в вузы, трудоустройством и профессиональной аттестацией, что реформирует традиционную систему образовательной оценки [15, с. 79]. На уровне государственной политики необходимо обеспечить синергию между искусственным интеллектом, практико-ориентированным обучением и академическими программами.

Во-вторых, национальная цифровая платформа должна базироваться на консолидации внутренних ресурсов, преодолевая региональные ограничения. В 2022 г. Китай создал первую государственную платформу интеллектуальных образовательных услуг, охватывающую ресурсы разных уровней и ключевых направлений: образовательные инновации, социальное развитие, управление учебными заведениями и т. д. Хотя это стало важнейшим публичным продуктом образовательной системы, потенциал далеко не исчерпан. Для углубления развития платформы необходимо сформировать транснациональное сообщество правовых практик, объединяющее университеты, юридические учреждения и международные организации. Такой подход позволит усилить синергию между академическими знаниями, межкультурной коммуникацией и современными цифровыми компетенциями, что принципиально повысит конкурентоспособность китайских юристов-международников на глобальной арене. Проект транснациональной юридической клиники Европейской ассоциации юридических факультетов (ELFA) служит удачным примером: облачная платформа для коллaborации объединяет студентов и преподавателей из 28 юридических факультетов разных стран и регионов. Кроме того, национальная цифровая платформа может интегрироваться с общепринятыми интерфейсами международных организаций, например, подключать внешние ресурсы вроде базы арбитражных кейсов Международной торговой палаты (ICC) или правовой библиотеки Комиссии ООН по праву международной торговли (UNCITRAL). Ключевым аспектом является активное использование многоязычных систем интеллектуального перевода и модулей межкультурной коммуникации для развития у студентов навыков юридического письма на английском языке и преобразования правовых концепций на иностранном языке – компетенций, которые невозможно эффективно сформировать в рамках традиционной аудиторной подготовки.

В-третьих, углубленное развитие национальной цифровой платформы требует трезвой оценки потенциальных сложностей. При импорте зарубежных ресурсов необходимо соблюдать баланс между вопросами суверенитета данных и открытого обмена, что регулируется такими законами, как «Закон КНР о безопасности данных» и «Закон о защите персональной информации», устанавливающими правила трансграничной передачи данных. Цифровой образовательный план действий ЕС реализуется через механизмы многоуровневого взаимодействия (например, создание региональных цифровых образовательных центров), которые обеспечивают интеграцию высококачественных образовательных ресурсов, строгое соблюдение безопасности и правовое соответствие при передаче данных, а также внедрение правового

сознания и этического образования в области данных в процесс подготовки международно ориентированных кадров. Очевидно, что заимствование зарубежных лучших практик в сочетании с усилением технологической поддержки и оптимизацией интеграционных механизмов позволит цифровой платформе стать эффективным инструментом высококачественного развития международного юридического образования [16, с. 173].

Заключение

Цифровая трансформация образования в цифровую эпоху проявляется не столько в технологическом лидерстве государства за счет применения цифровых инструментов, сколько в способности перестроить модель формирования компетенций и мышления специалистов в сфере международного права через технологии, где ключевым вопросом остается интеграция ценностно-мыслительного воспитания. Публикация Китаем «Глобальной инициативы по управлению искусственным интеллектом» и его ответ на «Глобальный цифровой договор», за который выступает Организация Объединенных Наций, демонстрируют стратегическое видение, синхронизированное с требованиями времени. Продвижение цифровизации подготовки юристов-международников требует четкого разграничения с глобальными подходами к обучению правоведов: необходимо уделять особое внимание специфичности, изменчивости и непредсказуемости трансграничных юридических практик, целенаправленно развивая у студентов цифровое и глобальное мышление. Углубление интеграции интеллектуальных технологий с юридическим образованием предполагает непрерывное совершенствование цифровых педагогических навыков преподавателей, создание научно обоснованных механизмов оценки качества обучения и максимальную адаптацию цифровых инструментов к целям подготовки кадров. В итоге, цифровизация становится ключом к формированию глобально мыслящих, системных и инновационных юристов-международников, а ее реализация в многосекторальном формате позволит Китаю укрепить роль в реформировании системы глобального управления, особенно в контексте таких инициатив, как «Пояс и путь», где требуются юристы, способные работать на стыке цифровых и межкультурных правовых норм.

Список литературы

1. 黄进: 《完善法学学科体系, 创新涉外法治人才培养机制》, 载《国际法研究》2020年第3期, 第7-10页。[Хуан Цзинь. Улучшение системы дисциплины юриспруденции и инновационный механизм подготовки юристов-международников // Исследования в области международного права. 2020. № 3. С. 7–10.]
2. 郭为禄: 《涉外法治人才培养策略的辩证思考》, 载《法学教育研究》2024年第2期, 第17-22页。[Го Вэйлу. Диалектическое мышление о стратегиях подготовки юристов-международников // Исследование в области юридического образования. 2024. № 2. С. 17–18.]
3. 黄惠康: 《破解法学教育困局 加强高素质涉外法治人才培养》, 载《中国高等教育》2024年第2期, 第18-23页。[Хуан Хуэйкан. Решение дилеммы юридического образования и усиление подготовки высококачественных юристов-международников // Китайское высшее образование. 2024. № 2. С. 18–23.]
4. 刘亚军、张羽佳: 《英国涉外法治人才培养模式及其启示》, 载《法学教育研究》2024年第1期, 第307-323页。[Лю Яцзюнь, Чжан Юйцзя. Британская модель подготовки юристов-международников и ее опыт // Исследование в области юридического образования. 2024. № 1. С. 307–327.]
5. 刘蓓: 《论AI与法学教育耦合赋能的动因、范式及进路》, 载《法学教育研究》2020年第3期, 第3-18页。[Лю Бэй. Взаимодействие ИИ и юридического образования: причины, модели и пути развития // Исследование в области юридического образования. 2020. № 3. С. 3–18.]

6. 刘蓓、戚瀚文: 《论“AI + 法律”背景下法学教育供给侧改革》, 载《河北法学》2023年第6期, 第157-175页。[Лю Бэй, Ци Ханьвэн. Реформа в юридическом образовании в эпоху «ИИ + право» // Хэбэйское право. 2023. № 6. С. 157–175.]
7. 郑庆华: 《人工智能赋能创建未来教育新格局》, 载《中国高教研究》2024年第3期, 第1-7页。[Чжэн Цинхуа. Искусственный интеллект расширяет возможности создания новой модели образования будущего // Исследование высшего образования в Китае. 2024. № 3. С. 1–7.]
8. 闫冬: 《论涉外法治人才培养模式的“一体两翼”》, 载《中国法治》2024年第2期, 第99-102页。[Янь Дун. О режиме подготовки юристов-международников // Китайское верховенство права. 2024. № 2. С. 99–102.]
9. 顾小清: 《智能技术赋能教育数字化转型的前沿趋势》, 载《中国教育信息化》2024年第7期, 第3-12页。[Гу Сяоцин. Передовые тенденции цифровой трансформации образования с помощью интеллектуальных технологий // Китайская информатизация образования. 2024. № 7. С. 3–12.]
10. 舒瑶芝、胡菲: 《法学教育的数字化变革: 逻辑、范式及路径》, 载《法学教育研究》2023年第3期, 第26-45页。[Шу Яочжи, Ху Фэй. Цифровая трансформация юридического образования: логика, парадигмы и пути // Исследование в области юридического образования. 2023. № 3. С. 26–45.]
11. 张文显: 《论法学教育同人工智能的深度融合》, 载《数字法治》2025年第1期, 第4-11页。[Чжан Вэньсянь. О глубокой интеграции юридического образования и искусственного интеллекта // Цифровое право. 2025. № 1. С. 4–11.]
12. 马怀德: 《加快涉外法治人才培养》, 载《北京观察》2025年第3期, 第28-29页。[Ма Хайдэ. Ускоренная подготовка кадров в сфере международного права // Пекинское обозрение. 2025. № 3. С. 28–29.]
13. 杜焕芳: 《涉外法治专业人才培养的顶层设计及实现路径》, 载《中国大学教学》2020年第6期, 第22-30页。[Ду Хуанфан. Разработка и пути реализации по подготовке юристов-международников // Китайское университетское преподавание. 2020. С. 22–30.]
14. 王淑君: 《虚拟现实技术在法学教育中的应用》, 载《教书育人(高教论坛)》2020年第12期, 第92-93页。[Ван Шуцзюнь. Применение технологий виртуальной реальности в юридическом образовании // Воспитание через преподавание (Форум высшего образования). 2020. № 12. С. 92–93.]
15. 任宇宁: 《人工智能对法学教育的影响》, 载《中国法学教育研究》2022年第4期, 第63-81页。[Жэнь Юйнин. Влияние искусственного интеллекта на юридическое образование // Исследование китайского юридического образования. 2022. № 4. С. 63–81.]
16. 马道龙: 《中国法律服务市场的开放利大于弊》, 载《环球法律评论》2001年第2期, 第173页。[Ма Даолун. Преимущества открытия китайского рынка юридических услуг перевешивают недостатки // Глобальное юридическое обозрение. 2001. № 2. С. 173.]

References

1. **Huang Jin.** Improving the Systematic Legal Scholarship and Innovating the Training Mechanisms for the Foreign-related Legal Service Professionals. *Chinese Review of International Law*, 2020, no. 3, pp. 7–10. (In Chinese)
2. **Guo Weilu.** Dialectical Reflections on Strategies for Cultivating Foreign-Related Rule of Law Talents. *Research on Legal Education*, 2024, no. 2, pp. 17–22. (In Chinese)
3. **Huang Huikang.** Cracking the Dilemma of Legal Education and Strengthening the Cultivation of High-Quality Foreign-Related Rule of Law Talents. *China Higher Education*, 2024, no. 2, pp. 18–23. (In Chinese)
4. **Liu Yajun, Zhang Yujia.** The Model and Implication of the Cultivation of Foreign-related Legal Talent in the UK. *Legal Education Research*, 2024, no. 1, pp. 307–327. (In Chinese)

5. **Liu Bei.** On the Motivation, Paradigm and Approach of Mutual Assistance between AI and Legal Education. *Legal Education Research*, 2020, no. 3, pp. 3–18. (In Chinese)
6. **Liu Bei, Qi Hanwen.** Research on the Supply-side Reform of Law Education under the Background of «AI+Law». *Hebei Law Science*, 2023, no. 6, pp. 157–175. (In Chinese)
7. **Zheng Qinghua.** Artificial Intelligence Enables the Creation of a New Future Education Landscape. *China Higher Education Research*, 2024, no. 3, pp. 1–7. (In Chinese)
8. **Yan Dong.** On the Mode of Cultivation of International Lawyers. *Chinese Rule of Law*, 2024, no. 2, pp. 99–102. (In Chinese)
9. **Gu Xiaoqing.** Cutting-edge Trends in Digital Transformation of Education Empowered by Intelligent Technology. *China Education Informatization*, 2024, no. 7, pp. 3–12. (In Chinese)
10. **Shu Yaozhi, Hu Fei.** On the Digital Transformation of Legal Education: Logic, Paradigm and Path. *Legal Education Research*, 2023, no. 3, pp. 26–45. (In Chinese)
11. **Zhang Wenxian.** Deep Integration of Legal Education and Artificial Intelligence. *Digital Law*, 2025, no. 1, pp. 4–11. (In Chinese)
12. **Ma Huaide.** Accelerating the Cultivation of Foreign-Related Rule of Law Talents. *Beijing Observation*, 2025, no. 3, p. 28–29. (In Chinese)
13. **Du Huanfang.** Top-level Design and Realization Path of Cultivating Talents Specializing in Rule of Law Related to Foreign Countries. *China University Teaching*, 2020, no. 6, pp. 22–30. (In Chinese)
14. **Wang Shujun.** Application of Virtual Reality Technology in Legal Education. *Teaching and Learning (Higher Education Forum)*, 2020, no. 1, pp. 92–93. (In Chinese)
15. **Ren Yuning.** The Impact of Artificial Intelligence on Legal Education. *China Legal Education Research*, 2022, no. 4, pp. 63–81. (In Chinese)
16. **Ma Daolong.** The advantages of liberalizing China's legal services market outweigh the disadvantages. *Global Law Review*, 2001, no. 2, p. 173. (In Chinese)

Информация об авторах

Цзя Шаосюе, доктор юридических наук, доцент

Ли Яо, доктор юридических наук

Information about the Authors

Jia Shaoxue, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor

Li Yao, Doctor of Juridical Sciences

Статья поступила в редакцию 12.05.2025;
одобрена после рецензирования 23.06.2025; принятая к публикации 30.06.2025

The article was submitted 12.05.2025;
approved after reviewing 23.06.2025; accepted for publication 30.06.2025

Научная статья

УДК 342.92

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-16-26

Правовая пропаганда в молодежной среде с привлечением образовательных организаций (на примере Тюменской области)

Сергей Николаевич Шатилович

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

shatisergei@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4880-238X>

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы привлечения образовательных организаций к правовой пропаганде в молодежной среде. Автором проанализированы положения нормативных правовых актов Российской Федерации, изучено понятие «правовая пропаганда», его соотношения с понятием «пропаганда правовых знаний», а также точки зрения ученых в данной области, что позволило прийти к ряду выводов. На примере образовательных организаций Тюменской области перечислены особенности правовой пропаганды в молодежной среде. Исследование нормативного материала позволило выявить потребность в совершенствовании правового регулирования оказания квалифицированной юридической помощи социально незащищенным категориям населения (Федеральный закон «О государственной социальной помощи»). В статье приводятся практические рекомендации по осуществлению правовой пропаганды в молодежной среде с привлечением образовательных организаций.

Ключевые слова

правовая пропаганда, молодежная среда, образовательные организации, студенческая юридическая клиника, обучающиеся

Для цитирования

Шатилович С. Н. Правовая пропаганда в молодежной среде с привлечением образовательных организаций (на примере Тюменской области) // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3. С. 16–26. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-16-26

Legal Advocacy among Young People with the Involvement of Educational Organizations (using the Example of the Tyumen Region)

Sergey N. Shatilovich

Tyumen State University,
Tyumen, Russian Federation

shatisergei@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4880-238X>

Abstract

The article discusses the issues of involving educational organizations in legal advocacy among young people. The author analyzes the provisions of the normative legal acts of the Russian Federation, examines the concept of “legal propaganda”, its relationship with the concept of “propaganda of legal knowledge”, as well as the points of view of scientists in this field, which led to a number of conclusions. Using the example of educational organizations, the features of legal propaganda among young people are listed. The study of normative and empirical material has revealed the

© Шатилович С. Н., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3
Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 3

need to improve the legal regulation of the provision of qualified legal assistance to socially vulnerable categories of the population (Federal Law “On State Social Assistance”), as well as practical recommendations for the implementation of legal advocacy among young people with the involvement of educational organizations.

Keywords

legal advocacy, youth environment, educational organizations, student law clinic, student

For citation

Shatilovich S. N. Legal advocacy among young people with the involvement of educational organizations (using the example of the Tyumen region). *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 3, pp. 16–26. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-16-26

Согласно Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.)¹, дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, а также государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4 ст. 67.1). В свою очередь в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года от 29 мая 2015 г. № 996-р², закреплена приоритетная задача Российской Федерации – формирование новых поколений, обладающих знаниями и умениями, разделяющих традиционные нравственные ценности, готовых к мирному созиданию и защите Отечества. Ключевым инструментом решения этой задачи является воспитание детей и молодежи, которое осуществляется через реализацию следующих основных видов такой деятельности, как гражданское воспитание, патриотическое воспитание, духовно-нравственное воспитание, трудовое воспитание и *правовое воспитание* [1, с. 46–47]. Одной из эффективных форм правового воспитания детей и молодежи в России является *правовая пропаганда*.

Российское государство принимает активное участие в процессе правового воспитания населения и, прежде всего, детей³ и молодежи⁴, соответствующем стратегическим ориентирам воспитания, заложенным в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁵, указах Президента Российской Федерации, Стратегии разви-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., с изм. от 5 октября 2022 г.) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.04.2025).

² Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.04.2025).

³ Термин «дети» охватывает равнозначные понятия «ребенок» и «несовершеннолетний», т. е. лицо до достижения им возраста восемнадцати лет (ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ред. 28.12.2024 № 543-ФЗ) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.04.2025)).

⁴ В Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 89-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024 № 550-ФЗ) понятия «молодежь» и «молодые граждане» определяются как социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 6 настоящего Федерального закона), имеющих гражданство Российской Федерации (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.04.2025)).

⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 28.02.2025 № 30-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.04.2025).

тия воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, а также иных нормативных правовых актах Российской Федерации.

В целях оптимизации и координации деятельности по правовому воспитанию Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. были утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан⁶, в которых определены принципы, основные направления и содержание государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Согласно данному нормативному акту, важнейшей задачей государства является также пропаганда и разъяснение необходимости соблюдения гражданами своих обязанностей, правил общежития, уважения прав и законных интересов других лиц независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств (п. 7).

На необходимость повышения правовой грамотности населения регулярно обращает внимание Президент Российской Федерации Владимир Путин. Так, 13 мая 2021 г. глава государства справедливо отметил, что в современном мире юридическая грамотность или возможность воспользоваться помощью специалистов чрезвычайно важны для людей, для обеспечения своих интересов и законных прав⁷.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»⁸ определяет правовое информирование и правовое просвещение населения как вспомогательные по отношению к бесплатной юридической помощи виды деятельности, являющиеся условиями своевременного обращения граждан за юридической помощью и формирования корректного запроса на ее получение (ст. 27). При этом правовое информирование и правовое просвещение населения тесно связаны с правовой пропагандой. Правовое информирование – это передача сведений о праве, правовое просвещение – это распространение знаний о праве, а пропаганда – это распространение идей в обществе. Конечной целью правового просвещения и правовой пропаганды выступает формирование правовой культуры гражданина и формирование правовой культуры общества посредством повышения юридической грамотности граждан.

С учетом этого рассмотрим *правовую пропаганду в молодежной среде с привлечением образовательных организаций*.

Что же означают понятия «пропаганда» и «правовая пропаганда»?

Слово *пропаганда* происходит от латинского *propaganda*, что в переводе означает «подлежащее распространению»⁹. В русском языке слово «пропаганда» определяется как распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь взглядов, идей, знаний, учения¹⁰. Более глубокое определение пропаганды дает Большая советская энциклопедия, которая указывает, что *пропаганда* – это распространение политических, философских, научных, художественных и других взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой практической деятельности¹¹.

⁶ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом Российской Федерации 4 мая 2011 г. № Пр-1168) // Текст документа официально опубликован не был; Информационно-правовой портал Гарант.RU. URL: https://base.garant.ru/18868752/#block_91 (дата обращения: 08.04.2025).

⁷ См.: Путин поддержал идею о создании госбюро бесплатной юридической помощи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/765833> (дата обращения: 07.04.2025).

⁸ РОС. ГАЗ. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.04.2025).

⁹ См.: Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 21: Проба-Ременсы. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1975. С. 99.

¹⁰ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под. ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. С. 235.

¹¹ См.: Большая советская энциклопедия... С. 99.

В русском языке слово *знание* определяется как результаты познания, научные сведения, совокупность сведений в какой-нибудь области¹². Большая советская энциклопедия определяет термин «*знание*» как проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в сознании человека¹³.

В юридическом контексте термин *право* многозначен, он употребляется в различных смыслах и значения. Однако наиболее известны следующие значения права: 1) объективное право – система действующих в государстве общеобязательных правил (норм), содержащихся в законах и подзаконных актах, норм, вытекающих из общепризнанных правил и принципов международных актов и договоров; 2) субъективное право – принадлежащее конкретному лицу правомочие, основанное на объективном праве¹⁴. В свою очередь в юридической литературе определение общего понятия *права* (правового закона, т. е. позитивного права, соответствующего объективным требованиям права) трактуется как соответствующая требованиям принципа формального равенства система норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченный возможностью государственного принуждения¹⁵.

С учетом вышеизложенного, можно сделать вывод, что содержание «правовых знаний» образуют данные: 1) о нормах Конституции Российской Федерации; 2) о нормах наиболее важных федеральных законов (в том числе основных положений отраслевых кодексов); 3) об иерархии нормативных правовых актов Российской Федерации; 4) об изменениях и дополнениях, внесенных в нормативные правовые акты Российской Федерации; 5) о правовых последствиях совершения правонарушений; 6) об иной правовой информации. Кроме того, право обладает воспитательной функцией, т. е. право, отражая определенную идеологию, оказывает специфическое педагогическое воздействие на лиц, формирует у субъектов мотивы правомерного поведения [2, с. 53], а также оказывает профилактическое воздействие на население (превентивная пропаганда) [3, с. 143].

В юридической литературе под *правовой пропагандой* понимается целенаправленный процесс и один из способов идеологического действия права на общественные отношения, который осуществляется в открытой (традиционной) и скрытой (латентной) формах уполномоченными лицами, органами и институтами в отношении широкого круга лиц и общества в целом, и имеет своей целью выработку у адресата моделей правомерного поведения [4, с. 223].

Следует согласиться с мнением ученых-юристов, указывающих на следующие характерные особенности *правовой пропаганды*: 1) является идеологическим процессом; 2) обязательно содержит сформулированную цель (при этом сформулированная цель не всегда сфокусирована на результат в качестве действия, часто она может быть сформулирована как «развенчание» сомнений в правильности своих действий с учетом действующего законодательства); 3) направлена на распространение правовых ценностей, правовых идей, правовой политики; 4) реализуется в контексте системы правового воспитания; 5) в отличие от других видов пропаганды содержит максимум значимой в содержательном плане информации (она максимально близка к правовому информированию и в меньшей степени использует психологические манипуляции по сравнению с политической, культурной, нравственной, религиозной пропагандой); 6) сокращает сроки формирования в обществе необходимых стереотипов, принятия правовых идей и правовых реалий; 7) отличается особой эффективностью воспитательного воздействия на адресата по сравнению с иными формами правового воспитания [5, с. 82].

Параллельно с понятием «правовая пропаганда» в отечественной юриспруденции употребляется понятие *пропаганда правовых знаний*. Как же соотносятся между собой понятия «пра-

¹² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка... С. 614.

¹³ См.: Большая советская энциклопедия... Т. 9. С. 555.

¹⁴ См.: Актуальные проблемы теории права: учебник. М.: Акад. управления МВД России, 2021. С. 54–55.

¹⁵ См.: Общая теория права и государства: учебник / В. С. Нерсесянц. М.: Норма, 2014. С. 75.

вовая пропаганда» и «пропаганда правовых знаний»? На первый взгляд, данные понятия могут показаться идентичными. Поэтому достаточно часто правоприменители не проводят различия между ними, употребляя в качестве синонимов. Однако представляется, что понятие «правовая пропаганда» шире понятия «пропаганда правовых знаний», т. е. соотносятся как часть (пропаганда правовых знаний) и целое (правовая пропаганда). При этом в юридической литературе под *пропагандой правовых знаний предлагается понимать систематическую служебную деятельность по разъяснению требований нормативных правовых актов с целью формирования правомерного поведения* [6, с. 130]. Кроме того, прослеживается тенденция более активного применения понятия «пропаганда правовых знаний» в документах правоохранительных органов. Так, например, в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹⁶ предусмотрена обязанность полиции участвовать в *пропаганде правовых знаний* по направлениям деятельности полиции (п. 4 ч. 1 ст. 12). Понятие «пропаганда правовых знаний» также использовано в «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (№ Пр-1168).

Анализируя деятельность образовательных организаций по правовой пропаганде в молодежной среде, целесообразно акцентировать внимание на положительном опыте в данной области следующих образовательных организаций: 1) Школа права и управления Тюменского государственного университета (далее – ШПиУ ТюмГУ); 2) Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России¹⁷ (далее – ТИПК МВД России).

В ШПиУ ТюмГУ и ТИПК МВД России существует множество самых разнообразных форм и методов правовой пропаганды в молодежной среде: 1) информационно-пропагандистские мероприятия (лекции, уроки правовой грамотности, беседы, и др.); 2) публикации в научных изданиях (например: академический рецензируемый журнал «Юридический журнал БРИКС» (ТюмГУ); журналы «Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования» (ТюмГУ); «Юридическая наука и правоохранительная практика» (ТИПК МВД России); «Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России» и др.); 3) публикации в ведомственных изданиях (например: правовой литературно-публицистический международный журнал МВД России «Полиция России»; научно-практический альманах МВД России «Профессионал»¹⁸, еженедельная общественно-правовая газета «Щит и меч» и др.); 4) участие в научных форумах; 5) выступления в средствах массовой информации; 6) использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; 7) использование наглядной агитации; 8) оказание бесплатной квалифицированной юридической помощи в рамках юридической клиники данных образовательных организаций и др.

«Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» от 4 мая 2011 г. № Пр-1168 к одной из мер государственной политики в области образования и воспитания подрастающего поколения, юридического образования и подготовки юридических кадров относят «распространение положительного опыта образовательных учреждений высшего профессионального образования, осуществля-

¹⁶ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 28.02.2025 № 23-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.04.2025).

¹⁷ В период с 2014 по 2024 г. автор статьи занимал должность начальника кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, а также отвечал за организацию деятельности юридической клиники института.

¹⁸ См.: Шатилович С. Н. Опыт образовательной организации МВД России в области профессионального антикоррупционного воспитания и просвещения // Научно-практический альманах МВД России «Профессионал». 2022. № 6. С. 28–35; Шатилович С. Н. Участие образовательной организации МВД России в профилактике экстремистских проявлений в молодежной среде // Научно-практический альманах МВД России «Профессионал». 2023. № 4 (174). С. 24–32; и др.

ющих подготовку юридических кадров, по созданию и функционированию юридических клиник как формы оказания учащимися бесплатной квалифицированной юридической помощи населению» (подп. 8 п. 18).

Согласно Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», правовое информирование и правовое просвещение населения может осуществляться юридическими клиниками образовательных организаций высшего образования и негосударственными центрами бесплатной юридической помощи (ст. 28).

В свою очередь в целях реализации Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹⁹ и законом Тюменской области от 20 февраля 2012 г. № 3 «Об оказании юридической помощи в Тюменской области»²⁰ в ШПиУ ТюмГУ действует студенческая юридическая клиника, а в ТИПК МВД России – внештатная юридическая клиника²¹. Данный вид юридической деятельности указанных образовательных организаций реализуется по следующим основным направлениям:

1) деятельность юридической клиники по созданию условий для реализации установленного Конституцией Российской Федерации права граждан на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи;

2) деятельность юридической клиники по решению социальных проблем общества на территории Тюменской области путем оказания юридической помощи социально незащищенным категориям населения (инвалиды, лица с ограниченными возможностями здоровья, маломобильные граждане, безработные, сироты, нуждающиеся и др.);

3) деятельность юридической клиники по правовому просвещению населения, в том числе детей и молодежи, посредством проведения в образовательных организациях и общеобразовательных учреждениях информационно-пропагандистских мероприятий, направленных на правовую пропаганду в молодежной среде;

4) деятельность юридической клиники по формированию и закреплению у обучающихся образовательных организаций юридического профиля практических навыков в юридической работе, сближение теоретического образования с практической деятельностью юриста.

Рассмотрим подробнее данные направления деятельности юридических клиник ШПиУ ТюмГУ и ТИПК МВД России.

Во-первых, в рамках деятельности указанных юридических клиник по оказанию бесплатной квалифицированной юридической помощи гражданам, профессорско-преподавательским составом данных образовательных организаций осуществляется привлечение на добровольной основе обучающихся (студентов и слушателей) к работе в качестве студентов-консультантов (слушателей-консультантов) юридической клиники. При этом их обязанности состоят в приеме устных либо письменных обращений, заявлений граждан (в том числе социально незащищенных категорий населения) по различным вопросам в сфере административно-правовых, гражданско-правовых и трудовых отношений, а также последующего их правового консультирования (изучение конкретной жизненной проблемы, с которой столкнулся гражданин,

¹⁹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023 № 651-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6725; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.04.2025).

²⁰ Закон Тюменской области от 20 февраля 2012 г. № 3 «Об оказании юридической помощи в Тюменской области» (ред. от 27.03.2024 № 8) // Тюменские известия. 2012. 22 февраля; Информационно-правовой портал Гарант.RU. URL: https://base.garant.ru/18868752/#block_91 (дата обращения: 07.04.2025).

²¹ В соответствии с Соглашением о сотрудничестве и взаимодействии, заключенным между ТИПК МВД России и филиалом автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, в ТИПК МВД России действует внештатная юридическая клиника.

анализ ее правового значения и предложение юридических способов ее разрешения в интересах обратившегося за юридической помощью). Бесплатная юридическая помощь оказывается гражданам в следующих формах: устное консультирование, консультирование посредством онлайн-чата через сайт юридической клиники, составление письменных правовых заключений, составление различных процессуальных документов (заявлений, жалоб, претензий и др.), и др. В результате такой деятельности у обучающихся формируются и закрепляются практические навыки в юридической работе, а также достигается сближение теоретического образования с практической деятельностью юриста.

Во-вторых, деятельность указанных юридических клиник направлена на решение социальных проблем общества на территории Тюменской области путем оказания юридической помощи социально незащищенным категориям населения. К сожалению, законодательно определение понятия «социально незащищенная категория граждан» нигде не приводится, однако в ряде нормативных правовых актов имеется его упоминание. Так, например, в Федеральном законе от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»²² гражданин признается нуждающимся в социальном обслуживании в случае, если существуют обстоятельства, которые ухудшают или могут ухудшить условия его жизнедеятельности. К таким обстоятельствам законодатель относит: полную или частичную утрату способности либо возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, обеспечивать основные жизненные потребности в силу заболевания, травмы, возраста или наличия инвалидности; наличие в семье инвалида или инвалидов, в том числе ребенка-инвалида или детей-инвалидов, нуждающихся в постоянном постороннем уходе; наличие иных обстоятельств, которые нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации признаны ухудшающими или способными ухудшить условия жизнедеятельности граждан и др. Кроме того, анализируя действующие правовые нормы трудового и жилищного законодательства в сфере обеспечения прав ветеранов, инвалидов, пенсионеров, несовершеннолетних, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, можно прийти к выводу, что эта категория граждан нуждается в особой социальной защите, не в состоянии обеспечить себе (своим семьям) достойный уровень материального благосостояния. Поэтому в юридической литературе предлагается под социально незащищенными гражданами понимать категорию лиц, которым по совокупности факторов (здоровье, возраст, ряд тяжелых жизненных обстоятельств или все вышеперечисленное) необходима помощь и защита в разных проявлениях, будь то поддержка, защита или помощь в организации жизни с полными регулятивными (в силу невозможности самостоятельно осуществлять данные функции) функциями [7, с. 59].

С учетом вышеизложенного, в целях повышения эффективности деятельности студенческих юридических клиник образовательных организаций и оказания квалифицированной юридической помощи социально незащищенным категориям населения предлагается внести изменения в Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»²³, в которых будет сформулировано определение понятия «социальная незащищенность», а также закреплен общий перечень лиц, выступающих социально незащищенными.

В-третьих, в рамках деятельности указанных юридических клиник особое внимание отводится правовой пропаганде в молодежной среде посредством проведения различных информационно-пропагандистских мероприятий в образовательных организациях и общеобразователь-

²² Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (ред. от 26.12.2024 № 476-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (часть I). Ст. 7007; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.04.2025).

²³ Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ред. от 20.03.2025 № 39-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 29. Ст. 3699; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.04.2025).

ных учреждениях города Тюмени преподавателями-кураторами юридической клиники (в том числе совместно с обучающимися из числа консультантов юридической клиники). Целесообразно отметить тематику вышеуказанных информационно-пропагандистских мероприятий в рамках правовой пропаганды в молодежной среде: 1) юридическая ответственность несовершеннолетних (основания, возраст, последствия); 2) ответственность за совершение различных видов правонарушений и преступлений; 3) ответственность за нарушение правил дорожного движения несовершеннолетними; 4) ответственность за вовлечение несовершеннолетних в де-структивную деятельность, а также о вреде информации, пропагандирующей насилие; 5) правовые последствия опасных видов развлечений в подростковой среде (зацепинг, квадробинг, руффинг, снайфинг и др.); 6) ответственность за потребление наркотических средств, табака и никотиносодержащей продукции и др.

В-четвертых, правовая пропаганда в молодежной среде относится к одному из эффективных методов профилактики правонарушений в России (превентивная пропаганда), благодаря которой существенно повышается уровень профилактической деятельности правоохранительных органов, и, прежде всего, органов внутренних дел Российской Федерации (в том числе образовательных организаций системы МВД России). Об этом свидетельствует и Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»²⁴, где в качестве первой формы профилактического воздействия предусматривается *правовое просвещение и правовое информирование* (ст. 17).

Во время информационно-пропагандистских мероприятий в рамках правовой пропаганды в молодежной среде, проводимых в форме лекций, уроков правовой грамотности и бесед, главная задача заключается в том, чтобы дети и несовершеннолетние смогли научиться правильно ориентироваться в определенных жизненных ситуациях, действуя в рамках закона, осознать свои жизненные возможности при выборе законопослушного варианта поведения, а также понять, что рядом с ними находятся неравнодушные к их судьбе взрослые образованные люди.

В-пятых, в целях повышения качества и эффективности участия образовательных организаций в правовой пропаганде в молодежной среде предлагаются следующие практические рекомендации по осуществлению данной деятельности:

1) при подготовке к информационно-пропагандистским мероприятиям в рамках правовой пропаганды в молодежной среде *следует использовать*: статистические данные о количестве выявленных преступлений, а также причинах и условиях, наиболее часто способствующих их совершению; соответствующую информацию из материалов правоприменительной практики, размещенную на официальных ресурсах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

2) методический материал для проведения информационно-пропагандистских мероприятий в процессе правовой пропаганды в молодежной среде *должен быть*: доказательственным и аргументированным, содержать достаточное количество ярких и убедительных примеров, фактов, обоснований, а также сопровождаться анализом проблемных ситуаций и выявлением причин их возникновения; наглядным, сочетаться по возможности с демонстрацией мультимедийных материалов;

3) во время правовой пропаганды в молодежной среде *необходимо*: обеспечивать формирование позитивного имиджа сотрудника правоохранительных органов, а для этого проводить ознакомление с примерами совершения сотрудниками таких органов подвигов, их мужественных и решительных действий, положительного опыта служебной деятельности, в том числе во время специальной военной операции; сложные вопросы должны быть раскрыты простым,

²⁴ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024 № 232-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26 (Ч. I). Ст. 3851; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.04.2025).

доступным языком; лектору полагается не только своим поведением, но и сдержаным и официальным внешним видом подчеркивать принадлежность к государственной службе. Поэтому такая деятельность должна проводиться целенаправленно в контакте с ветеранами, сотрудниками и работниками правоохранительных органов Российской Федерации, имеющих высшее юридическое образование, и, прежде всего, с участниками специальной военной операции;

4) во время правовой пропаганды в молодежной среде *запрещается*: пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства; грубое нарушение норм общественной морали, неуважение к закону и суду; изложение позиций, противоречащих единой внешнеполитической линии и международным обязательствам Российской Федерации; использование информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, а также служебную информацию (сведения) ограниченного распространения.

Таким образом, анализ вопросов правовой пропаганды в молодежной среде с привлечением образовательных организаций позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Правовая пропаганда является одной из эффективных форм правового воспитания детей и молодежи в России, а также относится к одному из эффективных методов профилактики правонарушений в России (*превентивная пропаганда*), благодаря которой существенно повышается уровень профилактической деятельности правоохранительных органов, и, прежде всего, органов внутренних дел Российской Федерации (в том числе образовательных организаций системы МВД России).

2. Под *правовой пропагандой* понимается целенаправленный процесс и один из способов идеологического действия права на общественные отношения, который осуществляется в открытой (традиционной) и скрытой (латентной) формах уполномоченными лицами, органами и институтами в отношении широкого круга лиц и общества в целом и имеет своей целью выработку у адресата моделей правомерного поведения.

3. Понятие «правовая пропаганда» шире понятия «пропаганда правовых знаний», т. е. соотносится как часть (пропаганда правовых знаний – это систематическая служебная деятельность по разъяснению требований нормативных правовых актов с целью формирования правомерного поведения) и целое (правовая пропаганда).

4. В целях повышения эффективности деятельности студенческих юридических клиник образовательных организаций и оказания квалифицированной юридической помощи социально незащищенным категориям населения предлагается внести изменения в Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», в которых будет сформулировано определение понятия «социальная незащищенность», а также закреплен общий перечень лиц, выступающих социально незащищенными.

5. В результате участия в деятельности студенческой юридической клиники у обучающихся образовательных организаций юридического профиля формируются и закрепляются практические навыки в юридической работе, а также достигается сближение теоретического образования с практической деятельностью юриста.

6. В целях повышения качества и эффективности участия образовательных организаций в правовой пропаганде в молодежной среде предлагаются практические рекомендации по осуществлению данной деятельности.

Список литературы

1. Родительские директивы как основа глобальных социально-правовых исследований: моногр. / А. Ф. Абдулвалиев, В. Н. Борщенюк, С. Джиннони, Э. В. Зауторова, Л. В. Иванова, В. Лезьер, М. В. Лодинова, Г. В. Пережогина, А. Р. Салимгареева, Н. А. Семерянова,

- А. С. Сизова, А. Б. Скаков, А. В. Соколова, А. В. Сумачев, С. Н. Шатилович; отв. ред. Л. В. Иванова, А. В. Сумачев. Тюмень: Изд-во: ТюмГУ-Press, 2024. С. 46–54 (148 с.).
2. **Гамалей А. А.** Система функций права: проблемы познания и науки // Образование и право. 2016. № 12. С. 51–58.
3. **Тогузаева Е. Н.** Пропаганда как превентивная инновация в современном российском законодательстве // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. № 1. С. 143–151.
4. **Абрамов А. Е., Прохорова С. И.** Правовая пропаганда: к проблеме определения понятия // Новая наука: теоретический и практический взгляд. Международное науч. период. изд. по итогам Междун. науч.-практ. конф. Стерлитамак: РИЦ АМИ. 2015. Ч. 2. С. 220–223.
5. **Тогузаева Е. Н.** Роль правовой пропаганды в укреплении идеологических основ // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23. Вып. 1. С. 79–84.
6. **Молотков М. Б.** Пропаганда правовых знаний как обязанность полиции // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2024. № 3. С. 129–133.
7. **Иванова Е. С.** К вопросу определения социальной незащищенности и круга лиц, относящихся к социально незащищенным категориям граждан // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 8. С. 58–61.

References

1. Parental directives as the basis of global socio-legal research: a monograph; A.F. Abdulvaliev [et al.]; edited by L.V. Ivanov, A.V. Sumachev. Tyumen, Publishing House TSU-Press, 2024, 148 p. (in Russ.)
2. **Gamalej A. A.** Sistema funkcij prava: problemy poznaniija i nauki [The system of functions of law: problems of cognition and science]. *Education and law*, 2016, no. 12, pp. 51–58. (in Russ.)
3. **Toguzaeva E. N.** Propaganda as a preventive innovation in modern Russian legislation. *Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Economics. Management. Right*, 2024, no. 1, pp. 143–151. (in Russ.)
4. **Abramov A. E., Prohorova S. I.** Pravovaja propaganda: k probleme opredelenija ponjatija [Legal propaganda: on the problem of defining the concept]. *Novaja nauka: teoretičeskij i praktičeskij vzgljad. Mezhdunarodnoe nauchnoe periodicheskoe izdanie po itogam Mezhdun. nauch.-prakt. konf. Sterlitamak: RIC AMI*. 2015, part 2, pp. 220–223. (in Russ.)
5. **Toguzaeva E. N.** Rol' pravovoj propagandy v ukreplenii ideologicheskikh osnov [The role of legal propaganda in strengthening ideological foundations]. *Izvestija Saratovskogo un-ta. Novaja serija. Serija: Jekonomika. Upravlenie. Pravo*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 79–84. (in Russ.)
6. **Molotkov M. B.** Propaganda of legal knowledge as a police duty. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 3, pp. 129–133. (in Russ.)
7. **Ivanova E. S.** On the issue of defining social insecurity and the circle of persons belonging to socially vulnerable categories of citizens. *Gaps in Russian legislation*, 2023, vol. 16, no. 8, pp. 58–61. (in Russ.)

Информация об авторе

Шатилович Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент; доцент Академического департамента Школы права и управления Тюменского государственного университета

Information about the Author

Sergey N. Shatilovich, PhD in Law, Associate Professor, Tyumen State University; Associated Professor Academic Department at the School of Law and Management

*Статья поступила в редакцию 08.04.2025;
одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 30.06.2025*

*The article was submitted 08.04.2025;
approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 30.06.2025*

Научная статья

УДК 342.723+341.231.14
DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-27-44

Биоэтический конституционализм как новый вектор развития правового и экзистенциального мировоззрения в эпоху генетической информации и биоюриспруденции прав человека¹

Игорь Александрович Кравец

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

kravigor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5291-7177>

Аннотация

В статье идентифицируются научно-методологические, этические и правовые основы биоэтического конституционализма, раскрываются доктринальные подходы к пониманию биоэтики в рамках международной дискуссии, выявляются особенности предмета и методологии биоэтики, рассматривается значение юридизации и медикализации принципов биоэтики и формирование биоюриспруденции и биоэтического конституционализма. В современный период под влиянием достижений в исследовании науки и технологий происходит кэволюционное развитие биоэтики, прескриптивного конституционализма и новых прав человека, которые отражают процесс переплетения и активного взаимодействия биологического, социального, правового и культурного порядка.

Концепция биоэтического конституционализма развивается на стыке четырех сфер знаний и достижений: биомедицинской этики, биологии, медицины и прав человека. Она основывается на гуманитарной биобезопасности и экзистенциальной ценности человеческой жизни как социально-биологического и этико-мировоззренческого явления.

Автор приходит к выводу, что биоэтический конституционализм соединяет в себе доктринальные, нормативные, институциональные, медико-правовые, технологические и этико-философские компоненты. В статье констатируется, что к числу новых прав человека следует относить биоэтические права человека в области соматики и репродукции (соматические и репродуктивные), которые вместе с бионейротехнологиями определяют, с одной стороны, биобезопасность отдельного человека и человеческого общества, с другой стороны, содействуют реализации биосоциальной человеческой репродукции и поддержанию границ вторжения в природу и возможности человека. Центральное место в системе биоэтических прав человека занимает право на биосоциальную репродукцию, которое обладает комплексной природой и является экзистенциальным, биологическим и социальным выражением возможностей и способностей человека обеспечивать антропологическое разнообразие и межпоколенческое развитие человеческого вида на земле.

Ключевые слова

биоэтический конституционализм, биологический конституционализм, антропологический конституционализм, биоэтика, биоправа человека, биоэтические права человека, биоюриспруденция, биоправо, генетическая информация, биоинформатика, конституция жизни

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00338, <https://rscf.ru/project/25-18-00338/> («Антропологический биоконституционализм и достижение биоэтического благополучия в

¹ Статья подготовлена по итогам выступления с докладом на Международной научной конференции «Новые права человека и новые аспекты содержания и реализации традиционных прав». Москва, Ин-т государства и права РАН, 09 апреля 2025 г.

системе обеспечения гуманитарной биобезопасности: человеческое достоинство и новые права человека в правовой онтологии и биосоциальной репродукции»).

Для цитирования

Кравец И. А. Биоэтический конституционализм как новый вектор развития правового и экзистенциального мировоззрения в эпоху генетической информации и биоюриспруденции прав человека // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3. С. 27–44. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-27-44

Bioethical Constitutionalism as a New Vector of Development of Legal and Existential Worldview in the Era of Genetic Information and Biojurisprudence of Human Rights

Igor A. Kravets

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

kravigor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5291-7177>

Abstract

The article identifies the scientific, methodological, ethical and legal foundations of bioethical constitutionalism, reveals doctrinal approaches to understanding bioethics in the framework of international discussion, analyzes the features of the subject and methodology of bioethics, considers the importance of legalization and medicalization of the principles of bioethics and the formation of biojurisprudence and bioethical constitutionalism. In the modern period, under the influence of advances in the study of science and technology, there is a co-evolutionary development of bioethics, prescriptive constitutionalism and new human rights, which reflect the process of interweaving and active interaction of the biological, social, legal and cultural order.

The concept of bioethical constitutionalism is developing at the intersection of four areas of knowledge and achievements: biomedical ethics, biology, medicine and human rights. It is based on humanitarian biosecurity and the existential value of human life as a socio-biological and ethical-ideological phenomenon. The author comes to the conclusion that bioethical constitutionalism combines doctrinal, normative, institutional, medical-legal, technological and ethical-philosophical components. The article states that new human rights should include bioethical human rights in the field of somatics and reproduction (somatic and reproductive), which, together with bionurotechnologies, determine, on the one hand, the biosafety of an individual and human society, and, on the other hand, facilitate the implementation of biosocial human reproduction and the maintenance of the boundaries of invasion into nature and human capabilities. The central place in the system of bioethical human rights is occupied by the right to biosocial reproduction, which has a complex nature and is an existential, biological and social expression of human capabilities and abilities to ensure the maintenance of anthropological diversity and intergenerational development of the human species on earth.

Keywords

bioethical constitutionalism, biological constitutionalism, anthropological constitutionalism, bioethics, human biorights, bioethical human rights, biojurisprudence, biolaw, genetic information, bioinformatics, constitution of life

Funding

The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No 25-18-00338, <https://rscf.ru/en/project/25-18-00338/> (“Anthropological bioconstitutionalism and the achievement of bioethical well-being in the system of ensuring humanitarian biosafety: human dignity and new human rights in legal ontology and biosocial reproduction”)

For citation

Kravets I. A. Bioethical constitutionalism as a new vector of development of legal and existential worldview in the era of genetic information and biojurisprudence of human rights. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 3, pp. xx–xx. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-xx-xx

Введение

В человеке сочетаются биологические, социальные и культурные качества. Можно отдавать предпочтение отдельным свойствам (качествам) развития человека, отказывая другим в равновесном значении. Однако даже если считать, что «человек прежде всего – живое, природное существо», нельзя отказать его природе в биосоциальной пластичности, которая «несет

на себе следы биогенетической и культурной эволюции» [1, с. 5]. В век информационных и генетических технологий забота о природе человека и ее охране выдвигается на первое значимое место. Это необходимо для поддержания надлежащего уровня использования способностей и возможностей человека в процессе самореализации, преодоления рисков и воспроизведения человеческого вида на земле.

Биоэтика и правовое регулирование соматических и когнитивных способностей и возможностей человека оказываются на перекрестке новой эпохи, связанной с развитием биоинформатики и генетической информации, с одной стороны, цифровых технологий и системы алгоритмов, с другой стороны.

Алгоритмическое общество и эпоха генетической информации открыли новые перспективы для взаимоотношений человеческого потенциала, правовых институтов и достижений современной биологии и технологий.

Учеными в области исследований наук и технологий высказываются обоснованные суждения об идиоме «со-производства» (совместного производства), которая отражает развитие и взаимообогащение достижениями наук о жизни и новых технологий, истории и культуры, права и политики в познании окружающего мира и способов идентификации человеческих потребностей и интересов. Как отмечает Ш. С. Джасанофф, естественный и социальный порядок благодаря человеческой деятельности воспринимается как «созданный вместе»; такие порядки (естественный и социальный) являются результатом «совместного производства», или «со-производства». Концепция совместного производства описывает, с одной стороны, «способы, которыми мы познаем и представляем мир (как природу, так и общество)», их взаимосвязь и взаимное влияние; с другой стороны, неотделимость процесса познания и научных достижений «от способов, которые мы выбираем для жизни» в современном мире [2, р. 2].

Новая область знаний «Исследование науки и технологий» («Science and Technology Studies», S&TS) одними (например, И. Т. Касавиным) признается значимым мировым трендом «в философско-междисциплинарных исследованиях», в котором обнаруживаются «явные параллели с российской традицией философии науки и научоведения» [3, с. 5–6]. Другие полагают, что за последние десятилетия (порядка 40 лет) область исследований науки и технологий (S&TS) достигла значительного прогресса в освещении взаимосвязи между научными знаниями и политической властью. Такой прогресс породил в сфере взаимодействия биологического и социального порядка относительно новое направление исследований – биоконституционализм. Исследования науки и технологий показывают важность взаимодополняющего взаимодействия биологических и правовых концепций жизни: одна сосредоточена на определении жизни (ее начала и ее конца), другая уделяет внимание ее правам. Такой подход признается «фундаментальной чертой научного и технологического общества» [4, р. 3, 4–5].

В последней четверти XX в. и в первой четверти XXI в. происходит кэволюционное развитие биоэтики, прескриптивного конституционализма и новых прав человека, которые отражают процесс переплетения и активного взаимодействия биологического, социального, правового и культурного порядка. Как пишет Ш. С. Джасанофф, научное знание не является «трансцендентным зеркалом реальности». Оно обеспечивает внедрение, взаимопроникновение различных практик и институтов и само внедряется в «социальные практики, идентичности, нормы, соглашения, дискурсы, инструменты и институты», которые выступают строительными блоками того, что «мы называем социальным» [2, р. 3].

На перекрестке знаний, опыта и суждений: кэволюция биоэтики, конституционализма и прав человека

Несмотря на длительное существование биоэтики, ее место в системе знаний и в системе дисциплин вызывает споры, а современное состояние нередко описывается как проблемное. Некоторые исследователи ставят вопрос о том, является ли биоэтика стандартной дисципли-

ной и обладает ли стандартным (уникальным) методом исследования? Долгое время шли споры о том, нужно ли готовить специалистов в области биоэтики. Возможно ли, что *биоэтика – не дисциплина и не метод* [5, р. 1]? На вопрос, заданный в 2025 г., был дан ответ еще в 1973 г. в журнале «The Hastings Center Studies». Дэниел Каллахан отмечал, что «дисциплина биоэтики должна быть разработана таким образом, а ее практикующие специалисты должны быть так подготовлены, чтобы она напрямую – любой ценой для дисциплинарной элегантности – служила тем врачам и биологам, чье положение требует от них принятия практических решений» [6, р. 66].

Развивая его взгляды и учитывая значительную область *правовой биоэтики и биоюрис-пруденции*, можно сказать, что в XXI в. *биоэтика как мультидисциплина* требует профессиональных компонентов, сформированных и в рамках обучения, и в рамках последующих практических дел и научных исследований с притязанием на «пожизненный статус». К таким компонентам с позиций новых достижений относятся: во-первых, социологическое понимание медицинских и биологических сообществ, культура коммуникационных связей внутри и между сообществами по жизненно важным вопросам реализации потребностей и интересов [6, р. 66–67]; во-вторых, психологическое понимание видов потребностей, испытываемых исследователями и клиницистами, пациентами и врачами, и разновидностей давления, которому они подвергаются; в-третьих, историческое понимание источников господствующих теорий ценностей и общепринятых практик с учетом культурного разнообразия и принципа учета традиционных ценностей; в-четвертых, международные и национальные нормативно-правовые требования в области биоправа и биомедицины, их адаптация к культурным и иным особенностям реализации законных интересов в области биомедицины; в-пятых, необходима научная подготовка в области биоэтики, биоправа и биомедицины; знание достижений в области наук о жизни, понимание и легкость в использовании обычных методов этического анализа, «как они понимаются в философских и теологических сообществах, – и не менее полное понимание ограничений этих методов при применении к реальным случаям» [6, р. 66–67]; в-шестых, личное знакомство с этическими проблемами, которые возникают в медицине, биологии, при реализации или гарантировании биоправ человека, а также профессиональный интерес к ним; в-седьмых, *биоэтику как дисциплину отличает своеобразие методологии*. Признавая за биоэтикой характер дисциплины, основанной на мультидисциплинарных или междисциплинарных подходах, мы должны принять следующее допущение. Каждая дисциплина характеризуется своими методами. Следовательно, когда исследования в области биоэтики опираются на различные методы, они *пересекают дисциплинарные границы*. Поэтому возникает проблема обеспечения «строгости в исследованиях в области биоэтики» [7, р. 187], особенно на стыковых областях с другими дисциплинами.

Существует несколько взглядов на биоэтику.

Первый взгляд характеризует биоэтику как *общую философскую дисциплину об этике жизни и отношениях среди живых существ* (человека и иных видов на земле). Биоэтика может иметь философски ориентированное измерение или основываться на разных философских традициях, например, на *феноменологической герменевтике* с выходом на прикладные аспекты здоровья и медицинского вмешательства. При этом ключевым вопросом становится *вопрос об онтологии жизни*. Сторонники феноменологического подхода видят важность определения «пространства биоэтического смыслообразования». Такое пространство имеет «множество конститутивных элементов», среди которых моральные предположения о таких вещах, как права и обязанности, достоинство и уважение; культурные нормы поведения; концепции здоровья и болезни; убеждения о силе биомедицинского вмешательства. Однако «первостепенное значение» имеют «онтологические предположения о природе сущностей, в которые вмешиваются: живые организмы и их части и процессы» [8, р. 1–4, 3].

Второй взгляд называет биоэтику «полудисциплиной», в которой соединяются профессиональные знания в области медицинской этики и прикладные аспекты философско-этических

знаний о жизненных циклах человека, его воспроизведстве, рождении и смерти. К данному подходу примыкает, но не совпадает с ним *понимание биоэтики как дисциплины второго порядка*. В этом случае продолжается дискуссия о том, *должна ли биоэтика стать новой дисциплиной* со своими собственными методами, стандартами компетентности, обязанностями, почитаемыми текстами и основной учебной программой [9, р. 601]. Опираясь на представление о значимости экспертизы в биоэтике как дисциплине, раскрывая различные взгляды на вид экспертизы, которая может быть уникальной для сферы биоэтики, автор приходит к выводу, что «не удается определить уникальную область экспертизы для успешных биоэтиков» [9, р. 601]. А это затрудняет превращение биоэтики в новую дисциплину. Следовательно, экспертиза в биоэтике коренится во многих профессиях, дисциплинах и областях знаний, поэтому ее лучше всего понимать как *дисциплину второго порядка*.

Также биоэтику характеризуют как «междисциплинарную область знаний», она полностью не устоялась, а является формирующейся и одновременно развивающейся дисциплиной. *Междисциплинарность* проявляется в том, что она опирается на различные устоявшиеся дисциплины, такие как философия и общая этика, право, биоправо и биоправа, медицина и биомедицина, не имея единого, общепринятого набора методологий. *Биоэтика имеет свой собственный фокус внимания на ценностях человеческой жизни и человеческого плода, она сосредоточена на комплексе этических вопросов, связанных с науками о жизни и медициной*. Однако границы и методология биоэтики развиваются под влиянием достижений наук и технологий, поэтому они не остаются неизменными, вызывают новые споры и переосмысление реальности.

Третий взгляд исходит из наиболее важного значения *биомедицинской этики в профессиональной деятельности врачей*, предоставления медицинской помощи, научных медицинских исследований. В этом случае биомедицинская этика рассматривается как прикладная и профессиональная этика, которая требует специальных знаний врачебного дела, ухода за пациентами и медицинской клинической практики. Например, авторы классической работы ставят знак равенства между *биомедицинской этикой и биоэтикой*, используя их как синонимы, полагая, что в основе дисциплины лежат моральные основания и моральные принципы, применяемые к сфере медицинской деятельности [10, р. VII–XI].

Медикализация биоэтики основывается на принципах доказательной медицины. Такой подход свидетельствует о появлении и все большем распространении представления о том, что *биоэтика – это дисциплина профессиональной этики, основанной на доказательствах*, которые рассматриваются как необходимый базис для обоснованности этических суждений в медицинской сфере или в сфере интегративного развития биомедицины и биоюриспруденции.

Как правило, доказательная медицина или подход, «основанный на доказательствах», трактуется в медицине и других науках о жизни и социальных науках как эмпирически адекватный стандарт разумной практики и средство повышения уверенности [11]. *Такой подход не должен подрывать этическую нормативность биоэтики*. В поисках консенсуса можно обеспечивать соизмерение эмпирических доказательств и нормативного дискурса. Принятие решений следует обосновывать ссылкой на эмпирические доказательства и правовые и этические нормы биоэтики. Наблюдаемый «эмпирический поворот» в биоэтике сигнализирует о необходимости переосмысления методов, используемых для моральной оценки. Однако не следует игнорировать (или скрывать) *нормативное содержание требований и принципов биоэтики с помощью применяемых технологий*, которые могут рассматриваться как нейтральные по отношению к биоправам и принципам биоэтики.

Четвертый взгляд (в российских работах) предлагает рассматривать *биоэтику как прикладное направление интегральной этики* на основе «глубоко понимаемой интегрально-научной методологии» [12, с. 7–8]. В целом данный подход тяготеет к пониманию биоэтики как этики, *основанной на доказательствах*, однако научная методология в сфере биоэтики вы-

ходит за пределы узко понимаемой доказательной медицины, она может быть связана и с другими сферами научного познания (биологии, права, нейрологии).

Конституционализм как нормативное учение и биоэтика как прикладная сфера этических воззрений стали совместными усилиями заниматься *выработкой требований к вопросам правового и этического регулирования конституции жизни человеческого вида на земле*.

Появилась возможность осмыслять *человеческую жизнь и воспроизведение человеческого вида с позиций антропологического биоконституционализма*, который рассматривается в качестве нового направления развития биоправа и биоюриспруденции.

В заявке, поддержанной РНФ в 2025 г., предложено рассматривать «антропологический биоконституционализм, основанный на человеческом достоинстве и новых правах человека» как «новое направление в исследовании целей и результатов конституционно-правового и смежного отраслевого регулирования статуса личности в условиях развития современных информационных и цифровых технологий, биомедицины и биотехнологий, новых сфер само-реализации человеческих возможностей и интересов, а также комплексных мультидисциплинарных прав на биосоциальную репродукцию и на достижение биоэтического благополучия»².

Теоретическая концепция *биоконституционализма (биологического конституционализма)*, развивающаяся на стыке четырех сфер знаний и достижений, постепенно трансформируется в *теорию биоэтического и антропологического конституционализма*. Это связано, в первую очередь, с особой *экзистенциальной ценностью человеческой жизни как социально-биологического и этико-мировоззренческого явления*, в котором переплетаются различные компоненты социального, политического, правового, духовного и биологического порядка.

Концепция *биоэтического и антропологического конституционализма*, предложенная в исследованиях [13; 14], базируется на следующих доктринах и достижениях ученых в различных областях знаний: права (биоправа, биоправ человека), биологии (биотехнологии человеческого воспроизведения), конституционной теории (прескриптивного конституционализма), прав человека (соматических и репродуктивных прав человека), биосоматики и нейронауки. Эти области знаний развиваются в условиях перехода к 4-й Промышленной революции и изменений технологического уклада современности.

Результатом взаимодействия науки и технологий, с одной стороны, этики жизни и прав человека, с другой стороны, стали достижения в области биотехнологий, человеческой репродукции, реализации и гарантирования соматических и репродуктивных прав человека.

Государства в XXI в., откликаясь на потребности научно-технического прогресса, формируют исследовательские и инвестиционные программы для развития технологических инноваций (в том числе в области бионейротехнологий). Концепция «совместного производства» («ко-производства») естественного (биологического), культурного, социального и правового порядка способна откликаться на потребности *конвергенции знаний и улучшения гарантий гуманитарной биобезопасности человеческого рода на земле*. В исследованиях науки и технологий концепция «совместного производства» показывает всю сложность связей, которая возникает между «фактами и ценностями, дескриптивными и нормативными, эпистемологическими и материальными» аспектами взаимодействующих порядков. Например, Шейла С. Джасанофф (Sheila S. Jasianoff) высказывает мнение о *«палимпсесте» современной жизни*. Образ *«палимпсеста»* используется для характеристики наложения различных порядков друг на друга, определяя их взаимное влияние. Процесс развития и переплетения охватывает право и биологию, права человека и естественные потребности человеческого рода, которые «*определяют возможности, ограничения, права и обязанности быть живыми – особенно для видов, которые*

² Информация о заявке, поддержанной Российским научным фондом № 25-18-00338, <https://rscf.ru/project/25-18-00338/> («Антропологический биоконституционализм и достижение биоэтического благополучия в системе обеспечения гуманитарной биобезопасности: человеческое достоинство и новые права человека в правовой онтологии и биосоциальной репродукции»).

мы называем людьми» [4, р. 1–2, 4–5]. Возможно, более адекватное описание взаимного и многостороннего влияния естественного, социального, культурного и правового пространства будет основано на концепции их *коэволюционного развития*.

Биоэтический конституционализм участвует в формировании современного естественного, социального и этико-правового порядка. Процесс жизни человека в системе живых организмов и в системе отношений внутри человеческого рода связан с необходимостью откликаться и создавать *правовые основы жизнедеятельности и биобезопасности*, которые должны учитывать сложный процесс одновременного формирования естественного, социального и этико-правового порядка.

Научная новизна исследования состоит в разработке форм, методов и результатов влияния биоэтического конституционализма как стратегического конституционализма на формирование и институционализацию ценностей и практик регулирования и реализации новых прав человека в контексте развития общенациональных особенностей российского конституционализма, обеспечения гуманитарной биобезопасности и совершенствования правовой системы страны.

В век генетической информации важным для российского правового порядка и сравнительного биоправа представляется решение фундаментальной научной проблемы в сфере развития и совершенствования конституционно-правового статуса личности и конституционной биоэтики в условиях внутригосударственных и международных рисков эволюции Российского государства и общества. Данная фундаментальная проблема затрагивает *нормативные основы, государственную политику в области цифровизации и использования биотехнологий при обеспечении права человека на здоровье* [15]. Она имеет несколько составляющих: 1) идентификация биоэтических и нормативных правовых регуляторов биоэтического конституционализма и новых прав человека; 2) философско-правовое и юридическое обоснование конституционных ценностей антропологического биоразнообразия и биосоциальной безопасности, обеспечивающих прогрессивное развитие конституционной биоэтики и биоюриспруденции в российской правовой и конституционной системе; 3) системный анализ детерминант и факторов эффективности (или неэффективности) правового регулирования, обеспечения и реализации новых прав человека, связанных с биосоциальной репродукцией и новыми бионейротехнологиями.

Междисциплинарный характер исследования предполагает комплексный, *межотраслевой и системный анализ* правовых, этических и экзистенциальных форм взаимоотношений человеческого достоинства и прав человека как лидирующих для человекоцентричного понимания права, правового регулирования статуса личности, обеспечения биобезопасности в новых сферах биоэтического и нейроэтического благополучия.

Ключевые сферы таких взаимоотношений связаны как с базовым пакетом прав и свобод личности, так и с новыми сферами правового регулирования: 1) сферой социального управления и социального благополучия; 2) сферой конституционной коммуникации и политической модернизации; 3) сферой биоэтики, соматических и репродуктивных прав; 4) сферой информационных и цифровых гарантий реализации конституционных прав и свобод.

Научная новизна работы основывается на комбинации исследовательских подходов: 1) выявлении теоретических, международно-правовых, биоэтических, медико-этических и нормативно-правовых, а также практико-реализационных аспектов становления в России антропологического биоконституционализма, конституционной биоюриспруденции и биомедицины, новых прав человека в области бионейротехнологий; 2) создании концептуальных основ и нормативно-этических подходов к обеспечению гуманитарной биобезопасности; 3) системном осмыслиении международного и зарубежного опыта и национальных особенностей признания (непризнания) и правового регулирования новых прав, формирующихся вокруг использования тела (*soma*), здоровья человека, когнитивных способностей и биосоциальной репродукции, возможностей и способностей человеческого организма. При этом учитываются

достижения современных биотехнологий и биомедицины, человеческий потенциал и достоинство личности в контексте реализации соматических и репродуктивных прав, оценивается эффективность правового регулирования, государственных гарантий в сфере реализации репродуктивных и иных медицинских технологий, используемых в российской и зарубежной медицинской практике.

В условиях интеграции науки и технологий, нового витка Промышленной революции возникает потребность в конвергенции знаний в области биоправа, права 3.0, медицины 4П для успешного преодоления рисков 4-й Промышленной революции (4IR) и создания отечественной модели антропологического биоконституционализма и биоюриспруденции, основанной на достижении гуманитарной биобезопасности и биоэтического благополучия.

Методологической основой и исследовательской парадигмой биоэтического конституционализма являются следующие методы и подходы с интеграционным пониманием научных направлений в области биоэтики, биоправа и биомедицины. Во-первых, это мультидискурсивный анализ нормативных, структурно-функциональных, этических, здравоохранительных, медико-организационных и технологических основ становления и развития биоэтического конституционализма в контексте международной интеграции и международных рисков, формирования отечественной модели бионейроюриспруденции.

Во-вторых, это методологический и этический плюрализм в оценке современных моделей биоконституционализма, *полимодальность структур современного биоэтического конституционализма в контексте осмыслиения гуманитарных рисков и создания оптимальной отечественной модели биобезопасности.*

В-третьих, это *понимание значимости антропоцена не только как геологического, но и антропологического понятия*; разработка условий и факторов влияния антропоцена на создание оптимальных моделей правового регулирования, нормативно-этических требований к развитию биоюриспруденции и биомедицины, а также бионейротехнологий, определяющих судьбу природы современного человека (в его национальной, наднациональной и международной юрисдикции).

В-четвертых, это методология глубинного «палимпсеста» современного социального, биологического и правового порядка, определяющего человеческие представления о природе человека и человеческой репродукции, возможности антропогенного воздействия человека не только на окружающую среду, но и на свою собственную природу.

В-пятых, это критический структурализм, как методологическая комбинаторика в рамках направления «критических правовых исследований» (“critical legal studies”). Для понимания природы, моделей биоэтического конституционализма необходимо использование нескольких ключевых составляющих данной методологии: 1) выявление элементов и концептуальное формирование «глубинной структуры» биоэтического конституционализма и человеческой биосоциальной репродукции как правового и медицинского явления (использование *эффекта сведе́ния всего множества* научно-доктринальных, правореализационных и медико-технологических позиций о конкретном правовом понятии к ограниченному набору исходных теоретических посылок, которые делают возможными существование этих позиций); 2) анализ элементов «глубинной структуры» биоэтического конституционализма как явления одновременно социального, правового, биологического и технологического, выявление базовых (философско-правовых, социально-экономических и биолого-технологических) элементов биосоциальной репродукции через концептуальные противопоставления (такие, как «право – медицина», «право – государственная политика», «факты – ценности», «правовые гарантии – медицинские технологии» и иные); 3) определение границ и форм взаимосвязи и взаимозависимости между противоположными элементами «глубинной структуры», допуская возможность их сочетаемости в иерархии ценностей и предпочтений для целей повышения эффективности как правовых регуляторов и гарантий, так и использования бионейротехнологий; 4) оценка длительной

перспективы развития эффекта «деконструкции» в контексте невозможности предпочтения одного элемента «глубинной структуры» другому элементу.

Биоэтика и жизнь человека на перекрестке конституционного мировоззрения

Биоэтика на глобальном, наднациональном и национальном уровне формирует ряд важнейших этических и нормативных требований к регулированию и реализации современных биоправ человека. Такие права вместе с бионейротехнологиями определяют, с одной стороны, биобезопасность отдельного человека и человеческого общества, с другой стороны, содействуют реализации биосоциальной человеческой репродукции и границы вторжения в природу и возможности человека. *Тело человека и его соматические и репродуктивные права, когнитивные возможности образуют биосоциальный и нейрокоммуникационный организм с правовым статусом*, имеющим комплексный характер, позволяющий осуществлять биосоциальную репродукцию в условиях государственной поддержки, правовых гарантий и применения современных вспомогательных репродуктивных и иных медицинских технологий. Влияние правовых регуляторов, бюджетных и иных государственных гарантий на возможность и эффективность применения репродуктивных технологий к лицам с онкологическими заболеваниями – важная проблема современной онкологической медицины, медицины репродуктивных технологий, с одной стороны, медицинского права и правового обеспечения реализации соматических и репродуктивных прав, с другой стороны.

В современных исследованиях, проводимых на стыке биомедицины, биоправа и новых технологий, обсуждается вопрос о *биоконституционной публичной политике, о биоконституционализме и пересмотре границ правового регулирования биомедицинских технологий* [16, с. 37–41], о *признании и конституционализации новых прав человека, связанных с человеческой репродукцией и расширенным воспроизводством человеческого вида на земле* (как в границах отдельных государств, так и в глобальной перспективе).

В научной литературе сложилось несколько подходов к пониманию взаимодействия конституционного мировоззрения, биоправа и биомедицины, которые можно рассматривать как некоторые научные тренды в обсуждении параметров *конституционных основ жизни человека*.

Первый подход сложился под влиянием взглядов М. Фуко на содержание и пределы биополитики в современных государствах [17, р. 140–141]. Влиятельные концепции биовласти и биополитики рассматривали в достаточно жесткой перспективе человеческих субъектов как не более чем подчиненных тел, поглощенных аморфной массой населения. М. Фуко использует разнообразные термины с составным элементом «био»: не только *биовласть, биополитика*, но и *биоистория, биоэнергия*. Биовласть, ее формы и способы использования расцветают в капиталистическом строем. М. Фуко пишет, что приспособление накопления людей к накоплению капитала, соединение роста человеческих групп с расширением производительных сил и дифференцированное распределение прибыли стали возможными отчасти благодаря использованию биовласти в ее многочисленных формах и способах применения [17, р. 141].

Несомненно, конституции в XXI в. стали более пристально относиться к условиям жизни человека и его воспроизводства, уделять больше внимания вопросам биополитики, однако конституционализация основных сфер и направлений биополитики государства пока не произошла.

Второй подход продуцирует концепцию биоконституционализма, он возник благодаря исследованиям Шейлы Джассанофф и группы ученых, занимающихся взаимодействием биологических знаний и конституционных норм на общем поле достижений наук и технологий, которые имеют «широкий спектр последствий для биоэтики, права и политической теории» [4, р. 4].

Третий подход сформировался на основе доктрины *конституционной биоюриспруденции*, в которой нашли отражения идеи коэволюционного развития социального и технологического уклада, с одной стороны, и биологического и этико-правового пространства, с другой стороны [18; 19]. На наш взгляд, авторская позиция отражает процесс становления *биоэтического и антропологического конституционализма*, который соединяет в себе доктринальные, нормативные, институциональные, технологические и этико-философские компоненты.

Soma и право на биосоциальную репродукцию: антропологический взгляд на биоконституционализм

Слово «сόма (sóma)» переводится с греческого как тело. От него происходит понятие соматических прав, широко вошедшее в отечественное научное употребление благодаря работам В. И. Круска [20, с. 43–50], А. И. Ковлера [21] и других ученых-юристов. Хотя в медицине используется понятие «соматические» для характеристики телесных заболеваний, устойчивого словоупотребления в медицинской науке соматических прав как прав человека в сфере медицины, распоряжения своим телом не существует. В 2022 г. в Университете Рединга (University of Reading, England) была защищена диссертация (PhD) «Соматические права как новая категория прав человека» [22], в которой рассматривается признание новой категории прав человека, которую автор называет соматическими правами – правами, связанными со сферой принятия решений относительно собственного тела, хотя в российской науке такая категория прав появилась на четверть века раньше.

Между тем значение слова «soma» включает не только тело, но и совокупность клеток организма за исключением половых (репродуктивных). Однако именно репродуктивные права стали в российской науке рассматриваться как разновидность соматических прав человека. На наш взгляд, в системе соматических и репродуктивных прав человека требует своего обоснования (признания) и дифференцированного правового регулирования *право на биосоциальную репродукцию*. Применение *биосоциального подхода к человеческой репродукции* может рассматриваться как синергетический подход к человеческому развитию [23, р. 2]; он позволяет создавать *эффект синергии*, которая обеспечивается *интеграцией перспектив социальных и биологических наук*. Данное право обладает *комплексной природой и является экзистенциальным, биологическим и социальным выражением возможностей и способностей человека* обеспечивать поддержание антропологического разнообразия и межпоколенческого развития человеческого вида на земле. Данное право требует учета в структуре межпоколенческой солидарности, которая рассматривается на основе принципов равенства и единства поколений [24, с. 22–25]. Природа данного права имеет *объективный гуманитарно-биологический и социально-правовой характер*. И в этом смысле является *объективно существующим правом человека*, независимо от того, конституционализировано оно или нет, приобретает характер юстициабельности или пока еще только находится в процессе позитивного и судебного признания [25, с. 47].

Биоэтика на глобальном, наднациональном и национальном уровнях формирует ряд важнейших этических и нормативных требований к регулированию и реализации современных биоправ человека. Тело человека и его соматические и репродуктивные права образуют биосоциальный организм с правовым статусом, имеющим комплексный характер, позволяющий осуществлять биосоциальную репродукцию в условиях государственной поддержки, правовых гарантий и применения современных вспомогательных репродуктивных и иных медицинских технологий. Влияние правовых регуляторов, бюджетных и иных государственных гарантий на возможность и эффективность применения репродуктивных технологий к лицам с онкологическими заболеваниями – важная проблема современной онкологической медицины, медицины репродуктивных технологий, с одной стороны, медицинского права и правового обеспечения реализации соматических и репродуктивных прав, с другой стороны.

Понятие, природа и предметная область биоэтического конституционализма

Биоэтический конституционализм опирается на несколько базовых концепций и современную доктрину конституционной биоюриспруденции.

Во-первых, на идею Р. Токарчика о биоюриспруденции, которая рассматривается в качестве оснований права для XXI века [26].

Во-вторых, на труды российских авторов, продвигавших идеи биоюриспруденции в область общей юриспруденции и биоправа и в различные сферы *отраслевой биоюриспруденции*, которые с различных отраслевых позиций рассматривают жизнь человека, духовные, телесные и ментальные аспекты защиты человеческой жизни и его воспроизведения. Например, В. Н. Корнев [27], И. А. Умнова-Конюхова [28; 29], И. А. Алешкова [28], И. А. Кравец [18; 19]. В доктрине рассматриваются проблемные области соотношения права биобезопасности, биоправа и биоюриспруденции, опираясь на «узкое и широкое понимание биобезопасности в современном праве и научной правовой доктрине» [29, с. 20–26].

Современное биомедицинское право (авторы Л. Н. Берг, И. А. Кравец, И. Ю. Крылатова, А. В. Нечкин, О. В. Романовская, Г. Б. Романовский) получает значительный импульс для своего развития от сферы отраслевой и конституционной биоюриспруденции, формируя запрос на инкорпорирование принципов биоэтики, биоэтического конституционализма и биоправ человека [16, с. 19, 37].

В-третьих, на классические и универсальные принципы биоэтики и принципы биоправа, отраженные в актах ЮНЕСКО и в научных трудах в области биомедицинской этики. *Биоэтический конституционализм* формируется как *интегративное* публично-правовое, этико-философское и медико-деонтологическое образование, которое осваивает пути международно-правового регулирования и имплементации биоэтики и прав человека, формирования национально-юрисдикционных особенностей и моделей конституционной биоюриспруденции. Не случайно в российских исследованиях (например, Е. И. Холодовой, Л. Д. Туршук) не раз предлагалось закрепить на конституционном и законодательном уровнях основополагающие принципы международного права в области биоэтики [30, с. 193].

Биоэтический конституционализм имеет *синоптическую природу*, которая интегрирует несколько областей знаний. Комплексному охвату подвергаются различные по своему характеру предметные сферы биоэтических и нейроэтических прав человека, которые возникают как следствие обеспечения человека центризма гуманитарной биобезопасности при использовании биотехнологий и нейротехнологий; в такой же степени появляется потребность выработки *нормативных основ государственной бионейрополитики*, создания государственных гарантий в данных сферах.

Предметная сфера биоэтики находится в движении, она постоянно расширяется и появляются новые области. Вместе с тем каждая область биоэтики имеет проекцию на доктрину биоэтического конституционализма и прав человека. Поэтому можно говорить о формировании *предметно-тематической сферы биоэтического конституционализма*, которая включает следующие области знаний.

Во-первых, разработка нормативно-правовых и этических требований к принципам охраны здоровья граждан и достижению биоэтического благополучия и обеспечения гуманитарной биобезопасности в системе общественного здравоохранения. Во-вторых, нормативно-правовое и этическое регулирование и обеспечение человеческого достоинства и достоинства пациентов в системе биоэтических прав человека и прав пациента. В-третьих, конституционно-правовые и этические гарантии реализации универсальных и национальных принципов биоэтики в системе медицинской помощи и репродуктивного здравоохранения. В-четвертых, государственно-правовые и этические требования и гарантии в сфере геномной медицины (например, по отношению к дизайнерским младенцам, осуществления генной терапии и генной диагностики, обеспечения генетического равноправия и развития отношений в генной инженерии).

В-пятых, конституционные и государственно-правовые гарантии использования вспомогательных репродуктивных технологий и искусственной прокреации, поддержание и обеспечение человеческой фертильности. В-шестых, нормативно-этические ограничения и запреты в отношении клонирования животных и человека. В-седьмых, государственно-правовые гарантии и этические требования в системе технологического жизнеобеспечения человека. В-восьмых, государственно-правовые гарантии и процедуры осуществления в сфере танатологии. В-девятых, нормативно-правовые и этические аспекты формирования и реализации государственной политики в сфере биоинформатики и сохранности биоданных.

Таким образом, можно отметить, что в системе биоэтического конституционализма роль биоэтики тройственная: 1) биоэтика формирует фундаментальные философски ориентированные подходы к сфере жизнеобеспечения человеческой жизни, человеческой репродукции, опираясь на ценность человеческой жизни и поддержание воспроизведения человеческого вида на земле; 2) биоэтика применяется к решению этических и социальных вопросов при использовании биотехнологий, которые понимаются как применение науки и технологий к живым организмам и их частям или к продуктам и моделям живых организмов [31, р. 3–4]; 3) биоэтика через принципы и правила *юридизируется*, происходит конституционализация и юридизация биоэтических требований и биоэтических прав человека, которые становятся предметом регулирования различных областей законодательства.

Заключение: выводы и предложения

Первое. *Биоэтический конституционализм* формирует представление о новой парадигме исследовательской программы в сфере идентификации совокупности условий и требований жизни человека и человечества в целом через государственно-правовые и политические аспекты гарантирования гуманитарной биобезопасности, которые определяют в XXI в. конституцию жизни.

В этом смысле новая парадигма конституционализма опирается на *биоэтику как междисциплинарную область* [32, р. 1, 5], которая имеет тесную связь с другими академическими дисциплинами и сферами исследований (такими, как право, науки о жизни, теология и философия, бионейротехнологии). Постепенно формируется представление о *биоэтике как академической дисциплине*, которая имеет тесную связь с актуальными для общества проблемами обеспечения жизни человека, сохранения его природы среди других живых видов на земле, его воспроизведения и межпоколенческого единства.

Биоправо и биоэтический конституционализм взаимосвязаны правовыми и биоэтическими категориями, процессом *юридизации принципов биоэтики*, которые нашли закрепление в универсальных актах ЮНЕСКО, постепенно отражаются в здравоохранительном законодательстве и конституционной политике различных государств, обеспечивая биоэтическую конституционализацию и судебно-практическую институционализацию и признание биоправ человека с определенными ограничениями в различных юрисдикциях [33, с. 193].

Второе. *Антропологический подход* в конституционном праве рассматривается как один из *поворотов постмодерна* [34, с. 148], где человек выступает центром социальной реальности; он выводит нас на *идею антропологического конституционализма*, который возникает в результате взаимодействия различных элементов биологического, социального, культурно-исторического и правового порядка, создавая условия для *комплексной социогуманитарной и биолого-правовой идентичности человека*.

Такая *идентичность является не только комплексным, но и изменяющимся явлением* в течение жизни человека и в процессе человеческой репродукции, начиная от человеческого плода и заканчивая достойным уходом из жизни и гуманитарной памятью межпоколенческого характера.

Третье. *Бионейроконституционализм* как сложно образованная категория отражает два взаимосвязанных публично-правовых понятия: *биоэтический и нейроэтический конституционализм*, становление которых связано с разработкой в рамках национальных юрисдикций нормативно-правовых и этических требований к регулированию, реализации и гарантированию *биоэтических и нейроэтических прав человека* при использовании бионейротехнологий. Такой подход постепенно становится *стратегической парадигмой российской и международной конституционной юриспруденции* и в целом *биоюриспруденции* [33, с. 200–201].

Четвертое. Формируется область *нормативно-этических воззрений на взаимодействие биоэтики и медицинской практики* (мосты взаимообусловленного развития). Пандемия COVID-19 и последующее развитие медицины и общественного здравоохранения потребовали нового видения *социальной солидарности и коллективной безопасности* (особенно в связи с выработкой коллективного иммунитета), а также актуализировали этические вопросы в области взаимодействия врача и пациента, с одной стороны, отношение к здоровью, биоэтическому благополучию на уровне отдельного человека, группы граждан и национальных юрисдикций, с другой стороны. В ХХI в. приобретает особую актуальность в биоэтике и биоэтическом конституционализме поддержание и обеспечение *медицинского и этического профессионализма*, а также «этическое выведение моральных измерений профессионализма», так как ответственный профессионализм в клинической медицине не может игнорировать теорию добродетелей [35, р. 40]. Медицинский и этический профессионализм – это система *профессиональных компетенций и профессиональных ценностей*, которые рассматриваются в качестве основных элементов профессионализма [36; 37, р. 3–4].

Пятое. *Дискурс биоправ человека* становится особенно востребованным в первой четверти ХХI в. Связано это, с одной стороны, с развитием *дискуссии о ценности и защите жизни и здоровья человека*, которая усилилась в последние десятилетия. С другой стороны, очевидный прогресс в биомедицинских и биотехнологических исследованиях открыл новые вопросы о границах жизни, о границах вмешательства в природу человека, о гарантиях биобезопасности, которые показали эпистемологическую несостоительность «традиционных научных концепций и методологических инструментов», а также «нормативную неадекватность текущих правил для идентификации» [38, с. V–VIII] возникающих проблем и рисков.

Под влиянием универсальных принципов биоэтики и биомедицины дискурс биоправ человека *постепенно приобретает характер биоэтических прав, соединяя биологические, этические и правовые компоненты в единое целое*. При этом взаимодействие естественного, правового и социального порядка в области гуманитарной биобезопасности и человеческой репродукции в различных юрисдикциях с учетом уже имеющегося набора универсальных принципов биоэтики, выработанных в актах ЮНЕСКО, приобретает национальную специфику. Поэтому можно говорить о формировании *глобальной, межрегиональной и национальной моделях биоэтического конституционализма*, в которых сочетаются принципы биоэтики, *межрегиональное и национальное признание различных биоэтических прав человека* и выработка ограничений, гарантий и особенностей их реализации в различных юрисдикциях.

Список литературы

1. Гуревич П. С., Фролов И. Т. Философское постижение человека // Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения; редкол.: И. Т. Фролов и др.; сост. П. С. Гуревич. М.: Политиздат, 1991. С. 3–19.
2. Jasamoff, S. (ed.) States of Knowledge: The Co-Production of Science and Social Order. London: Routledge, 2004. 332 pp.
3. Касавин И. Т. STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация? // Epistemology & Philosophy of Science. 2014. № 1 (39). С. 5–17.

4. **Jasanoff S.** (ed.). *Reframing Rights. Bioconstitutionalism in the Genetic Age*. London; Cambridge, 2011. 320 p.
5. **Hofmann B.** Bioethics: No Method-No Discipline? // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2025. Vol. 34 (1). P. 99–108. doi:10.1017/S0963180124000136
6. **Callahan D.** Bioethics as a Discipline // *The Hastings Center Studies*. 1973, Vol. 1. No. 1. P. 66–73. <https://doi.org/10.2307/3527474>.
7. **Adler D, Shaul R. Z.** Disciplining bioethics: towards a standard of methodological rigor in bioethics research. *Account Res.* 2012. Vol. 19 (3). P. 187–207. DOI: 10.1080/08989621.2012.692971.
8. **Griffiths J. O.** Bioethics, the Ontology of Life, and the Hermeneutics of Biology // *Phenomenology of Bioethics: Technoethics and Lived-Experience*, ed. by S. Ferrarello, *The International Library of Bioethics* 84. Cham: Springer, 2021. P. 1–21. https://doi.org/10.1007/978-3-030-65613-3_1
9. Kopelman L. M., Bioethics as a Second-Order Discipline: Who Is Not a Bioethicist? // *The Journal of Medicine and Philosophy: A Forum for Bioethics and Philosophy of Medicine*. 2006. Vol. 31. Issue 6. P. 601–628, <https://doi.org/10.1080/03605310601009414>
10. **Beauchamp T. L., Childress J. F.** *Principles of Biomedical Ethics*. 7th ed. New York: Oxford University Press, 2013. 480 p.
11. **Goldenberg M. J.** Evidence-based ethics? On evidence-based practice and the “empirical turn” from normative bioethics // *BMC Med Ethics*. 2005. Vol. 6: Article number: 11. DOI: 10.1186/1472-6939-6-11
12. **Моисеев В. И., Моисеева О. Н.** Биоэтика: учебник: в 2 т. М.: Гэотар-Медиа, 2021. Т. 1 Общая часть. 160 с.
13. **Кравец И. А.** Антропологический конституционализм и гуманистическая аксиология правового статуса и достоинства личности // *Юридическая наука и практика*. 2020. Т. 16, № 3. С. 5–19. DOI: 10.25205/2542-0410-2020-16-3-5-19
14. **Кравец И. А.** Антропологический биоконституционализм и конституционная биоэтика: перспективы конституционализации биоразнообразия и конституционная реформа 2020 года // *Конституционное и муниципальное право*. 2022. № 5. С. 11–15. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-5-11-15.
15. **Комарова В. В., Басова А. В., Белов О. А.** [и др.] Цифровизация и биотехнологии в обеспечении права на здоровье в условиях чрезвычайных ситуаций. М.: Проспект, 2024. 304 с.
16. **Александрова А. В., Берг Л. Н., Болков М. А.** [и др.] Современное биомедицинское право. М.: Проспект, 2023. 480 с.
17. **Foucault M.** *The History of Sexuality. Volume I: An Introduction*. Translated from the French by Robert Hurley. New York: Pantheon Books, 1978. 168 p.
18. **Кравец И. А.** Конституционная биоюриспруденция и достижение биоэтического благополучия (ч. 1) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 2 (147). С. 16–42. DOI: 10.21128/1812-7126-2022-2-16-42
19. **Кравец И. А.** Конституционная биоюриспруденция и достижение биоэтического благополучия (ч. 2) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3 (148). С. 16–32. DOI: 10.21128/1812-7126-2022-3-16-32
20. **Крусс В. И.** Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // *Государство и право*. 2000. № 10. С. 43–50.
21. **Ковлер А. И.** Антропология права: учебник для вузов; Ин-т государства и права РАН, Акад. правовой ун-т. М.: Норма, 2002. 467 с.
22. **Alekseenko A.** Somatic rights as a new category of human rights. PhD thesis, University of Reading, 2022. DOI: 10.48683/1926.00117015

23. **Harris K. M., McDade T. W.** The Biosocial Approach to Human Development, Behavior, and Health Across the Life Course // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2018. Vol. 4 (4). P. 2–26. DOI: 10.7758/RSF.2018.4.4.01
24. **Ирхин И. В.** О публично-правовой институционализации феномена межпоколенческой солидарности (российская модель) // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 22–25. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-1-22-25.
25. **Пресняков М. В.** Право человека в современном конституционно-правовом пространстве // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 47–52. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-1-47-52
26. **Tokarczyk R.** Biojurisprudence: foundations of law for the twenty-first century. Lublin: Maria Curie-Skłodowskiej University Press, 2008. 113 p.
27. **Корнев В. Н.** Биоюриспруденция – новое направление в праве и юридической науке XXI века // Правосудие. 2021. Т. 3, № 4. С. 8–15.
28. **Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А.** Биоправо как отрасль права нового поколения // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2021. № 41. С. 98–118. DOI: 10.17223/22253513/41/9.
29. **Умнова-Конюхова И. А.** Право биобезопасности, биоправо и биоюриспруденция: соотношение понятий и их содержания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 20–26. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-12-20-26.
30. **Холодова Е. И., Туршук Л. Д.** Биоэтика и права человека: международно-правовое регулирование и пути имплементации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3. С. 193–198. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.76.3.193-198>
31. **Talbot M.** Bioethics. An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 476 p.
32. **Düwell M.** Bioethics: methods, theories, domains. New York: Routledge, 2013. 320 p.
33. **Кравец И. А.** Бионейропротекционизм – стратегическая парадигма российской и международной конституционной юриспруденции // Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина. М.: Проспект, 2023. С. 193–201.
34. **Исаева Н. В.** Предмет конституционного права в антропологическом контексте // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 148–158. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.96.11.148-158>
35. **Kinghorn W. A., McEvoy M. D., Michel A., Balboni M.** Professionalism in modern medicine: does the emperor have any clothes? // Academic Medicine. 2007. Vol. 82 (1). P. 40-45. DOI: 10.1097/01.ACM.0000249911.79915.4d
36. **Pellegrino E. D.** Professionalism, profession and the virtues of the good physician // Mount Sinai Journal of Medicine: A Journal of Translational and Personalized Medicine. 2002. Vol. 69 (6). P. 378–384.
37. **Ćurković M., Borovečki A.** (eds.). The Bridge Between Bioethics and Medical Practice. Medical Professionalism. Cham: Springer, 2022. 493 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-09733-1>
38. **Seoane J.-A., Vergara O.** (eds.). The Discourse of Biorights. European Perspectives. Cham: Springer, 2024. XV. 318 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-66804-3>

References

1. **Gurevich P. S., Frolov I. T.** Philosophical Understanding of Man. In *Man: Thinkers of the Past and Present on His Life, Death and Immortality. The Ancient World – the Age of Enlightenment*. Editorial Board: I. T. Frolov et al. Comp. P. S. Gurevich. Moscow, Politizdat, 1991, pp. 3–19. (in Russ.)
2. **Jasanoff S.** (ed.) *States of Knowledge: The Co-Production of Science and Social Order*. London, Routledge, 2004. 332 pp.

3. **Kasavin I. T.** STS: anticipatory naturalization or catch-up modernization? *Epistemology & Philosophy of Science*, 2014, no. 1 (39), pp. 5–17. (in Russ.)
4. **Jasanoff S.** (ed.). *Reframing Rights. Bioconstitutionalism in the Genetic Age*. London; Cambridge, 2011. 320 p.
5. **Hofmann B.** Bioethics: No Method-No Discipline? *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, 2025, vol. 34(1), pp. 99–108. doi:10.1017/S0963180124000136
6. **Callahan D.** Bioethics as a Discipline. *The Hastings Center Studies*, 1973, vol. 1, no. 1, pp. 66–73. <https://doi.org/10.2307/3527474>.
7. **Adler D., Shaul R. Z.** Disciplining bioethics: towards a standard of methodological rigor in bioethics research. *Accountability in Research*, 2012, vol. 19 (3), pp. 187–207. doi: 10.1080/08989621.2012.692971.
8. **Griffiths J. O.** Bioethics, the Ontology of Life, and the Hermeneutics of Biology. In *Phenomenology of Bioethics: Technoethics and Lived-Experience*, ed. by S. Ferrarello, The International Library of Bioethics 84. Cham, Springer, 2021, pp. 1–21. https://doi.org/10.1007/978-3-030-65613-3_1
9. **Kopelman L. M.**, Bioethics as a Second-Order Discipline: Who Is Not a Bioethicist? *The Journal of Medicine and Philosophy: A Forum for Bioethics and Philosophy of Medicine*, 2006, vol. 31, iss. 6, pp. 601–628, <https://doi.org/10.1080/03605310601009414>
10. **Beauchamp T. L., Childress J. F.** *Principles of Biomedical Ethics*. 7th ed. New York, Oxford University Press, 2013. 480 p.
11. **Goldenberg M. J.** Evidence-based ethics? On evidence-based practice and the “empirical turn” from normative bioethics. *BMC Med Ethics*, 2005, vol. 6: Article number: 11. doi: 10.1186/1472-6939-6-11
12. **Moiseev V. I.** *Bioethics: textbook: in 2 volumes*. Vol. 1 General part, V. I. Moiseev, O. N. Moiseeva. Moscow, GEOTAR-Media, 2021. 160 p. (in Russ.)
13. **Kravets I. A.** Anthropological Constitutionalism and Humanistic Axiology of Legal Status and Dignity of Man. *Juridical science and practice*, 2020, vol. 16 (3), pp. 5–19. DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-3-5-19. (in Russ.)
14. **Kravets I. A.** Anthropological bioconstitutionalism and constitutional bioethics: prospects for the constitutionalization of biodiversity and the constitutional reform of 2020. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2022, no. 5, pp. 11–15. DOI 10.18572/1812-3767-2022-5-11-15 (in Russ.)
15. **Komarova V. V., Basova A. V., Belov O. A. [et al.]** *Digitalization and Biotechnology in Ensuring the Right to Health in Emergencies*. Moscow, Prospect Limited Liability Company, 2024, 304 p. (in Russ.)
16. **Aleksandrova A. V., Berg L. N., Bolkov M. A. [et al.]** *Modern Biomedical Law*. Moscow, Prospect Limited Liability Company, 2023, 480 p. (in Russ.)
17. **Foucault M.** The History of Sexuality. Volume I: An Introduction. Translated from the French by Robert Hurley. New York, Pantheon Books, 1978, 168 p.
18. **Kravets I. A.** Constitutional biojurisprudence and the achievement of bioethical well-being (part 1). *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2022, no. 2 (147), pp. 16–42. DOI 10.21128/1812-7126-2022-2-16-42. (in Russ.)
19. **Kravets I.** Constitutional Biojurisprudence and Achieving Bioethical Well-Being (Part 2). *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2022, no. 3 (148), pp. 16–32. DOI 10.21128/1812-7126-2022-3-16-32. (in Russ.)
20. **Kruss V. I.** Personal (“somatic”) human rights in the constitutional and philosophical-legal dimension: towards the formulation of the problem. *State and Law*, 2000, no. 10, pp. 43–50. (in Russ.)
21. **Kovler A. I.** *Anthropology of Law: Textbook for universities*; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Academy of Law University. Moscow, NORMA publ., 2002, 467 p. (in Russ.)

22. **Alekseenko A.** *Somatic rights as a new category of human rights*. PhD thesis, University of Reading, 2022. DOI: 10.48683/1926.00117015.
23. **Harris K. M., McDade T. W.** The Biosocial Approach to Human Development, Behavior, and Health Across the Life Course. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, 2018, vol. 4 (4), pp. 2–26. doi: 10.7758/RSF.2018.4.4.01.
24. **Irkhin I. V.** On the public-law institutionalization of the phenomenon of intergenerational solidarity (Russian model). *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2023, no. 1, pp. 22–25. DOI 10.18572/1812-3767-2023-1-22-25. (in Russ.)
25. **Presnyakov M. V.** Human rights in the modern constitutional and legal space. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2023, no. 1, pp. 47–52. DOI 10.18572/1812-3767-2023-1-47-52. (in Russ.)
26. **Tokarczyk R.** Biojurisprudence: foundations of law for the twenty-first century. Lublin, Maria Curie-Skłodowskiej University Press, 2008, 113 p.
27. **Kornev V. N.** Biojurisprudence – a new direction in law and legal science of the 21st century. *Justice*, 2021, vol. 3, no. 4, pp. 8–15. (in Russ.)
28. **Umnova-Konyukhova I. A., Aleshkova I. A.** Biolaw as a branch of law of a new generation. *Bulletin of Tomsk State University. Law*, 2021, no. 41. pp. 98–118. DOI: 10.17223/22253513/41/9. (in Russ.)
29. **Umnova-Konyukhova I. A.** Biosafety law, biolaw and biojurisprudence: the relationship between concepts and their content. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2023, no. 12, pp. 20–26. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-12-20-26. (in Russ.)
30. **Kholodova E. I., Turshuk L. D.** Bioethics and human rights: international legal regulation and ways of implementation. *Actual problems of Russian law*, 2017, no. 3, pp. 193–198. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.76.3.193-198> (in Russ.)
31. **Talbot M.** Bioethics. An Introduction. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 476 pp.
32. **Düwell M.** Bioethics: methods, theories, domains. New York, Routledge, 2013. 320 p.
33. **Kravets I. A.** Bioneuroconstitutionalism – a Strategic Paradigm of Russian and International Constitutional Jurisprudence. In *Modern Russian Constitutionalism: on the 85th Anniversary of the Birth of Academician O. E. Kutafin*. Moscow, Prospect Limited Liability Company, 2023, pp. 193–201. (in Russ.)
34. **Isaeva N. V.** The subject of constitutional law in the anthropological context. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 11, pp. 148–158. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.96.11.148-158> (in Russ.)
35. **Kinghorn W. A., McEvoy M. D., Michel A., Balboni M.** Professionalism in modern medicine: does the emperor have any clothes? *Academic Medicine*, 2007, vol. 82 (1), pp. 40–45. doi: 10.1097/01.ACM.0000249911.79915.4d.
36. **Pellegrino E. D.** Professionalism, profession and the virtues of the good physician. *Mount Sinai Journal of Medicine: A Journal of Translational and Personalized Medicine*, 2002, vol. 69 (6), pp. 378–384.
37. **Ćurković M., Borovečki A.** (eds.). *The Bridge Between Bioethics and Medical Practice. Medical Professionalism*. Cham, Springer, 2022, 493 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-09733-1>
38. **Seoane J.-A., Vergara O.** (eds.). *The Discourse of Biorights. European Perspectives*. Cham, Springer, 2024. XV, 318 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-66804-3>

Информация об авторе

Кравец Игорь Александрович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права НГУ

SPIN: 7272-5729
WoS Researcher ID: N-9219-2015
Scopus Author ID: 57224000209

Information about the Author

Igor' A. Kravets, Head of the Chair of Constitutional and Municipal Law, The Institute for philosophy and law, doctor of juridical sciences, professor
SPIN: 7272-5729
WoS Researcher ID: N-9219-2015
Scopus Author ID: 57224000209

*Статья поступила в редакцию 23.06.2025;
одобрена после рецензирования 27.06.2025; принята к публикации 30.06.2025*

*The article was submitted 23.06.2025;
approved after reviewing 27.06.2025; accepted for publication 30.06.2025*

Научная статья

УДК 342.7

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-45-52

**Конституционно-судебная защита достоинства личности
в Российской Федерации
(интерпретационные и отдельные биоэтические аспекты
в сфере репродукции)**

Ирина Юрьевна Крылатова

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева
Екатеринбург, Россия

krylatova_iy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4624-998X>

Аннотация

В статье рассматривается природа человеческого достоинства на современном этапе. Особое внимание уделяется судебной практике, рассматривающей достоинство личности как принцип, ценность, субсидиарный источник иных правоотношений, самостоятельное право, источник иных прав и свобод, условие осуществления иных прав. Акцент сделан на уникальном свойстве достоинства личности как этико-правовом явлении, обладающим самостоятельным юридическим значением. Обсуждаются проблемы постмортальной репродукции, допустимость нравственных переживаний неродившегося ребенка и выплаты мер соответствующей социальной поддержки. На страницах работы автор поднимает вопрос о необходимости наполнения достоинства личности (на примере правоотношений в сфере репродукции человека) биоэтическим содержанием через интерпретацию конституционными судебными органами новых граней правоотношений, складывающихся в области био- и нейротехнологий.

Ключевые слова

биоэтика, достоинство личности, права и свободы, Конституционный Суд РФ, конституционно-судебная защита

Для цитирования

Крылатова И. Ю. Конституционно-судебная защита достоинства личности в Российской Федерации (интерпретационные и отдельные биоэтические аспекты в сфере репродукции) // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3. С. 45–52. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-45-52

**Constitutional and Judicial Protection of Human Dignity
in the Russian Federation
(Interpretative and Individual Bioethical Aspects
in the Field of Reproduction)**

Irina Y. Krylatova

The Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Ekaterinburg, Russian Federation

krylatova_iy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4624-998X>

Abstract

The article examines the nature of human dignity at the present stage. Particular attention is paid to judicial practice, considering human dignity as a principle, value, subsidiary source of other legal relations, an independent right, a source

© Крылатова И. Ю., 2025

of other rights and freedoms, a condition for the exercise of other rights. The emphasis is on the unique property of human dignity as an ethical and legal phenomenon with independent legal significance. The problems of postmortem reproduction, the admissibility of moral experiences of an unborn child and the payment of appropriate social support measures are discussed. On the pages of the work, the author raises the issue of the need to fill the dignity of the individual (using the example of legal relations in the field of human reproduction) with bioethical content through the interpretation by constitutional judicial bodies of new facets of emerging legal relations in the field of bio- and neuro-technologies.

Keywords

bioethics; human dignity; rights and freedoms; Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional and judicial protection

For citation

Krylatova I. Y. Constitutional and judicial protection of human dignity in the Russian Federation (interpretative and individual bioethical aspects in the field of reproduction). *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 3, pp. 45–52. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-45-52

Конституционная судебная деятельность, обеспечивающая взаимное усиление норм-принципов и конституционной политики [1, с. 2], одновременно соединяющая в себе запрос на судебную защищенность, составляющую важнейший элемент механизма обеспечения любого права [2, с. 2], обращалась к вопросам интерпретации и защиты человеческого достоинства в России с первых дней образования конституционного судебного органа. Комплексная судебная практика в отношении человеческого достоинства, сложившаяся с первых этапов существования органа конституционного правосудия, имеющая тенденцию к уточнению и расширению, с течением времени по-новому нюансирует и уточняет содержательное наполнение права на достоинство личности. Особенно ярко данная тенденция проявляется в том числе с сферой развития современных биотехнологий и «сопровождающих» их норм биоправа и биомедицинского права, опирающихся на конституционные и биоэтические принципы и подходы в области регулирования и защиты человеческого достоинства. В связи с этим возникает необходимость определить основные векторы конституционно-судебной защиты в заявленной области исследования в целом и выявить основные подходы к раскрытию права на достоинство личности в практике Конституционного Суда Российской Федерации в сфере репродукции, в частности (далее – Конституционный Суд).

Как отмечал Н. С. Бондарь, без учета правовых позиций Конституционного Суда как квинтэссенции ценностных начал его решений невозможно представить в полном объеме конституционно-категориальный статус достоинства человека [3, с. 19].

Анализируя современную конституционно-судебную практику общих подходов к интерпретации достоинства личности, необходимо отметить, что Конституционный Суд в своих решениях сформулировал следующие модели концепции человеческого достоинства и основные тенденции развития, которые на сегодняшний день широко обсуждаются в научном сообществе и являются фундаментом дальнейшего совершенствования правовой базы Российской Федерации.

Достоинство личности рассматривается как принцип (конституционные принципы включают достоинство личности как составной элемент¹; уважение достоинства личности – базисный принцип²). По нашему мнению, рассмотрение органом конституционного контроля феномена достоинства личности с позиции как конституционного, так и общеуниверсального принципа, несомненно, усиливает природу человеческого достоинства, расширяя как его теоретические коннотации, так и области практического применения. Вместе с тем, в связи

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 4.

с высокой степенью универсализма и обобщенности, подобный подход таит в себе опасности «размывания» попыток нормативной формализации человеческого достоинства, что может повлечь сложности при его сбалансированном применении при трактовке, реализации и защите конкретных прав человека.

Достоинство личности как ценность упоминается в более чем двухстах решениях Конституционного Суда (например, признание достоинства основополагающей ценностью предполагает корреспондирующую обязанность государства не вмешиваться в автономию личности³ и признание международных обязательств⁴).

Подобная правовая позиция, являющаяся, по нашему мнению, востребованной, связана с особой целью конституционных ценностей, выявляемых органами конституционного правосудия в рамках их интерпретационной деятельности, обеспечивающей надлежащий баланс интересов личности по отношению к интересам общества и государства с учетом цивилизационного развития морально-нравственных, общесоциальных, этических, правовых, культурных и иных фундаментальных основ человеческого бытия» [4, с. 6]. Представляется, что аксиологический подход к детерминации человеческого достоинства может выступить некоторым абсолютным ориентиром, направленным на оптимизацию и сбалансированность диаметральных общественных интересов в разноплановых общественных отношениях. Неисчерпаемость фундаментальных ценностей становится «стержневой опорой» аксиологии достоинства личности, содержащей в себе ее духовно-нравственный потенциал, который может быть применен не только в этическом, но и в правовом поле. При этом тенденции развития достоинства личности, как конституционно-правовой ценности, интенсивность ее восприятия обладают максимальной способностью к трансформации и «подстраиванию» в этико-правовые реалии как с учетом традиционных ценностей конкретного государства или локальной местности, так и с учетом глобальных тенденций, что наполняет человеческое достоинство, как ценность, смысловым универсализмом.

Достоинство личности выступает *субсидиарным источником иных правоотношений* («право о помиловании <...> является непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма»⁵, «любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на человеческое достоинство»⁶). Надо признать, что подобная интерпретация человеческого достоинства не лишена смыслового наполнения, при котором раскрывается особая «сопутствующая» роль достоинства личности как уникального нравственно-правового явления, сходящегося к «высвечиванию» и усилению сущности возникающих правоотношений и отдельных прав человека.

Достоинство личности представляет собой право (например: право на охрану достоинства⁷; право на защиту достоинства личности⁸; достоинство личности – личное неимуществен-

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 3.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2022 № 8-П // Рос. газета. 11 марта 2022. № 52.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 № 30-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 1; Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 45-П // Рос. газета. 12 ноября 2021. № 257; Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 459-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2023 № 3-П // Рос. газета. 01 февраля 2023. № 21.

ное право⁹). Приведенная правовая позиция констатации достоинства как права диаметрально оценивается в современной научной литературе. Одни исследователи полагают, что «в Конституции РФ имеет место прямое текстуальное закрепление достоинства человека в качестве прежде всего основного права человека, подтверждением чего является в том числе расположение соответствующей нормы (ст. 21) в главе 2 Основного Закона и глубокие нормативные связи ст. 21 с положениями ст. 2, 17, 18, 19, 64 Конституции РФ» [5, с. 20]. Другие высказывают сомнения о существовании права на достоинство как самостоятельного субъективного права в силу отсутствия его прямого закрепления в Конституции РФ [6, с. 10]. При подобной аргументации возможно поспорить с позицией исследователей об отсутствии субъективного права на достоинство личности, так как конституционное положение ст. 21 Конституции РФ «достоинство личности охраняется государством» именно с позиции реализации и защиты потенциала заложенных возможностей субъективных прав раскрывается как в дальнейшем конституционном тексте, так и в нормах действующего законодательства.

Достоинство личности является источником прав и свобод (фундаментом прав и свобод человека) (достоинство личности – основа свободы, справедливости и уважения всех неотъемлемых прав личности¹⁰, определяющая содержание и применение законов, деятельность властных органов, обеспечиваемых правосудием¹¹). Нельзя не согласиться с данным подходом в рассмотрении правового, социокультурного и мировоззренческого феномена достоинства личности. Являясь основой самодетерминации, самоидентификации и самосознания личности, объем человеческого достоинства наполняет новым содержанием и трансформирует основные права человека в зависимости от индивидуального запроса и притязания на определенное благо. Предельная концентрация доктринальных коннотаций и практических смыслов феномена человеческого достоинства дает стимул к воспроизведству отдельных свойств и смыслов конкретного права человека в условиях видоизменяющейся действительности.

Достоинство личности как общее условие осуществления иных прав (достоинство личности подлежит защите в качестве общего условия осуществления всех иных прав и свобод¹²). Надо признать определенную спорность подобного истолкования Конституционным Судом РФ сути человеческого достоинства. При подобном понимании достоинство личности, как совокупность факторов, обстоятельств и требований, «переводящих» потенциальное наполнение содержания конкретного права человека в плоскость его практической реализации, требует дополнительной расшифровки со стороны органа конституционного контроля.

Таким образом, представляется, что многообразие представленных моделей свидетельствует о многообразии существенных коннотаций феномена человеческого достоинства, которое как уникальное пограничное этико-правовое явление способно раскрываться новыми гранями как в биоэтике, так и конкретной жизненной ситуации. Приведенные аспекты не стоит ни преувеличивать, ни противопоставлять, тем более что во многих случаях достоинство человеческой личности обладает самостоятельным юридическим значением в конституционно-процессуальном порядке защиты основных прав и свобод. Особая категориальная пластичность уникального феномена достоинства личности в конституционно-судебной практике делает

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2024 № 53-П // Рос. газета. 29 ноября 2024. № 272.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 № 6-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 5.

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 № 7-П // СЗ РФ. 2023. № 11. Ст. 1868; Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1999 № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 4; Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 № 7-П // СЗ РФ. 2023. № 11. Ст. 1868; Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

его, с одной стороны, универсальным «опорным сопутствующим» аргументом или аксиологической основой при разрешении споров (в случае обращения судами к достоинству личности с позиции принципа или ценности), а с другой – выступает самостоятельным или корреспондирующем предметом защиты (в ситуации обращения судами к достоинству личности как к субъективному праву, условию или источнику осуществления иных прав).

Концепция достоинства личности в области биоэтических отношений и правоотношений по распоряжению собственным телом и его ресурсами, отражающая органические непротиворечивые взаимосвязи между уникальностью человеческой личности в ее естественном достоинстве перед лицом биотехнологических вызовов и основными направлениями соответствующей государственной политики, находит свое отражение в конституционной судебной практике Российской Федерации по одному из важнейших направлений современной биоэтики – *эмбриологии или правоотношений в сфере репродукции человека*, которое является одним из абсолютных и общепризнанных на международном уровне приоритетов формирования нового актуального научного знания в исследуемой области с опорой на фундаментальные ранее сформулированные основы обобщенной концепции человеческого достоинства. В сфере репродукции человека наиболее емко и ярко в конституционной судебной практике как российской, так и зарубежной достоинство личности наполняется биоэтическим содержанием через интерпретацию конституционными судебными органами новых граней складывающихся правоотношений в области био- и нейротехнологий и формирование новых доктринальных подходов к исследуемому явлению.

Надо признать, что вопросы начальной точки возникновения права на жизнь и корреспондирующее ему право на достойное обращение во внутриутробном периоде развития (*эмбриология*), представляющее концепцию морального статуса эмбриона, Конституционный Суд, в отличие от зарубежных коллег, самостоятельно не рассматривал.

Опираясь на конституционные положения о праве на жизнь, Конституционный Суд сформулировал четкое конституционно судебное отношение к моменту возникновения правовой охраны права на жизнь и достоинство как объективного свойства личности¹³ с момента рождения. При этом факт рождения носит гарантирующий характер для иных фундаментальных ценностей. Права рожденного ребенка связываются Конституционным Судом с самой природой сложившихся отношений, обеспечивающих выживание и развитие человека как биологического вида¹⁴. Как отмечает А. В. Должиков, Конституционный Суд иногда придает «социальную окраску правам, которые сам же называет прирожденными, а значит, связанным с биологической природой человека» [7, с. 7].

В российской судебной доктрине важной «весточкой» назревших перемен и обращения Конституционного Суда к проблеме морального статуса неродившегося ребенка в биоэтической сфере, его душевных переживаний, физических и нравственных страданий, а также фундаментальной ценности – достоинства личности явилось Постановление Конституционного Суда от 2 марта 2023 г. № 7-П¹⁵. В указанном судебном решении оспаривались временные рамки существования правоспособности личности (а именно ребенка, родившегося после смерти своего отца). Камнем преткновения стал спор между заявительницей (матерью ребенка) и соответствующими органами, не признавшими наличие нравственных страданий у ребенка в связи с гибелью его отца и отсутствие правоспособности у ребенка на момент гибели родителя.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 1; Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 № 7-П // СЗ РФ. 2023. № 11. Ст. 1868.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 № 13-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 5.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 № 7-П // СЗ РФ. 2023. № 11. Ст. 1868.

Обратившись к конституционному и законодательному тексту, Конституционный Суд, с одной стороны, констатировал и произвел ревизию нормативных предписаний возникновения правоспособности с момента рождения после отделения плода от организма матери посредством родов, обратив внимание на тот факт, что физическое лицо должно родиться живым в соответствии с медицинскими, а не юридическим критериями, а с другой, сформулировал несколько ключевых положений, которые имеют потенциал более широкого раскрытия в дальнейшем при совершенствовании концепции морального статуса эмбриона и плода в РФ и его биоэтического достоинства:

во-первых, правоспособность представляет собой основополагающую возможность осуществления определенных прав, открытую для наполнения определенными элементами;

в-вторых, достоинство личности является одновременно и конституционно-значимой ценностью, эффективная защита которой предполагает учет нравственных страданий личности и причиненного морального вреда;

в-третьих, безусловный отказ в компенсации морального вреда нерожденному ребенку снижал бы уровень конституционно-правой защищенности таких детей, что не отвечало бы требованиям справедливости.

Заявленная правовая позиция об особой защите ребенка со стороны государства, в том числе посредством предоставления мер социальной поддержки в виде пособия по потере кормильца, при дальнейшем развитии технологий в области репродукции, была подтверждена Конституционным Судом и в более позднем знакомом судебном решении, посвященном разрешению этико-правовых коллизий при постмортальной репродукции¹⁶. Указанная технология на сегодняшний день является одной из самых современных и перспективно развивающихся в сфере вспомогательных репродуктивных технологий. Постепенно формируется социальный запрос на ее применение, связанный с криоконсервацией репродуктивного материала донора с целью последующего рождения ребенка от биологических родителей. В связи с тем, что оплодотворение может происходить в любое время после смерти донора биологического материала, возникают различные правовые аспекты, связанные со статусом генетического материала, определением уполномоченного круга субъектов по распоряжению и определению судьбы данного материала, фактическим стиранием временных границ при осуществлении репродуктивной функции как женского, так и мужского организмов. Как следствие, «размывание» биологической репродуктивной функции организма имеет как положительные, так и негативные последствия. С одной стороны, имеется положительный аспект – возможность материнства через использование одинокими женщинами (вдовами) технологий постмортальной репродукции, а с другой – присутствует изначально зачатие ребенка в неполной семье, что с большой долей вероятности может в дальнейшем привести к его физическим и нравственным страданиям.

Кроме того, в результате ребенок, его права и запрос на достойную жизнь, способствующую его личностному развитию, ставится в зависимость от наличия или отсутствия экономической составляющей – выплаты соответствующего пособия, являющегося квазикомпенсацией родительской заботы умершего отца, а отказ государственных органов от выплаты данного пособия влечет, по мнению Конституционного Суда, как нарушение конституционного принципа равенства, так и умаление прав ребенка, не согласующееся с конституционными ценностями.

Таким образом, опираясь на представленные правовые позиции российского органа конституционного контроля, можно отметить, что необходима «перестройка» традиционных подходов обращения к человеческому достоинству со стороны органа конституционного судебного контроля. Данная перестройка, заключающаяся в большей фокусировке внимания

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П // Рос. газета. 26 февраля 2025. № 41.

от социальной к биологической составляющей человеческого достоинства, находит свою пре-дельную концентрацию через институт охраны родившегося ребенка независимо от времени распоряжения своим генетическим материалом со стороны родителей. Вследствие достижений в области биотехнологий увеличивается продолжительность биологического начала жизни, что влечет удлинение временного интервала реализации и возникновения права на охрану и защиту достоинства будущего ребенка. Это обуславливает усиление роли Конституционного Суда в процессе интерпретации правовых норм, направленных на обеспечение равновесия между защитой человеческого достоинства и особенностями уязвимого положения личности, а также необходимость разработки соответствующей социальной политики государства, ориентированной на поддержку семей, материнства и детства.

Список литературы

1. Гаджиев Г. А. Об эластичности конституционных принципов и конституционной политике // Современный конституционализм. 2006. № 1-2. С. 2.
2. Митюков М. А. Конституционные (уставные) суды: от теории вопроса к практике решения // Российская юстиция. 2000. № 4. С. 2–5.
3. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.
4. Кондрашев А. А. Конституционные ценности в современном российском государстве: о конфликтах и девальвациях // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 6–13.
5. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.
6. Романовский Г. Б. Конституционное регулирование права на достойную жизнь // Гражданин и право. 2016. № 10. С. 10.
7. Должиков А. В. Конституционный образ человека // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 7–13.

References

1. Gadzhiev G. A. On the elasticity of constitutional principles and constitutional policy. *Modern Constitutionalism*, 2006, no. 1–2, pp. 2. (in Russ.)
2. Mityukov M. A. Constitutional (charter) courts: from the theory of the issue to the practice of the solution. *Russian Justice*, 2000, no. 4, pp. 2–5. (in Russ.)
3. Bondar N. S. Constitutional category of personal dignity in the value dimension: theory and judicial practice. *Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 4, pp. 19–31. (in Russ.)
4. Kondrashev A. A. Constitutional values in the modern Russian state: on conflicts and devaluations. *Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 1, pp. 6–13. (in Russ.)
5. Bondar N. S. Constitutional category of personal dignity in the value dimension: theory and judicial practice. *Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 4, pp. 19–31. (in Russ.)
6. Romanovsky G. B. Constitutional regulation of the right to a decent life. *Citizen and Law*, 2016, no. 10, pp. 10. (in Russ.)
7. Dolzhikov A. V. Constitutional image of man. *Constitutional and Municipal Law*, 2014, no. 2, pp. 7–13. (in Russ.)

Информация об авторе

Крылатова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева

Information about the Author

Irina Y. Krylatova, PhD in Law, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 23.06.2025;
одобрена после рецензирования 27.06.2025; принята к публикации 30.06.2025*

*The article was submitted 23.06.2025;
approved after reviewing 27.06.2025; accepted for publication 30.06.2025*

Научная статья

УДК 342.7

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-53-61

Конституционализация института президентализма в России после конституционной реформы 2020 года

Дмитрий Андреевич Колесников

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

d.kolesnikov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8323-9943>

Аннотация

В статье исследуется процесс конституционализации президентализма в России после конституционной реформы 2020 года, в результате которой произошло закрепление доминирующей роли Президента РФ в системе государственной власти. Проанализированы ключевые изменения в перераспределении полномочий между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти, что привело к фактической трансформации смешанной республики в модель с выраженным доминированием президентской власти. В статье обосновывается концепция «институциональной президентской централизации», при которой формальная парламентаризация сочетается с фактическим укреплением позиций Президента РФ в системе власти.

Ключевые слова

конституционализация, президентализм, государственное управление, конституционные реформы, политическая система, исполнительная власть, парламент, судебная власть, баланс властей

Для цитирования

Колесников Д. А. Конституционализация института президентализма в России после конституционной реформы 2020 года // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3. С. 53–61. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-53-61

Constitutionalization of the Institution of Presidentialism in Russia after the 2020 Constitutional Reform

Dmitry A. Kolesnikov

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

d.kolesnikov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8323-9943>

Abstract

The article examines the process of constitutionalization of presidentialism in Russia following the 2020 constitutional reform, which resulted in the consolidation of the dominant role of the president in the system of state power. Key changes in the redistribution of powers among the executive, legislative, and judicial branches are analyzed, which led to the actual transformation of a mixed republic into a model with pronounced dominance of presidential authority. The article substantiates the concept of «institutional presidential centralization», where formal parliamentarization is combined with the actual strengthening of the president's position in the system of power.

Keywords

constitutionalization, presidentialism, state governance, constitutional reforms, political system, executive power, parliament, judiciary, balance of powers

© Колесников Д. А., 2025

For citation

Kolesnikov D. A. Constitutionalization of the Institution of Presidentialism in Russia after the 2020 Constitutional Reform. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 3, pp. 53–61. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-53-61

Конституционная реформа 2020 г. привела к значительной трансформации системы государственного управления в России. Хотя некоторые видные конституционалисты не считали внесение поправок в Конституцию в 2020 г. необходимым, тем не менее изменения были приняты и серьезно изменили нашу политическую систему [1, с. 21]. Эти изменения закрепили институциональное усиление президентской власти, что стало продолжением тенденции к президенциализму, начавшейся с принятия Конституции 1993 года. Процесс президенциализации включает в себя расширение полномочий главы государства, перераспределение функций между ветвями власти и укрепление властной вертикали на федеральном и региональном уровнях.

Концепция конституционализации президенциализма представляет собой сложное явление, объединяющее формально-юридические и социополитические аспекты. В узком смысле конституционализация означает закрепление норм на уровне конституционного регулирования, а в широком смысле – институциональные изменения, которые обеспечивают юридическую и политическую легитимность перераспределения полномочий между органами государственной власти.

В данной статье рассматриваются ключевые аспекты президенциализации в России, анализируется ее влияние на политическую систему и государственное управление. Особое внимание уделяется вопросам баланса властей, взаимодействию между различными государственными институтами и вызовам, связанным с концентрацией полномочий у главы государства.

Основные факторы президенциализма

Прежде чем приступить к анализу факторов, детерминирующих развитие президенциализма в современной России, необходимо определить ключевые дефиниции, лежащие в основе данного исследования.

Один из наиболее продуктивных подходов к определению конституционализации предложил отечественный исследователь, доктор юридических наук И. А. Кравец. В его концепции выделяются два основных методологических вектора.

Узкий подход трактует конституционализацию как процесс возведения определенной нормы в ранг конституционного регулирования, что находит свое выражение в ее прямой имплементации в текст Конституции [2, с. 9].

Широкий подход предполагает институциональную трансформацию всей правовой системы в соответствии с основополагающими конституционными принципами, обеспечивая иерархическую взаимосвязь и юридизацию общественных отношений [2, с. 9]. В данном контексте конституционализация представляет собой не только формально-юридический процесс, но и социоправовой феномен, выражающийся в конституционном переосмыслении правовой реальности.

Как отмечает В. И. Крусс [3, с. 7], даже в тех случаях, когда формально вопрос о тотальном конституционном регулировании правовой системы не поднимался, исследователи концентрировались на анализе механизмов применения, конкретизации, аналогии и интерпретации конституционных норм, в том числе в рамках правоприменительной практики Конституционного Суда РФ. Тем самым в научном дискурсе имплицитно сформировалось представление о конституционной нормативности как универсальном регуляторе, оказывающем трансцендентное влияние на все сферы общественных отношений.

В отечественной правовой доктрине президентализм рассматривается в различных интерпретациях. В частности, согласно Большой российской энциклопедии [4, с. 1], под президентализмом понимается политico-правовая модель, при которой Президент РФ, формально не являясь главой исполнительной власти, де-факто обладает широким спектром властных полномочий, обеспечивая стратегическое руководство институтами государственного управления.

Некоторые исследователи подвергают президентализм критической рефлексии. Так, доктор политических наук Ю. С. Пивоваров указывает, что в 1993 г., в условиях глубокого институционального кризиса, концепция сверхпрезидентской республики была воспринята большинством правоведов и политиков как неизбежная мера [5, с. 166]. В его интерпретации российская политическая традиция предполагает, что либеральные реформы наиболее эффективно реализуются в условиях союза верховной власти и прогрессивного общественного запроса, более того, парламентаризм рассматривается как перспективный вектор демократического развития, способный нивелировать авторитарные риски. Некоторые представители либеральной школы мысли прямо отождествляют президентализм с диктатурой, что, безусловно, является неправомерным упрощением сложного политico-правового явления.

В ряде научных работ президентализм трактуется не только в политico-правовом, но и в этнокультурном аспекте. В данном контексте президентская форма правления рассматривается как инструмент интеграции разнородных социальных групп, обеспечивающий баланс интересов этнокультурных сообществ. Как отмечается в ряде исследований, несмотря на неизбежную этническую идентификацию главы государства, его институциональная роль предполагает объединяющую функцию, направленную на обеспечение паритетного учета интересов всех групп населения [6, с. 292–293].

Таким образом, президентализм в современной России представляет собой многомерное явление, сочетающее в себе элементы институциональной централизации, политической персонализации власти и нормативной экспансии. Его критическое осмысление требует комплексного междисциплинарного анализа, учитывающего не только юридические и политологические, но и социокультурные детерминанты.

Президентализм в России сопровождается расширением полномочий главы государства за счет перераспределения функций между ветвями власти. Согласно Конституции РФ, Президент РФ не только гарантирует соблюдение Конституции, прав и свобод граждан, но и отвечает за формирование внешней политики, назначение ключевых государственных должностей и поддержание единства государственной власти. Это делает его центральной фигурой в системе управления страной.

Достаточно сказать, что в 90-е гг. XX в. Президент России практически не был связан мнением парламента в вопросе определения основ законодательной политики страны, и любая попытка Государственной Думы РФ провести «антипрезидентский» закон оборачивалась ответным вето от Президента РФ или подписанием указа Президента России, часто игнорировавшим принципиальные позиции депутатского корпуса Государственной Думы РФ. При этом единственной потенциальной возможностью для Государственной Думы РФ «сыграть на равных» с Президентом России была процедура дачи согласия на утверждение в должности Председателя Правительства РФ. Более того, если в начале существования России как суверенного государства мы могли видеть политическую субъектность Государственной Думы РФ, как, например, вопрос об импичменте Президенту РФ Б. Н. Ельцину, то сейчас субъектность фактически утрачена [7, с. 62–64].

«Но даже здесь Конституция РФ была непримирима: после трехкратного отклонения кандидатуры, предложенной Президентом, он получал право распустить Государственную Думу и назначить председателя Правительства РФ самостоятельно» [8, с. 36].

Безусловно, такое положение вещей привело к тому, что, будучи де-юре смешанной республикой, де-факто Россия стала президентской республикой. Такое соотношение между Президентом РФ и Государственной Думой РФ, на наш взгляд, было оправдано в условиях

острой общественно-политической конфронтации, но, с течением времени, в ходе стабилизации политической системы общества, развития системы партийного представительства явное превалирование института президентуры над институтом парламента стало своего рода препятствием на пути государственно-правового развития России.

Фактическим примером президентской власти является отставка правительства Дмитрия Медведева в январе 2020 г. и последующее назначение Михаила Мишустина. Президент РФ воспользовался своим правом заменить правительство России, что стало важным шагом в процессе президенциализма, поскольку это событие отразило усиление исполнительной вертикали и личного контроля Президента России за деятельность правительства РФ.

Президент РФ обладает значительными полномочиями и в законодательной сфере, включая право законодательной инициативы, право вето на законы, принятые парламентом, а также право издавать указы и распоряжения, которые обязательны для исполнения на территории всей страны. Конституция также позволяет Президенту России издавать акты в случае необходимости немедленного решения определенных вопросов, что усиливает его влияние на законодательный процесс.

Одним из ключевых элементов президенциализма является создание крепкой вертикали власти, где Президент России контролирует работу региональных структур. В начале 2000-х гг. была введена должность полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, что позволило усилить контроль за деятельностью региональных органов и согласовывать их работу с федеральным центром. Помимо этого, Президент РФ получил право назначать и освобождать от должности губернаторов, что еще более укрепило его влияние на региональные структуры власти.

Примером реализации данной тенденции стала система назначения губернаторов, введенная в 2004 г., которая дала Президенту России прямой контроль над формированием региональной власти и управлением ее деятельностью. Хотя в 2012 г. были возвращены прямые выборы губернаторов, Президент РФ по-прежнему сохраняет за собой право отстранения главы региона, что усиливает его влияние на региональный уровень управления.

Реформирование судебной системы стало одним из ключевых элементов процесса укрепления президенциализма в России. Конституционные изменения, закрепленные в поправках 2020 г., существенно расширили влияние Президента РФ на назначение председателей Конституционного и Верховного судов РФ, а также их заместителей. Хотя формально данная процедура была предусмотрена ранее в федеральных конституционных законах «О Конституционном Суде» и «О Верховном Суде», согласно которым председатель назначался Советом Федерации РФ по представлению Президента России из числа судей, новые изменения в Конституции усилили вертикаль власти и предоставили главе государства дополнительные рычаги влияния на судебную систему. Это привело к формированию президентоцентричной модели, в рамках которой судебная власть утратила часть своей независимости.

Как отмечает А. Ф. Аманулина, новелла, разрешающая выдвигать председателя суда и его заместителя не из числа судей, открывает возможность назначения на пост председателя Конституционного Суда РФ политической фигуры, что неизбежно приведет к снижению беспристрастности судебного органа и ослаблению его независимости [9, с. 34]. Таким образом, данные изменения не только изменили правовые механизмы регулирования судебной власти, но и создали предпосылки для политизации судебных институтов, что в долгосрочной перспективе может ослабить гарантии справедливого правосудия и подорвать принцип разделения властей.

Укрепление контроля Президента России над исполнительной властью, расширение его влияния в законодательной и судебной сферах, а также создание сильной вертикали власти привели к формированию централизованной модели управления.

Эти изменения также отразились на развитии партийной системы. Влияние Президента РФ на политические партии существенно увеличилось, что привело к доминированию партий,

поддерживающих главу государства и его политику [10, с. 153]. Ярким примером является партия «Единая Россия», которая оказывает поддержку Президенту России и контролирует большинство в парламенте. Это укрепляет стабильность власти, однако может ограничивать развитие политической конкуренции.

Пример усиления роли Президента РФ в законотворческом процессе можно увидеть в ходе внесения изменений в Конституцию в 2020 г. Поправки, инициированные Президентом России Владимиром Путиным, затронули важные аспекты государственного устройства, такие как ограничение числа президентских сроков, повышение статуса Государственного Совета РФ и расширение полномочий Федерального Собрания РФ. Этот процесс продемонстрировал, что Президент России способен оказывать прямое влияние на законодательные процессы и структуру государственного управления.

Президент РФ усилил контроль над силовыми структурами: он назначает и освобождает министров, ведающих вопросами обороны, безопасности, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, а также главу МЧС и других руководителей силовых ведомств (ст. 83). При этом их назначение происходит после консультаций с Советом Федерации РФ, но не требует его обязательного согласия, что фактически закрепляет контроль главы государства над силовыми структурами.

Наконец, поправки разрешили действующему Президенту РФ не учитывать ранее отработанные сроки, что фактически обнулило их (ст. 81). Таким образом, несмотря на формальное перераспределение полномочий между различными ветвями власти, Президент РФ сохранил и усилил контроль над основными государственными институтами, что укрепило вертикаль власти.

Отдельного упоминания стоит так называемое «указное» право, при котором Президент РФ имеет право непосредственного влияния на принятие ключевых решений, в обход Федерального Собрания РФ. И, хоть большинство считают такой порядок отрицательным [11, с. 170], некоторые современные авторы находят эту функцию важным звеном в российской системе права [12, с. 7].

Есть и расширяющиеся полномочия в сфере формирования государственных органов. Так, Президент РФ получил право формировать Государственный Совет РФ «в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти» [13, с. 13].

Современный российский конституционализм, начиная с момента своего становления в 1993 г. и последующего развития, сохранил уникальные, исторически сложившиеся черты, которые отличаются от либеральных моделей и проявляются прежде всего в особой системе организации государственной власти. Эта система основывается на многовековых традициях отечественной государственности и социокультурных ценностях многонационального народа России. Так, И. А. Кравец отмечает, что в России сформировалась модель президентского конституционализма, в рамках которой глава государства играет ключевую роль в формировании социально-политической и правовой архитектуры, определяя способы интерпретации и применения конституционных норм в различных сферах правовой системы страны [14, с. 8]. Однако такая концентрация полномочий у Президента РФ нередко становится предметом критики со стороны сторонников либерального конституционализма. В частности, А. А. Арутюнян отмечает, что большинство постсоветских государств, включая Россию, фактически реализуют модель суперпрезидентской республики, в которой наблюдается явный дисбаланс системы разделения властей, выражющийся в доминировании президентской власти и формировании персоналистского режима [15, с. 104].

Для противодействия процессу президентализма и обеспечения баланса властей в России необходимо внести ряд изменений в законодательную базу. Одним из таких изменений должен стать пересмотр процедуры назначения судей Верховного и Конституционного судов РФ. Для усиления независимости судебной системы следует внести поправки в Конституцию РФ. Эти изменения должны предусматривать обязательное одобрение кандидатур судей обеими

палатами Федерального Собрания РФ, а также предоставить возможность самим судам выдвигать кандидатов на должность Председателя суда и его заместителя.

Также необходимо расширить контрольные функции парламента в отношении исполнительной власти. В частности, изменения в ст. 102 и 103 Конституции РФ позволили бы Государственной Думе РФ и Совету Федерации РФ запрашивать отчеты по ключевым вопросам, связанным с экономикой, безопасностью и внешней политикой. Это также может включать право парламента высказывать недоверие отдельным министрам, что приведет к их отставке и повысит ответственность правительства РФ перед парламентом, а не только перед Президентом РФ.

Ограничение использования президентских указов играет важную роль в сдерживании президентализма. Для этого в ст. 90 Конституции РФ необходимо внести поправки, которые четко определят, что указы Президента РФ могут приниматься только в ограниченных Конституцией или федеральными законами случаях. Особенно это касается указов, затрагивающих общественно-политические вопросы, которые должны проходить через обязательное обсуждение и утверждение парламентом.

Президентализм – это политico-правовая модель государственного управления, при которой Президент занимает центральное место в системе власти, сочетая в себе функции главы государства и фактического руководителя исполнительной власти. При данной модели Президент наделен широкими полномочиями, включающими контроль над исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти, что позволяет ему определять стратегическое развитие страны и влиять на ключевые политические процессы.

На основании вышеизложенного представим характерные признаки президентализации:

Во-первых, ключевым признаком президентализации в России является концентрация полномочий в руках Президента РФ. В результате конституционной реформы 2020 г. Президент России получил расширенные полномочия по формированию структуры исполнительной власти, назначению и освобождению от должности членов правительства РФ, а также контролю над деятельностью силовых ведомств. Эти изменения привели к фактическому доминированию главы государства в системе исполнительной власти.

Во-вторых, наблюдается ослабление роли парламента в системе сдержек и противовесов. Несмотря на формальное усиление контроля Государственной Думы РФ и Совета Федерации РФ за назначением председателя правительства РФ и ключевых министров, фактическое влияние парламента на политический процесс остается минимальным. Основные решения по-прежнему принимаются в рамках президентской вертикали, что ставит под сомнение эффективность парламентарного контроля.

В-третьих, конституционные изменения привели к усилению контроля Президента РФ над судебной системой. В частности, глава государства получил право предлагать кандидатуры судей, председателей и заместителей председателей Конституционного и Верховного судов РФ, что подрывает принцип независимости судебной власти и формирует зависимость судов от главы государства.

В-четвертых, укрепление вертикали власти проявилось в усилении контроля над региональными структурами. Президентский контроль над губернаторским корпусом и введение дополнительных механизмов взаимодействия с регионами через полпредов в федеральных округах привели к снижению уровня автономии субъектов Федерации.

В-пятых, усилилась политическая монополизация. Доминирование пропрезидентских партий в Государственной Думе РФ и Совете Федерации РФ ограничило политическую конкуренцию и снизило уровень плюрализма в принятии государственных решений.

Также хотелось бы отметить выводы о процессе конституционализации института президентализма.

Во-первых, конституционная реформа 2020 г. закрепила доминирующую роль Президента РФ на конституционном уровне. Изменения, внесенные в текст Конституции Российской Фе-

дерации, формализовали модель президентского доминирования, которая фактически сложилась в российской политической практике еще до внесения поправок.

Во-вторых, произошла институциональная трансформация правовой системы. Конституционализация президентализма сопровождалась внесением изменений в Конституцию, что усилило влияние Президента России на судебную власть. Эти изменения позволили Президенту РФ не только контролировать назначение председателей судов, но и влиять на их деятельность через возможность инициировать отставку судей.

В-третьих, несмотря на формальное сохранение модели смешанной республики, фактически российская система власти приблизилась к модели суперпрезидентской республики, при которой Президент РФ контролирует не только исполнительную власть, но и оказывает значительное влияние на законодательную и судебную системы. Это приводит к ослаблению системы сдержек и противовесов, предусмотренной Конституцией РФ.

В-четвертых, конституционная реформа 2020 г. сформировала модель «институциональной президентской централизации», при которой формальные элементы парламентаризации (утверждение парламентом Председателя Правительства РФ, согласование ключевых кандидатур министров и т. д.) сочетаются с реальной концентрацией власти в руках главы государства. Данная модель позволила не только сохранить, но и институционально закрепить президентское доминирование в политической системе России.

В-пятых, конституционализация института президентализма создает риски для демократического развития. Усиление власти Президента РФ в условиях ослабления парламентского и судебного контроля может привести к монополизации власти и снижению уровня политической конкуренции, что в долгосрочной перспективе угрожает устойчивости демократических институтов и принципу разделения властей.

Таким образом, конституционализация института президентализма в России привела к формированию модели, при которой формальная парламентаризация сочетается с фактической концентрацией власти в руках Президента России. Этот процесс создает предпосылки для дальнейшей трансформации политической системы России в сторону суперпрезидентской модели с ограниченными возможностями для сдержек и противовесов.

Процесс президентализма в России оказал существенное влияние на трансформацию системы государственного управления. Усиление роли Президента РФ в политической и административной системе, а также укрепление централизованной вертикали власти привело к тому, что Президент РФ стал ключевой фигурой в управлении государством. Внесенные в российское законодательство поправки к Конституции, а также реформы системы управления демонстрируют, что усиление полномочий Президента РФ остается доминирующей тенденцией в политическом развитии России.

Однако дальнейший президентализм вызывает вопросы о необходимости поддержания баланса между различными ветвями власти, а также об учете интересов регионов. Важно также развивать механизмы политической конкуренции и обеспечивать активное участие граждан в принятии важных государственных решений. Анализ процесса президентализма в России показывает, что укрепление президентской власти оказывает влияние на все уровни государственного управления, создавая уникальную модель централизованной политической системы.

На основании проведенного исследования можно выделить концепцию «институциональной президентской централизации», т. е. усиления президентализма в рамках формальных пропарламентских реформ, которая отражает особенности трансформации российской политico-правовой системы после конституционной реформы 2020 г. Данная концепция объясняет, каким образом институт президентства стал центральным элементом государственной власти, а его доминирующее положение было юридически закреплено через процесс конституционализации.

Сущность концепции заключается в том, что через реформы была усиlena роль Президента РФ, формально оставаясь в рамках разделения властей. Однако фактически изменения при-

вели к концентрации полномочий в руках главы государства, включая ключевые сферы государственного управления: исполнительную, судебную и законодательную. Конституционные изменения легитимировали эту трансформацию, предоставив Президенту РФ полномочия, которые позволяют ему определять стратегическое направление работы органов государственной власти и влиять на их деятельность через механизмы назначения, контроля и корректировки.

Список литературы

1. Эбзеев Б. С Актуальные проблемы реализации Конституции России 1993 года. // Вестник Саратов. гос. юрид. академии. 2018. № 1 (120). С. 20–27.
2. Кравец И. А. Понятие и способы конституционализации правового порядка. Конституционализация: что это такое? // Рос. юрид. журнал. 2003. № 4(40). С. 9–18. EDN PZOBYF.
3. Крусс В. И. Вектор конституционализации: российское правоведение на пути к идентичности // Юридическая наука и практика. 2019. №15(2). С. 5–19. <https://doi.org/10.25205/2542-0410-2019-15-2-5-19>
4. Зарiev Р. М. Президенциализм // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/prezidentsializm-f7395e/?v=7325180>. (дата публикации: 23.05.2023)
5. Пивоваров Ю. С. Россия на рубеже 2010–2020-х годов // Тр. по россииеведению. 2021. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-na-rubezhe-2010-2020-h-godov>
6. Макфол М. Обратные эволюционные процессы в парламентаризме посткоммунистических стран, включая Россию // The Journal of Legislative Studies. 2003. Т. 9, № 4. С. 48–64.
7. Зазнаев О. И., Сидоров В. В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? // Политическая наука. 2020. № 4. С. 290–308. DOI 10.31249/poln/2020.04.14. EDN DDGRZB.
8. Грудинин Н. С., Елинский В. И., Федоров Р. В. Пути дальнейшего развития Конституции Российской Федерации // Materials of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” (January 25, 2020. Beijing, PRC). Reports in English. Beijing, 2020. Р. 35–41.
9. Амануллина А. Ф. К вопросу о роли Конституционного Суда в свете поправок в Конституцию РФ // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2021. № 16. С. 30–35. EDN ZGZXGI.
10. Курданова М. Х. Современная конституционная реформа: причины, основные направления и перспективы // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2 (20). С. 150–162.
11. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: Юнити дана, 2002. 687 с.
12. Дробот С. Е. Указное право в механизме конституционной модернизации // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 5–15. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-5-15. EDN UHECXK.
13. Комарова В. В. Конституционная модель взаимодействия в конституционных актах современной России // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 10. С. 11–19. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.011-019
14. Кравец И. А. Два гаранта Конституции в российском конституционализме и концепция сильного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 4–7.
15. Арутюян А. А. Конституционализм: проблемы постсоветской реальности. М.: Норма, 2013. 160 с.

References

1. Ebzeev B. S. Actual Problems Of The Implementation Of The Constitution Of Russia In 1993. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2018, no. 1 (120), pp. 20–27. (in Russ.)

2. **Kravets I. A.** The concept and methods of constitutionalization of the legal order constitutionalization: what is that? *Russian Law Journal*. 2003, no. 4(40), pp. 9–18. EDN PZOBYF. (in Russ.)
3. **Kruss V. I.** Vector of constitutionalization: Russian jurisprudence on the way to identity. *Legal science and practice*, 2019, no. 15(2), pp. 5–19. <https://doi.org/10.25205/2542-0410-2019-15-2-5-19> (in Russ.)
4. **Zariev R. M.** Presidentialism. *Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal*. URL: <https://bigenc.ru/c/prezidentsializm-f7395e/?v=7325180> (date of publication: 05/23/2023). (in Russ.)
5. **Pivovarov Yu. S.** Russia at the turn of the 2010s and 2020s. *Proceedings on Russian studies*, 2021, no. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-na-rubezhe-2010-2020-h-godov> (in Russ.)
6. **McFaul M.** Reverse evolutionary processes in parliamentarism of post-communist countries, including Russia. *The Journal of Legislative Studies*, 2003, vol. 9, no. 4, pp. 48–64. (in Russ.)
7. **Zaznaev O. I., Sidorov V. V.** Presidential or parliamentary system: what prevents ethnic conflict? *Political Science*, 2020, no. 4, pp. 290–308. DOI 10.31249/poln/2020.04.14. EDN DDGRZB. (in Russ.)
8. **Grudinin N. S., Elinsky V. I., Fedorov R. V.** Ways of further development of the Constitution of the Russian Federation. *Materials of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” (January 25, 2020. Beijing, PRC). Reports in English*. Beijing, 2020, pp. 35–41. (in Russ.)
9. **Amanullina A. F.** On the role of the Constitutional Court in the light of amendments to the Constitution of the Russian Federation *Actual problems of theory and practice of constitutional court proceedings*, 2021, no. 16, pp. 30–35. EDN ZGZXGI. (in Russ.)
10. **Kurdanova M. H.** Modern constitutional reform: causes, main directions and prospects. *Citizen. Elections. Power*, 2021, no. 2(20), pp. 150–162. (in Russ.)
11. **Luchin V. O.** Constitution of the Russian Federation. Problems of implementation. Moscow, Unity dana publ., 2002, 687 p. (in Russ.)
12. **Drobot S. E.** The indicated law in the mechanism of constitutional modernization *Legal science and practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 5–15. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-5-15. EDN UHECXK. (in Russ.)
13. **Komarova V. V.** The constitutional model of interaction in the constitutional acts of modern Russia. *Actual problems of Russian law*, 2023, vol. 18, no. 10, pp. 11–19. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.011-019 (in Russ.)
14. **Kravets I. A.** Two guarantors of the Constitution in Russian constitutionalism and the concept of a strong state. *Constitutional and municipal law*, 2014, no. 1, pp. 4–7. (in Russ.)
15. **Harutyunyan A. A.** Constitutionalism: problems of post-Soviet reality. Moscow, Norma publ., 2013, 160 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Колесников Дмитрий Андреевич, аспирант Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Dmitry A. Kolesnikov, Postgraduate Student at Novosibirsk State University

Статья поступила в редакцию 12.03.2025;
одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 30.06.2025

The article was submitted 12.03.2025;
approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 30.06.2025

Научная статья

УДК 349.6

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-62-68

Вопросы формирования экологического сознания в рамках национальных программ охраны окружающей среды

Андрей Александрович Морозов

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева
Санкт-Петербург, Россия

9126543@mail.ru

Аннотация

Исследование посвящено анализу формирования экологического сознания субъектов экологических правоотношений в рамках государственных и региональных программ охраны окружающей среды в Российской Федерации. На основе проведенного анализа экологической ситуации было установлено, что действия участников экологических правоотношений не только препятствуют достижению стратегических целей России, но и создают угрозу для благополучия и качества жизни. Реализация национального проекта «Экология» в период с 2019 по 2024 г. внесла значительный вклад в улучшение экологической обстановки. Однако, несмотря на достигнутые показатели, работа в этом направлении должна быть продолжена для достижения еще более значительных результатов.

Ключевые слова

экологическое право, национальные проекты «Экология» и «Экологическое благополучие», природные ресурсы, экологическое просвещение населения, юридическая ответственность, участники экологических правоотношений

Для цитирования

Морозов А. А. Вопросы формирования экологического сознания в рамках национальных программ охраны окружающей среды // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3. С. 62–68. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-62-68

Issues of Formation of Environmental Awareness within the Framework of National Environmental Protection Programs

Andrey A. Morozov

North-West branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev
St. Petersburg, Russian Federation

9126543@mail.ru

Abstract

The study is devoted to the analysis of the formation of environmental awareness of subjects of environmental legal relations within the framework of state and regional environmental protection programs in the Russian Federation. Based on the analysis of the environmental situation, it was found that the actions of participants in environmental legal relations not only hinder the achievement of Russia's strategic goals, but also pose a threat to well-being and quality of life. The implementation of the national project «Ecology» in the period from 2019 to 2024 made a significant contribution to improving the environmental situation. However, despite the achieved indicators, work in this direction should be continued to achieve even more significant results.

© Морозов А. А., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3
Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 3

Keywords

environmental law, national projects «Ecology» and «Ecological well-being», natural resources, environmental education of the population, legal liability, participants in environmental legal relations

For citation

Morozov A. A. Issues of formation of environmental awareness within the framework of national environmental protection programs. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 3, pp. 62–68. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-62-68

Экологическое правосознание населения является основой эффективной охраны окружающей среды и благополучия общества. В настоящее время экологическая ситуация в Российской Федерации осложняется тем, что действия участников экологических правоотношений наносят значительный вред природной среде [1, с. 16]. В частности, промышленные выбросы и токсичные вещества, попадая в атмосферу, оказывают негативное влияние на качество природных ресурсов, с которыми граждане ежедневно взаимодействуют. С учетом стремительного развития экологического права, появления новых знаний и выводов относительно изменяющихся национальных интересов, требуется совершенствование государственной экологической политики с целью повышения уровня безопасности природной среды. От этого прямым образом зависит уровень ответственного поведения населения по отношению к природным богатствам России, а также эффективная реализация своих интересов на благоприятную окружающую среду [2, с. 317].

Основные права каждого гражданина закреплены в Конституции РФ. В сфере экологии к ним относятся право на благоприятную окружающую среду, возможность компенсировать вред, причиненный экологическим правонарушением, обращаться в государственные органы для защиты нарушенных экологических прав. На современном этапе граждане имеют большие возможности для осуществления своих экологических прав, в том числе посредством добровольного участия в мероприятиях, направленных на повышение экологической безопасности страны. Дискуссионным остается вопрос гарантии обеспечения экологической безопасности. Представляется, что граждане путем сохранения окружающей среды должны обеспечивать экологическую безопасность, либо это право предоставляется им на законодательном уровне государством [3, с. 42]. Поскольку природа очень уязвимо реагирует на деятельность субъектов экологических правоотношений, важно помнить, что охрана экологии – это задача не только государства, гарантирующего экологические права, но и каждого гражданина, проявляющего сознательность и бережное отношение к окружающей среде.

В настоящее время экологическая безопасность включает в себя широкий набор профилактических действий, направленных на прогнозирование возникновения угрозы повреждения объектов природопользования, и мер по устранению причиненных негативных последствий. Система мероприятий имеет правовой характер и согласовывается государством в виде национальной программы, которая проводится в определенный период времени [4, с. 197]. На основе статистических показателей, проводимых проектом в сфере охраны окружающей среды, формируется общее представление об экологическом состоянии в стране.

По мнению исследователей, экологическая программа представляет собой совокупность мероприятий, направленных на достижение результатов в природоохранной деятельности, путем использования таких принципов, как эффективность выполнения работ, комплексность и временной фактор [5, с. 162].

Проводя анализ реализуемых национальных проектов, отмечаются целевые показатели, которые планируется достичь за установленный промежуток времени, и определенные экологические мероприятия.

Так, государственная программа «Экология», проводимая в период с 2019 по 2024 г., включала в состав 10 проектов по решению экологических задач, связанных со снижением объема

опасных выбросов в атмосферный воздух, улучшением состояния лесных и водных объектов, развитием экологического туризма в регионах страны. В процессе реализации данной программы были достигнуты показатели экологической эффективности для повышения защиты окружающей среды в Российской Федерации: устраниены 80 опасных объектов, причиняющих значительный вред окружающей среде, ликвидированы 128 несанкционированных свалок; на 12,8 % сократились выбросы загрязняющих веществ в атмосферу; введено в действие 249 объектов по переработке отходов производств; 52,9 % твердых коммунальных отходов отправлены на сортировку и другие результаты.

Представленные показатели демонстрируют тенденцию к уменьшению воздействия на окружающую среду, что способствует ее большей устойчивости к воздействиям со стороны участников экологических правоотношений. При этом не исключаются случаи предоставления недостоверных сведений по осуществлению экологических проектов [6, с. 266]. Например, в настоящее время не завершены объекты и не достигнуты показатели по сохранению озера Байкал, отсутствуют объективные данные по обработке и утилизации производственных отходов. Отсутствие достоверной информации об экологическом состоянии страны не предоставляет возможности понять, насколько окружающая среда нуждается в поддержке участников экологических правоотношений.

В соответствии с обновленными перспективными целями развития Российской Федерации взамен предыдущей экологической программе был разработан национальный проект «Экологическое благополучие». Данная программа включает экологические мероприятия по федеральным направлениям: сохранение водных объектов России, биологического разнообразия, лесных насаждений; проведение экономики замкнутого цикла по сортировке всех типов отходов с повышенным целевым процентом (примерно 100 % сортировки твердых коммунальных отходов, вторичная переработка отходов).

Уполномоченные государственные органы ответственны за решение задач, связанных с охраной и безопасностью окружающей среды. Так, в ст. 5 Федерального закона «Об охране окружающей среды» представлен объемный перечень полномочий, к которым относится проведение государственных программ по защите природной среды, разработка правовых актов по регулированию экологических задач, а также контрольная деятельность за исполнением установленных требований.

Следует отметить значительную роль органов прокуратуры Российской Федерации в обеспечении прав на благоприятную природную среду. В рамках правосудия прокурор выступает с требованиями возместить причиненный вред окружающей среды в результате отрицательного воздействия субъектов хозяйственной деятельности, защищает нарушенные экологические права граждан, осуществляет проверки и надзор за исполнением законодательства в области экологии. Так, в судебном порядке прокурор обратился с требованием запретить ответчику размещение опасных веществ в пределах водоохранной зоны. Суды трех инстанций при рассмотрении обстоятельств дела в иске отказали, поскольку ответчик производит временное хранение в пределах технологической деятельности.

Верховный Суд РФ, отменяя решения судов, обратил внимание на нормативно закрепленные принципы разрешенного влияния хозяйственной деятельности на природную среду в соответствии с охранительными требованиями, а также запрета на деятельность, последствия которой для окружающей среды невозможно предсказать. Осуществление подобных технологических проектов может вызвать ухудшение состояния природной среды, истощение ее ресурсов. На основе представленной позиции исковые требования прокурора были удовлетворены.

Не всегда контрольные мероприятия по предотвращению негативных последствий от деятельности предприятий проводятся уполномоченными органами в установленном порядке. Например, результате бездействия уполномоченных органов и отсутствия очистных сооружений было нарушено природоохранное законодательство, что привело к значительному ущербу объектам природопользования.

Поскольку деятельность организаций, оказывающих негативное влияние на окружающую среду, требует применения мер повышенной ответственности со стороны должностных лиц, в правоприменительной практике выявляются случаи превышения уровня разрешенных выбросов в атмосферу, отсутствия надлежащей подготовки сотрудников, несоответствия надлежащего механизма производственного экологического контроля и другие обстоятельства, приводящие к рисковым последствиям для окружающей среды [7, с. 136].

Однако можно сказать, что основные направления государственной политики в сфере обращения с отходами производства субъектами экологических правоотношений не реализуются в должном объеме [3, с. 29]. Кроме того, при осуществлении хозяйственной деятельности, способной нанести вред экологии, специалисты обязаны пройти обязательную подготовку по мерам обеспечения экологической безопасности. Эффективное и безопасное обращение с производственными отходами непосредственно связано с совершенствованием производственных технологий и профессиональной подготовкой специалистов для решения экологических задач.

Представители научного сообщества выражают мнение, что установленные национальные цели в сфере экологического развития Российской Федерации остаются недостигнутыми вследствие отсутствия эффективных механизмов для преодоления имеющихся проблем [8, с. 177].

По мнению Е. Ю. Гаевской, поэтапная разработка и применение современных технологий позволит наиболее эффективно реализовать экологические программы [9, с. 96]. При этом Е. В. Лунева подчеркивает важность формирования правовой системы в области охраны окружающей среды, способной стимулировать внедрение передовых экологически безопасных решений и способствовать их эффективному применению в решении экологических задач [10, с. 34].

Размышляя по данному вопросу, мы полагаем, что уровень экологической безопасности Российской Федерации напрямую зависит от целенаправленных мер по охране природных ресурсов всех субъектов экологических правоотношений, так как именно благоприятное взаимодействие природы и человека способствует стабильному их развитию.

В регионах нашей страны организуются различные мероприятия, направленные на улучшение экологического образования среди населения. Одним из таких мероприятий является молодежная акция «Чистый берег», в рамках которой осуществляется уборка прибрежной зоны Финского залива. В ходе данной деятельности участники смогли ликвидировать последствия негативного загрязнения берега залива отходами производства. Подобная активность граждан способствует повышению уровня эколого-правовых знаний населения [11, с. 360]. Однако качество проводимых экологических программ в должной мере не влияет на экологическое правосознание населения. Уровень вредного воздействия на окружающую среду субъектами экологических правоотношений продолжает оставаться на высоком уровне, а восстановление утраченных природных богатств осуществляется достаточно сложно и долгосрочно [12, с. 69].

Л. Г. Клюканова обращает внимание, что трансляция и усвоение информации сами по себе не гарантируют развития правовой культуры, направленной на рациональное природопользование [13, с. 262]. Эффективность экологического просвещения населения как участника экологических правоотношений напрямую зависит от четкой целевой установки – формирования ответственного отношения к природным ресурсам как к фундаментальной ценности для человечества. Недостаточные знания об экологии и неумение разбираться в экологической информации приводят к тому, что люди начинают игнорировать экологические проблемы и отрицать необходимость развития этой правовой отрасли [14, с. 19].

На основе вышеизложенного отмечается, что экологическая безопасность как одна из приоритетных задач государства предопределяет эффективное развитие экологического права, позволяя в должной мере реализовать как защиту природных объектов, так и законных интересов общества на благоприятную окружающую среду [15, с. 293; 16, с. 18]. Поэтапное совершенствование правового регулирования экологической безопасности как национального приори-

тета Российской Федерации, а также качественное и ответственное выполнение обязанностей уполномоченных органов по выявлению нарушений законодательства в области охраны окружающей среды помогут решить ряд проблем, связанных с негативным влиянием на окружающую среду.

Список литературы

1. **Морозов А. А., Машеро Я. П.** Компенсация морального вреда, причиненного несовершеннолетнему // Образование и право. 2024. № 4. С. 317–320.
2. **Ахтырский А. А.** Объективизация развития экологической культуры в России: социологический анализ // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 1 (5). С. 16–23.
3. **Федотова Ю. Г.** Экологическая безопасность России как стратегический национальный приоритет: современное состояние, угрозы и возможности государственного контроля и надзора // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 5. С. 39–43.
4. **Морозов А. А.** Теория и практика толкования понятия и содержания юридической ответственности за экологические правонарушения с теоретической и практической точек зрения // Образование и право. 2025. № 3. С. 197–201.
5. **Музалевский А. А.** Экологическая безопасность и методы ее обеспечения: учеб. пособие. СПб.: РГГМУ, 2020. 230 с.
6. **Демичев А. А., Грачева О. С.** Экологическое право. М.: Прометей, 2017. 348 с.
7. **Морозов А. А.** Медиация при урегулировании споров в сфере строительства // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: сб. материалов Международ. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 г. / под общ. ред. В. П. Очередько, А. Н. Кузбагарова, С. Ю. Катуковой. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. Ч. 2. С. 135–138.
8. **Краснова И. О.** Правовая природа и система актов государственной экологической политики // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 164–177.
9. **Гаевская Е. Ю.** Институт возмещения вреда как обеспечительный экономико-правовой механизм реализации требований экологической безопасности // Хозяйство и право. 2023. № 1. С. 96–105.
10. **Лунева Е. В.** Правовой механизм обеспечения рационального природопользования: постановка проблемы // Экологическое право. 2018. № 4. С. 31–37.
11. **Хворостов А. Ю.** Экологическое право. М.: Кнорус, 2023. 414 с.
12. **Барбашова Н. В.** Экологическое право. М.: Инфра-М, 2024. 538 с.
13. **Клюканова Л. Г.** Экологическое просвещение как научно-образовательный, управлеченческий и информационный ресурс современного общества // Образование и право. 2018. № 5. С. 261–269.
14. **Редникова Т. В.** Право каждого на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации: актуальные проблемы обеспечения // Экологическое право. 2024. № 5. С. 18–22.
15. **Морозов А. А.** Право на благоприятную окружающую среду в системе конституционных ценностей Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2025. № 36. С. 291–298.
16. **Маслова Э. В.** Развитие криминологической науки в Ленинграде – Санкт-Петербурге (вторая половина XX – начало XXI века) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2007. 20 с.

References

1. **Morozov A. A., Mashero Ya. P.** Compensation for moral damage caused to a minor. *Education and law*, 2024, no. 4, pp. 317–320. (in Russ.)
2. **Akhtyrskiy A. A.** Objectification of the Development of Environmental Culture in Russia: Sociological Analysis. *Russian Scientific Journal «Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research»*, 2022, no. 1 (5), pp. 16–23. (in Russ.)
3. **Fedotova Yu. G.** Environmental security of Russia as a strategic national priority: current state, threats and opportunities for state control and supervision. *State power and local self-government*, 2024, no. 5, pp. 39–43. (in Russ.)
4. **Morozov A. A.** Theory and practice of interpreting the concept and content of legal liability for environmental offenses. *Education and Law*, 2025, no. 3, pp. 197–201. (in Russ.)
5. **Muzalevsky A. A.** Environmental safety and methods of its provision: a tutorial. St. Petersburg, Russian State Medical University, 2020, 230 p. (in Russ.)
6. **Demichev A. A., Gracheva O. S.** Environmental Law. Moscow, Prometey publ., 2017, 348 p. (in Russ.)
7. **Morozov A. A.** Mediation in dispute resolution in the field of construction. *Conciliation procedures in civil law and legal proceedings: Collection of materials from the International scientific and practical conference*, St. Petersburg, April 26–27, 2019. Generally ed. by V. P. Ocheredko, A. N. Kuzbagarov, S. Yu. Katukova. Volume Part 2. St. Petersburg, Center for Scientific and Information Technologies «Asterion», 2019, pp. 135–138. (in Russ.)
8. **Krasnova I. O.** Legal Nature and System of Acts of State Environmental Policy. *Actual Problems of Russian Law*, 2022, no. 1, pp. 164–177. (in Russ.)
9. **Gaevskaya E. Yu.** Institute of Compensation for Damage as a Security Economic and Legal Mechanism for the Implementation of Environmental Safety Requirements. *Economy and Law*, 2023, no. 1, pp. 96–105. (in Russ.)
10. **Luneva E. V.** Legal mechanism for ensuring rational use of natural resources: problem statement. *Environmental law*, 2018, no. 4, pp. 31–37. (in Russ.)
11. **Khvorostov A. Yu.** Environmental law. Moscow, Knorus publ., 2023, 414 p. (in Russ.)
12. **Barbashova N. V.** Environmental Law. Moscow, Infra-M, 2024, 538 p. (in Russ.)
13. **Klyukanova L. G.** Environmental Education as a Scientific, Educational, Managerial and Information Resource of Modern Society. *Education and Law*, 2018, no. 5, pp. 261–269. (in Russ.)
14. **Rednikova T. V.** The right of everyone to a favorable environment in the Russian Federation: current problems of provision. *Environmental law*, 2024, no. 5, pp. 18–22. (in Russ.)
15. **Morozov A. A.** The right to a favorable environment in the system of constitutional values of the Russian Federation. *Issues of Russian justice*, 2025, no. 36, pp. 291–298. (in Russ.)
16. **Maslova E. V.** Development of Criminological Science in Leningrad – Saint Petersburg (Second Half of the 20th Century – Early 21st Century): specialty 12.00.08 «Criminal law and criminology; penal enforcement law»: *Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences*, 2007, p. 20. (in Russ.)

Информация об авторе

Морозов Андрей Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права северо-западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева
SPIN: 8491-2162

Information about the Author

Andrey A. Morozov, Associate Professor of the Department of Civil Law, Candidate of Legal Sciences, North-West Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev»
SPIN: 8491-2162

*Статья поступила в редакцию 11.06.2025;
одобрена после рецензирования 27.06.2025; принята к публикации 30.06.2025*

*The article was submitted 11.04.2025;
approved after reviewing 27.06.2025; accepted for publication 30.06.2025*

Научная статья

УДК 346.7

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-69-75

Инвестиция как категория российского права: теоретические дискуссии и практические реалии

Николай Юрьевич Лисица¹

Олеся Алексеевна Серебренникова²

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

¹n.lisitsa@g.nsu.ru

²serioznova_o@mail.ru

Аннотация

В статье исследовано понятие инвестиции в российском праве с позиций теории инвестиционного права, действующего инвестиционного законодательства и правоприменительной практики. Проведен сравнительный анализ нормативных актов, содержащих различные определения инвестиции, выявлены их недостатки и противоречия. Обоснована необходимость унификации законодательного подхода к определению инвестиции для устранения правовых коллизий и повышения эффективности правоприменения. Уточнено понятие инвестиции в части объектов гражданских прав, подлежащих инвестированию, необходимости заключения соответствующих гражданско-правовых договоров.

Ключевые слова

инвестиции, инвестиционная деятельность, правовое регулирование, законодательство, судебная практика, правовые коллизии, международные соглашения, защита инвесторов

Для цитирования

Лисица Н. Ю., Серебренникова О. А. Инвестиция как категория российского права: теоретические дискуссии и практические реалии. 2025. Т. 21, № 3. С. 69–75. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-69-75

Investment as a Legal Category of Russian Law: Theoretical Discussions and Practical Realities

Nikolay Y. Lisitsa¹, Olesya A. Sereznova²

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

¹n.lisitsa@g.nsu.ru

²serioznova_o@mail.ru

Abstract

The article examines the concept of investment in Russian law from the perspective of investment law theory, existing investment legislation, and law enforcement practice. A comparative analysis of regulatory acts containing various definitions of investment has been conducted, identifying their shortcomings and contradictions. The necessity of unifying the legislative approach to defining investment is substantiated to eliminate legal conflicts and improve the effectiveness of law enforcement. It is concluded that investments should include only objects of civil rights that have a monetary valuation and are subject to investment in entrepreneurial and other activities to generate profit or achieve another beneficial effect.

Keywords

investments, investment activity, legal regulation, legislation, judicial practice, legal conflicts, international agreements, investor protection

For citation

Lisitsa N. Y., Sereznova O. A. Investment as a legal category of Russian law: theoretical discussions and practical realities. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 3, pp. 69–75. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-69-75

Инвестиционная деятельность играет ключевую роль в развитии экономики, стимулируя рост производства, технологический прогресс и создание новых рабочих мест. Однако для ее эффективного функционирования необходимо четкое правовое регулирование, обеспечивающее защиту инвесторов, стабильность правовых режимов и баланс интересов участников инвестиционного процесса.

Понятие инвестиций является довольно сложным и по-разному рассматривается с позиции экономики и права [1, с. 7–33]. В российском законодательстве оно закреплено в различных федеральных законах и в нем отсутствует единый подход к пониманию инвестиции как правовой категории. Так, например, определение содержится в Федеральном законе «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляющей в форме капитальных вложений» (далее – Закон № 39-ФЗ)¹. Согласно ст. 1 данного Закона, инвестиции представляют собой денежные средства, ценные бумаги, имущественные права и иные активы, вкладываемые в предпринимательскую и иную деятельность для получения прибыли или достижения иного полезного эффекта.

В свою очередь, согласно определению из Закона РСФСР «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» № 1488-1 (далее – Закон РСФСР № 1488-1), инвестициями являются денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, кредиты, любое другое имущество или имущественные права, интеллектуальные ценности, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) и достижения положительного социального эффекта².

Понятие иностранной инвестиции содержится в ст. 2 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», согласно которому иностранной инвестицией признается вложение иностранного капитала в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде принадлежащих иностранному инвестору объектов гражданских прав, не изъятых из оборота, включая деньги, ценные бумаги, имущество, имущественные и исключительные права, а также услуги и информацию³. Понятие бюджетной инвестиции предусмотрено и в БК РФ, а именно ст. 6⁴, где под бюджетными инвестициями понимаются бюджетные средства, направляемые на создание или увеличение за счет средств бюджета стоимости государственного (муниципального) имущества.

Представленные законодателем дефиниции инвестиций можно подразделить на две группы: определения, содержащиеся Законе № 39-ФЗ, в Законе РСФСР № 1488-1 и в бюджетном

¹ Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляющей в форме капитальных вложений» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.

² Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» (ред. от 26.07.2017) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1005.

³ Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.

⁴ Бюджетный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

законодательстве, рассматривают ее как объект гражданских прав, вкладываемый в объект инвестиционной деятельности, в то время как в Федеральном законе «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» акцент делается на процессе перемещения ценностей в объекты гражданских прав. На наш взгляд, в вопросе определения понятия инвестиции представляется необходимым внедрить единое понятие инвестиции для всех законов. В качестве такого единого понятия может выступать понятие, сформулированное в Законе № 39-ФЗ.

Решение существующей коллизии между законами законодатель предлагает в ст. 21 Закона № 39-ФЗ, а именно Закон РСФСР № 1488-1 признал частично утратившими силу те его положения, которые противоречат Закону № 39-ФЗ, однако для окончательного решения вопроса правовой коллизии норм данных законов следует объединить нормы законов в рамках одного федерального закона.

Другой насущной проблемой представляется и то, что ни в одной из приведенных статей не дано исчерпывающего определения инвестиции в силу того, что законодатель не устанавливает все ключевые характеристики инвестиции, и некоторые формулировки остаются не ясными. Так, например, инвестицией может быть не любой объект, а только те объекты, которые предусмотрены действующим законодательством, а именно ст. 128 ГК РФ, не изъятые из гражданского оборота, но и способные отчуждаться. В частности, нематериальные блага не могут сами по себе выступать объектом, так как они непередаваемы и неотчуждаемы в силу положения ст. 150 ГК РФ. Для признания какого-либо имущества инвестицией необходимо учитывать его способность приносить прибыль [2, с. 123] или способствовать достижению какой-либо иной выгоды в качестве основной цели его использования [3, с. 212]. Под достижением полезного эффекта в контексте инвестиционной деятельности понимаются цели вложения, не сводящиеся непосредственно к получению прибыли, но тем не менее имеющие положительное экономическое, социальное или иное измеримое значение по типу строительства жилых домов для социального использования, больниц или развития транспортной инфраструктуры.

Отечественное законодательство под инвестициями обычно понимает имущество, в том числе имущественные права, измеряемые в финансовом эквиваленте. То есть чтобы объект гражданского оборота мог выступать в роли инвестиции, он должен иметь имущественный характер. Такой подход находит подтверждение не только в законодательстве, но и научной литературе [1, с. 8]. Так, например, на это указывает А. В. Асоков и утверждает, что не может рассматриваться в качестве инвестиции приобретение имущества, не имеющее своей целью увеличение капитала или иного экономически полезного результата. [4, с. 115]. В свою очередь, А. Г. Богатырев считает необходимым при квалификации объекта как инвестиции, чтобы он был направлен на создание или увеличение экономической ценности, что невозможно без четко определенного финансового эквивалента [5, с. 31]. Именно измеримость денежной оценки позволяет обеспечить правовую определенность сделки и создать основу для последующего правоприменительного анализа, способствуя защите интересов инвесторов. Трудно согласиться и с формулировкой понятия инвестиции, используемой в Законе № 39-ФЗ, так как она относит к инвестициям права, имеющие денежную оценку, несмотря на отсутствие такой категории в ГК РФ, и в статье, определяющей возможные объекты гражданских прав.

Анализ правовой доктрины показывает отсутствие единого подхода к определению инвестиций. На сегодняшний день сформировались три позиции по данному вопросу [1, с. 7–17]. Согласно одной из них, инвестиция – это денежные средства, ценные бумаги или иные объекты гражданских прав, обладающие денежной оценкой, вкладываемые в осуществление определенной предпринимательской или иной деятельности с целью получения прибыли или достижения иного полезного эффекта [6, с. 128]. Согласно другой позиции, инвестиции представляют собой процесс перемещения материальных ценностей, который порождает обязательственные отношения между инвестором и принимающей стороной [7, с. 6]. При этом

позиция находит отражение в этимологическом толковании данного понятия⁵. Однако данная позиция несовершена, так как для такой позиции характерно стирание различий между понятием инвестиции и инвестированием; также «понятия, используемые в инвестиционном законодательстве, должны быть предельно точными и не совпадать» [1, с. 129].

По нашему мнению, объект и правоотношение представляют собой разные категории, поскольку с точки зрения гражданского права объектом выступает имущество или иное благо, на которое направлено волеизъявление участников сделки, тогда как правоотношение – это юридическая связь между субъектами, возникающая на основании сделки или иного юридического факта и включающая субъективные права и обязанности. Смешение этих понятий, в том числе при определении инвестиции как формы правоотношения, приводит к размытию границ между материальными и юридическими элементами инвестиционного процесса, что недопустимо в контексте строгой правовой квалификации.

Согласно третьей позиции, под инвестициями следует понимать не просто передачу денежных средств или иных активов, а целенаправленное вложение капитала, сопряженное с установлением конкретных гражданско-правовых отношений [8, с. 670]. Однако такой подход, трактующий инвестиции как форму правоотношения, вызывает существенные возражения. Прежде всего признание тех или иных правоотношений инвестиционными носит субъективный характер и не основывается на четких объективных критериях. Перенесение рассматриваемой категории в административную сферу представляется неверным и не позволяет установить место и значение инвестиции в рамках гражданско-правовых отношений и будет способствовать развитию различных бюрократических барьеров при осуществлении инвестиционной деятельности.

Дополнительные признаки инвестиции с точки зрения теории права приводят А. М. Лаптева и О. Ю. Скворцов:

- инвестиции представляют собой вложение денежных средств, имущества, имущественных прав или иных активов с целью их приумножения, и, следовательно, предполагается изначальное обладание данными активами;
- инвестиции предполагают определенный временной промежуток между их осуществлением и возможным получением дохода;
- инвестиции реализуются посредством заключения гражданско-правовых договоров, которые фиксируют права и обязанности сторон;
- инвестиции сопряжены с возможностью потери вложенных средств, поскольку их возврат и доходность зависят от множества факторов;
- инвестиции осуществляются для достижения конкретной цели, будь то систематическое получение прибыли или реализация социально значимых проектов;
- инвестиции регулируются определенными нормативно-правовыми актами, в которых закрепляются их основные признаки, права и обязанности участников инвестиционной деятельности [9, с. 56].

Нельзя не согласиться со многими признаками, приведенными выше. Так, признак инвестиции как ее надлежащее оформление в виде заключаемого сторонами соответствующего гражданско-правового соглашения, справедливо отмеченный еще ранее в литературе [1, с. 20], является существенным, так как именно на основании такого договора и происходит инвестирование само по себе.

Вместе с тем далеко не все признаки являются классифицирующими в понимании инвестиции. Так, срочность не является признаком, который бы смог разграничить инвестиции с другими объектами гражданских прав, так как срок присутствует и в других правовых отно-

⁵ Термин «инвестиции» восходит к латинскому *in-vestire* – «одевать, покрывать, окружать», который стал основой для понятий в языках романской группы: *investment* (англ.), *investition* (нем.), *investissement* (фр.), обозначающих вложение капитала.

шениях. То же самое характерно и для признака наличия риска, который свойствен для любых предпринимательских отношений.

С точки зрения отечественной правоприменительной практики ключевыми признаками инвестиций выступают наличие вложения, надлежащее оформление сделки, целевая направленность вложений, а также риск и долгосрочность инвестиционной деятельности⁶.

Так, например, как отмечалось в одном из постановлений Девятого апелляционного суда, инвестиционная деятельность в силу положений закона представляет собой осуществляющее на условиях инвестиционного договора вложение инвестором денежных средств, ценных бумаг, иного имущества либо практических действий в объекты предпринимательской или иной деятельности, с последующим возникновением у него прав на результаты таких вложений⁷. На данную характеристику также указывалось и в решении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа⁸.

Судебная практика отмечает, что инвестиции, как правило, предполагают долгосрочный характер вложений. Кратковременные выплаты без целевого назначения и последующего участия инвестора в процессе создания или эксплуатации объекта не могут быть отнесены к инвестициям. В определении Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2022 № 305-ЭС21-27461(2) инвестирование в строительство делового центра было признано действительным инвестиционным контрактом, несмотря на истечение срока, поскольку из содержания договора следовало, что инвестиции предполагались в рамках многоэтапного строительства с передачей помещения только после завершения работ и регистрации объекта⁹.

Необходимость заключения договора при реализации инвестиции, отмеченный в юридической науке [1, с. 20, 33], обусловлена как требованиями законодательства, так и судебной практикой, подтверждающей значение надлежащего правового оформления инвестиционных отношений. Данный вывод подтверждается, в частности, Определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции¹⁰, в котором суд отказался признать расписку инвестиционным договором. Суд указал, что представленная расписка содержала лишь факт передачи денежных средств, но не предусматривала условий получения прибыли, не устанавливала встречного предоставления или обязательства возврата при нарушении целевого назначения. Отсутствие четко зафиксированных элементов инвестиционного соглашения сделало невозможным признание соответствующих правоотношений инвестиционными.

Также в Определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции¹¹ суд, отклоняя доводы о «псевдоинвестировании», прямо указал: «...осуществление операций, которые стали бесприбыльными, не является основанием для признания договоров недействительными... характер совершаемых сделок является рисковым (алеаторным)». Таким образом, судебная практика подтверждает, что наличие предпринимательского риска является естественной и до-

⁶ Обзор практики защиты иностранных инвесторов: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 12 июля 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 8. С. 42–48.

⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 сент. 2023 г. № 09АП-41765/2023 по делу № А40-7448/21 // Справочная система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

⁸ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03.05.2023 № Ф02-1287/2023 по делу № А10-3650/2021 // Справочная система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

⁹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2022 г. № 305-ЭС21-27461(2) по делу № А40-152083/2017 // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения: 16.06.2025).

¹⁰ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22 янв. 2024 г. № 88-2105/2024 // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения: 16.06.2025).

¹¹ Определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 декабря 2023 г. № 88-22015/2023 по делу № 2-71/2023 // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения: 16.06.2025).

пустимой составляющей инвестиционного процесса, и отсутствие прибыли не подрывает правомерность или юридическую силу заключенных инвестиционных соглашений.

Судебная практика также указывает, что намерение получить экономический результат – системообразующий элемент инвестиции. При отсутствии такой цели вложения не могут быть квалифицированы как инвестиционные. Для признания вложений инвестиционными необходимо не только наличие имущественного компонента, но и наличие осознанной экономической цели, зафиксированной в действиях или договоре сторон¹².

Таким образом, из проведенного анализа можно сделать вывод, что под инвестициями следует понимать объекты гражданских прав имущественного характера, предусмотренные гражданским законодательством, не изъятые из гражданского оборота, подлежащие вложению в объект инвестиционной деятельности, которые переходят от инвестора к получателю инвестиций в процессе инвестирования на основании гражданско-правовых договоров с целью систематического извлечения прибыли или достижения какого-либо иного полезного результата.

Список литературы

1. **Лисица В. Н.** Предмет регулирования международного инвестиционного права. Новосибирск: НГУ, 2008. 284 с.
2. **Бублик В. А.** Гражданко-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности РФ: проблемы теории, законотворчества и правоприменения. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. 228 с.
3. **Мороз С. П.** Инвестиционное право Республики Казахстан. Алматы, 2006. 509 с.
4. **Асосков А. В.** Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М.: Статут, 2003. 349 с.
5. **Богатырев А. Г.** Инвестиционное право. М.: Российское право, 1992. 272 с.
6. **Белицкая А. В.** Правовое обеспечение государственной инвестиционной политики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 618 с.
7. **Веденников А. В.** Иностранные инвестиции в Российской Федерации. Правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 23 с.
8. **Габов А. В.** Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут, 2011. 1102 с.
9. **Лаптева А. М., Скворцов О. Ю.** Инвестиционное право: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 703 с.

References

1. **Lisitsa V. N.** The Subject of Regulation of International Investment Law. Novosibirsk, 2008, 284 p. (in Russ.)
2. **Bublik V. A.** Civil-Law Regulation of Foreign Economic Activity in the Russian Federation: Problems of Theory, Lawmaking and Law Enforcement. Yekaterinburg, Publishing House of the Ural State Law Academy, 1999, 228 p. (in Russ.)
3. **Moroz S. P.** Investment Law of the Republic of Kazakhstan. Almaty, 2006, 509 p. (in Russ.)
4. **Asoskov A. V.** Legal Forms of Participation of Legal Entities in International Commercial Transactions. Moscow, Statut publ., 2003. 349 p. (in Russ.)
5. **Bogatyrev A. G.** Investment Law. Moscow: Rossiyskoye Pravo, 1992, 272 p. (in Russ.)

¹² Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 сент. 2022 г. № 13АП-24178/2022 по делу № А56-19921/2021 // Справочная система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.06.2025).

6. **Belitskaya A. V.** Legal Support for the State Investment Policy: Doctor of Law Dissertation. Moscow, 2018, 618 p. (in Russ.)
7. **Vedernikov A. V.** Foreign Investments in the Russian Federation. Legal Aspects: Candidate of Legal Sciences Dissertation Abstract. Yekaterinburg, 2004, 23 p. (in Russ.)
8. **Gabov A. V.** Securities: Issues of Theory and Legal Regulation of the Market. Moscow, Statut publ., 2011, 1102 p. (in Russ.)
9. **Lapteva A. M., Skvortsov O. Yu.** Investment Law: University Textbook. 3rd ed., revised and supplemented. Moscow, Yurayt publ., 2025, 703 p.

Информация об авторах

Лисица Николай Юрьевич, юрисконсульт Акционерного общества «Новосибирский завод искусственного волокна»

Серебренова Олеся Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса НГУ

Information about the Authors

Nikolay Y. Lisitsa, Legal Adviser, Joint Stock Company “Novosibirsk Plant of Artificial Fibre”

Olesya A. Sereznova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure of NSU

*Статья поступила в редакцию 20.06.2025;
одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 30.06.2025*

*The article was submitted 20.06.2025;
approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 30.06.2025*

Научная статья

УДК 341.96

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-76-87

Заверения об обстоятельствах vs. Representations And Warranties

Нина Юрьевна Пшеничная

Всероссийская академия внешней торговли

Москва, Россия

Pshenichnaya.nina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-1266-7615>

Аннотация

В настоящей статье автор отмечает состоявшийся перенос понятия representations and warranties из английского права в российское. Автор излагает ряд аргументов, демонстрирующих несовпадение целей, которыми наделен институт гарантий и заверений в английском праве, с целями, которые легли в основу ст. 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Автор обращает внимание на отсутствие требований к форме выражения заверений в ст. 431.2 ГК РФ. Особое внимание в статье уделяется предоставлению заверений в отношении фактов прошлого, настоящего и будущего.

Автор выдвигает предложения по корректировке положений ст. 431.2 ГК РФ, которые могут быть приняты во внимание российским законодателем при пересмотре положений статей ГК РФ.

Ключевые слова

representation and warranties, заверения об обстоятельствах, гарантии и заверения, строительные контракты

Для цитирования

Пшеничная Н. Ю. Заверения об обстоятельствах vs. Representations And Warranties // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3. С. 76–87. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-76-87

Representations about Circumstances vs. Representations and warranties

Nina Y. Pshenichnaya

Russian foreign trade academy,
Moscow, Russian Federation

Pshenichnaya.nina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-1266-7615>

Abstract

In this article, the author notes the completed importation of the concept of “representations and warranties” from English law into Russian law. A number of arguments are presented demonstrating the discrepancy between the objectives of the institution of representations and warranties in English law and the objectives underlying Article 431.2 of the Russian Civil Code. The author draws attention to the absence of requirements for the form of expression of representations in Article 431.2 of the Russian Civil Code. Particular attention in the article is paid to the provision of representations regarding facts of the past, present and future.

The author puts forward proposals for adjusting the provisions of Article 431.2 of the Russian Civil Code, which can be taken into account by the Russian legislator when revising the provisions of the articles of the Russian Civil Code.

Keywords

representation and warranties, representations about circumstances, construction contracts

© Пшеничная Н. Ю., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3
Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 3

For citation

Pshenichnaya N. Y. Representations about circumstances vs. Representations and warranties. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 76–87. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-76-87

Введение

01.06.2015 в ГК РФ была введена ст. 431.2 «Заверения об обстоятельствах». Однако обоснование необходимости введения в российский Гражданский кодекс такого термина в каких-либо документах отсутствует, его нет также и в Пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую ГК РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» (проект ФЗ № 47538-6).

Вероятно, российский законодатель действовал из лучших побуждений и стремился перевесить все те плюсы, которые имеет институт заверений об обстоятельствах в английском праве. Так, А. В. Томсинов выделяет следующие полезные функции заверений об обстоятельствах:

- расширение случаев привлечения контрагентов к ответственности;
- включенные в договор заверения об обстоятельствах не нуждаются в судебном принуждении;
- заверения заранее распределяют риск между сторонами;
- заверения дают возможность лучше представить суть сделки;
- включение в договор заверений означает предоставление сторонам договора гибкого инструмента [1, с. 91].

Возможно также, что одной из причин включения в ГК РФ ст. 431.2 стала проблематичность (либо невозможность) взыскания компенсации за нарушение данных обещаний от продавца актива, даже после проведенного покупателем *due diligence* актива перед его покупкой. Теперь, имея в арсенале юриста данную статью, при осуществлении сделки M&A в части предоставления гарантов и заверений, в случае нарушения продавцом данных гарантов и заверений (например, при обнаружении факта отсутствия у продавца прав на участок под строительство, разрешения на строительство и т. д.) вполне возможно как в договорном, так и в судебном порядке получить не только компенсацию, но и отказаться от договора или признать его недействительным.

Очевидно, что результатом реформы договорного права стала рецепция российским законодателем институтов английского права. А. С. Комаров так прокомментировал реформу: «Мы должны посмотреть, почему эти нормы оказались в составе российского гражданского права. И причина не в том, что этого потребовала наша экономическая практика. А в том, что в последнее время на российскую юриспруденцию идет довольно серьезное наступление с Запада, и заинтересованные экономические и юридические круги хотят, чтобы правовая среда в России была им более понятна»¹.

Таким образом, с введением ст. 431.2 в ГК РФ произошел перенос понятия, используемого в английском праве, в российское. Такой перенос А. В. Морозов в своей статье именует «правовым трансплантом» и отмечает, что «механический перенос английских формулировок <...> внешне совершенно приемлемых для заключаемых российскими сторонами договоров, не всегда оказывается успешным»; «трансплантация права» должна повышать эффективность функционирования отечественной правовой системы – через такое совершенствование заимствования норм иностранного права, чтобы указанные иностранные нормы полностью могли соответствовать имеющемуся правопорядку» [2].

Итак, с 2015 г. работы российскому юристу прибавилось – стало необходимо включать в договор так называемые заверения об обстоятельствах. Чтобы решить, какие именно завер-

¹ См.: интервью А. С. Комарова «Мы занялись кодификацией английского прецедентного права». URL: https://zakon.ru/discussion/2016/03/22/my_zanyalis_kodifikaciej_anglijskogo_precedentnogo_prava_intervyu_aleksandra_komarova (дата обращения: 08.09.2025).

ния об обстоятельствах должны быть включены в договор, юрист соответствующей стороны должен удостовериться в действительности предоставляемого заверения и, более того, проанализировать каждое такое заверение с учетом положений ст. 431.2 ГК РФ, а также предусмотреть в договоре, по меньшей мере, размер неустойки за предоставление недостоверных заверений.

Таблица 1

Сравнительная таблица *representations and warranties*

Критерий	<i>Warranties</i> (гарантии)	<i>Representations</i> (заверения)
Последствия нарушения	Компенсация убытков невиновной стороне (единственное средство правовой защиты) [7, с. 280]. Если гарантия нарушена, невиновная сторона может подать иск о возмещении убытков, но не имеет права расторгнуть договор [8, с. 146].	Возвращение невиновной стороны в то положение, в котором она находилась бы в отсутствие такого ложного заверения, как если бы договор не был заключен (<i>restitution</i>), расторжение договора (<i>rescission</i>), а также выплата убытков [6, с. 368].
Бремя доказывания (burden of proof)	Презюмируется, что гарантия является существенным условием договора. При нарушении гарантии бремя доказывания лежит на защищающейся стороне ² .	Страна, настаивающая на нарушении заверения (истец), должна доказать, что заверение является существенным для сторон.
Виды	<i>Implied/express warranties</i> (подразумеваемые/явные гарантии) <i>Warranty of title</i> (гарантия права собственности) – продавец гарантирует, что владеет правом собственности на товар <i>Warranty of merchantability</i> (гарантия товарного состояния) – продавец гарантирует товарный вид <i>Fitness for a particular purpose</i> (гарантия пригодности для конкретной цели) ³	<i>Fraudulent misrepresentation</i> (намеренное введение в заблуждение). Влечет аннулирование договора и возмещение убытков [9, с. 173]. <i>Negligent misrepresentation</i> (несторожное заверение). Влечет аннулирование договора и возмещение убытков [9, с. 174]. <i>Innocent misrepresentation</i> (невиновное заверение). Влечет аннулирование договора, но вместо аннулирования по усмотрению суда допускается возмещение убытков) [9, с. 175].

Е. М. Воронин отмечает, что «не вызывает сомнений, что первостепенной целью введения ст. 431.2 ГК РФ является снижение рисков у контрагентов, полагающихся на такие заверения» [3, с. 193]. А. Д. Манджиев и Т. С. Мартынова обращают внимание на следующее: «В сфере гражданско-правовых сделок заверение об обстоятельствах является удобной формой и способом реализации одной из основных функций договора – распределения рисков между сто-

² См.: Чуприков Д. Representations & Warranties: понятие, отличия и специфика применения. URL: https://zakon.ru/blog/2014/5/13/representations_warranties_ponyatie_otlichiya_i_specifika_primeneniya (дата обращения: 08.05.2025).

³ В деле *Grant v Australian Knitting Mills* (1936) покупатель заболел дерматитом из-за сульфитов, содержащихся в новом белье. Суд постановил, что была нарушена подразумеваемая гарантия пригодности товара для ношения (*fit for purpose*).

ронами сделки» [4]. Какова же цель ст. 431.2 ГК РФ? Такую ли цель имеют *representations and warranties* в английском праве? Есть ли необходимость предусматривать заверения в договоре, подчиненном российскому праву? Готов ли получатель заверения расторгнуть договор, если заверение об обстоятельствах окажется ложным?

Для более глубокого анализа российского института заверений об обстоятельствах обратимся к английскому договорному праву. Для начала ознакомимся с определениями гарантий и заверений (*representations and warranties*) (см. табл. 1).

Гарантия (*warranty*) – это обещание того, что конкретное заявление верно на дату заключения договора. Тем не менее оно может относиться к текущему и/или будущему поведению и/или фактам. Заверение (*representation*), как и гарантia, представляет собой констатацию факта, но оно предоставляемое во время переговоров по договору с целью побудить другую сторону заключить договор⁴.

Гарантия (*warranty*) – это условие договора, которое в случае его нарушения наделяет невиновную сторону правом требовать возмещения убытков, но без права аннулирования или расторжения (*termination*) договора [5, с. 46]. Заверение (*representation*) – это заявление одной стороны, побуждающее вторую сторону заключить договор. Если такое заверение оказывается ложным или неточным, получившая заверение сторона вправе расторгнуть договор и/или потребовать возмещения убытков [6, с. 368].

В табл. 2 разберем для наглядности пример гарантий и заверений, касающийся продажи автомобиля.

Таблица 2

Пример гарантий и заверений в английском праве

<i>Warranties (гарантии)</i>	<i>Representations (заверения)</i>
Гарантия продавца: «Автомобиль не сломается в течение года»	Заверение продавца: «Автомобиль не попадал в ДТП»
В действительности автомобиль сломался в течение года (<i>misrepresentation</i> или <i>breach of warranty</i> зависит от обстоятельств)	В действительности автомобиль был в ДТП (<i>misrepresentation</i>)
Наступает договорная ответственность Продавца	Наступает деликтная ответственность Продавца
Защищается позитивный интерес стороны (как если бы договор был исполнен надлежащим образом) [10, с. 103]	Защищается негативный интерес стороны (как если бы деликт не был совершен) [10, с. 103]

Итак, ключевая разница между *representation* and *warranty* состоит в средствах правовой защиты (*remedy*) невиновной стороны: в случае, если окажется, что *warranty* не соответствует действительности, невиновная сторона будет иметь право на возмещение ущерба (расторжение договора возможно в случае, если нарушение является существенным). В отношении *representations* – невиновная сторона вправе расторгнуть договор, при этом стороны должны вернуться в положение, в котором они находились до заключения договора, также компенсируются убытки.

Приведем примеры часто встречающихся в договорах *representations and warranties*:

- Продавец гарантирует, что все товары свободны от любых претензий любого характера, включая, помимо прочего, претензии на право собственности (*free of any claims of any nature, including without limitation title claims*)⁵.

⁴ См.: www.emlaw.co.uk/representations-warranties/ (дата обращения: 08.05.2025).

⁵ См.: Стандартные условия покупки General Electric: chrome-extension://efaidnbmnnibpcajpcgclefindmkaj/https://www.gevernova.com/content/dam/gepower-new/global/en_US/downloads/gas-new-

- Продавец гарантирует, что все товары и услуги, поставляемые в соответствии с договором, не будут иметь никаких дефектов конструкции, изготовления и материала (*free from all defects in design, workmanship and material*)⁶.
- Продавец гарантирует, что все товары и услуги являются новыми и пригодными для коммерческой реализации (*new and of merchantable quality*)⁷.
- Продавец гарантирует, что все товары и услуги предоставляются компетентным и профессиональным образом в соответствии с общепринятыми стандартами и передовой практикой, которая применяется в отрасли Продавца (*provided or performed in a competent and professional manner in accordance with generally accepted standards and best practices that apply in Seller's industry*)⁸.

В договорах купли-продажи заложен принцип “*caveat emptor*” (англ. *let the buyer beware*)⁹.

Это означает, что продавец не несет обязанности раскрывать дефекты продаваемых товаров; покупатель должен позаботиться обнаружить дефекты до того, как их приобретет [7, с. 366]. Но такой подход является слишком жестким, ведь покупатель заинтересован, чтобы у товара не было каких-либо недостатков. Далеко не все недостатки можно выявить при осмотре во время передачи товара. И тогда покупатели стали требовать от продавцов гарантий, что у передаваемого товара нет каких-либо конкретных недостатков¹⁰. Для этого продавец дает соответствующие гарантии, при этом в случае нарушения данных гарантий продавец несет ответственность, как указано в табл. 1, а покупатель соглашается на подписание договора, если все данные продавцом гарантии его устраивают.

Английские юристы особое внимание уделяют оговоркам о предоставлении гарантий и заверений – они тщательным образом прописывают в договорах последствия нарушения предоставляемых гарантий и заверений, так как в противном случае в соответствии с общим правом последствия предоставленных гарантий и заверений могут быть более серьезными, чем последствия нарушения договорного обязательства. Если продавец дает гарантию в отношении качества товара, он тем самым подчеркивает, что несет ответственность за последствия поставки некачественного товара. Таким образом, продавцу при заключении договора нежелательно давать прямые гарантии и заверения, однако некоторые положения договора все же могут быть признаны судом гарантиями или заверениями.

В строительных контрактах под гарантией качества (*qualitative warranty*) понимается заверение подрядчика в том, что используемые им в ходе строительства материалы и оборудование не будут иметь дефектов проектирования или изготовления, при этом будут соответствовать условиям договора, а работы будут выполняться компетентными специалистами. Для строительных контрактов также характерно предоставление гарантий производительности (*performance warranties*), которые представляют собой заверение подрядчика в том, что построенный объект будет соответствовать определенному уровню производительности (определенной мощности,

site/about/suppliers/ec-supplier/GE_Energy_Standard_Terms_Of_Purchase_Rev_H.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

⁶ См.: Стандартные условия покупки General Electric: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefndmkaj/https://www.governmentova.com/content/dam/gerpower-new/global/en_US/downloads/gas-new-site/about/suppliers/ec-supplier/GE_Energy_Standard_Terms_Of_Purchase_Rev_H.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

⁷ См.: Стандартные условия покупки Baker Hughes: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefndmkaj/https://www.bakerhughes.com/sites/bakerhughes/files/2021-10/Rev%20B%20Russia%20English%20FINAL.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

⁸ См.: Стандартные условия покупки Baker Hughes: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefndmkaj/https://www.bakerhughes.com/sites/bakerhughes/files/2021-10/Rev%20B%20Russia%20English%20FINAL.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

⁹ В Римском праве существовал принцип *caveat emptor* («Покупатель да остерегайся!»).

¹⁰ См.: pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/the-agreements-that-were-made-possible-by-the-reform-of-the-civil-code-overcoming-old-barriers-in-ob/ (дата обращения: 05.05.2025).

КПД, расходу сырья и проч.), а в ходе приемки всех работ будут достигнуты предусмотренные контрактом производственные показатели¹¹.

Заверение, приведенное в табл. 3, дает продавец товаров, значительным образом ограничивая свою ответственность перед покупателем.

Таблица 3

Пример оговорки, ограничивающей ответственность продавца

Seller's warranty	Гарантия продавца
<p><i>Seller warrants that all goods provided pursuant to this Order, whether provided by Seller or any of its Subcontractors, will: (a) be new and of merchantable quality; (b) be free from all defects in design, workmanship, material and title; (c) be provided in strict accordance with all requirements, regulations, codes, standards, specifications and other requirements approved or provided by Buyer; (d) be provided/Performed in a competent and professional manner in accordance with the highest standards and best practices that apply in Seller's industry.</i></p>	<p>Продавец гарантирует, что все товары, предоставляемые в соответствии с настоящим Заказом самим Продавцом или любым из его Субподрядчиков отвечают следующим условиям: (а) являются новыми и пригодными для коммерческой реализации; (б) не содержат каких-либо дефектов конструкции, изготовления, материалов и пороков правоустанавливающего документа; (с) предоставляются в строгом соответствии со всеми требованиями, обязательными постановлениями, правилами и нормами, стандартами, техническими условиями и прочими требованиями, утвержденными или предоставленными Покупателем; (д) предоставляются компетентным и профессиональным образом в соответствии с общепринятыми стандартами и передовой практикой, которая применяется в отрасли Продавца.</p>
<p><i>Seller's warranty obligations shall not apply if the non-conformity was caused by Buyer's failure to properly store or maintain the goods, unauthorized alteration or repair of the goods by Customer.</i></p>	<p>Гарантийные обязательства Продавца не применяются, если несоответствие было вызвано нарушением Заказчиком правил и условий хранения, рекомендованных Продавцом, модификацией или ремонтов товаров Заказчиком без разрешения Продавца.</p>
<p><i>The foregoing warranties shall apply for a period of 12 months from delivery of the goods.</i></p>	<p>Изложенные выше гарантии действуют в течение 12 месяцев с момента поставки товаров.</p>
<p><i>In no case shall the warranty period for any repaired or replaced part exceed a period of twelve (12) months after delivery of the goods.</i></p>	<p>Ни в каком случае гарантийный период для любой отремонтированной или замененной части не превысит 12 (двенадцать) месяцев после поставки товара.</p>
<p><i>The repair or replacement of the equipment or parts by Seller under this warranty provision shall constitute Seller's sole obligation and shall constitute Buyer's sole and exclusive remedy for all warranty claims regarding the equipment and parts furnished hereunder.</i></p>	<p>Ремонт или замена оборудования или его частей Продавцом в соответствии с настоящим пунктом о гарантийных обязательствах представляет собой единственную ответственность Продавца и единственное и исключительное право Покупателя в отношении всех претензий, связанных с гарантийными обязательствами Продавца в отношении оборудования и его частей, поставляемых по настоящему Заказу.</p>

¹¹ См.: Липавский В. Гарантии качества и производительности в ЕРС- и ЕРС(М)-контрактах: ключевые моменты и подводные камни. URL: <https://ostlegal.ru/wp-content/uploads/2020/08/statya-garantii-kachestva-v-ers-kontraktah-lipavskij-v.b.-ost-legal-1.pdf> (дата обращения: 02.08.2025).

Продавцу важно ограничить свою ответственность перед покупателем, иначе ответственность продавца может включать в себя затраты на ремонт, замену дефектного товара (которые, в свою очередь, могут включать в себя затраты на закупку товара у конкурентов), возмещение заранее оцененных убытков, а также прочие расходы, возникшие в результате повреждения. Так, продавец заинтересован предоставить четкие гарантии, ограничить гарантию определенным сроком (это ограничит срок, в течение которого покупатель сможет предъявить претензии), вменить покупателю обязанность следовать инструкции по эксплуатации, исключить случаи ответственности продавца, которые не входят в зону его контроля и предусмотреть, какие действия предпримет продавец в случае нарушения такой гарантии (например, по своему усмотрению отремонтирует или заменит дефектный товар). В договоре в интересах продавца исключить любую иную ответственность продавца, прямо указав об этом: указать, что обязательства по гарантийному случаю аннулируются, например, при нарушении покупателем правил установки, эксплуатации, транспортировки, хранения изделия, попадании внутрь изделия посторонних предметов, вызвавших его неисправность, и т. д.

Таким образом, стороны предоставляют *representations and warranties*:

- во-первых, чтобы получающая такие заверения сторона полагалась на них, оставляя их в зоне ответственности предоставляющей заверения стороны;
- во-вторых, чтобы ограничить свою ответственность перед контрагентом по сравнению с той, которая может быть применена в соответствии с общим правом.

Что же происходит в случае обращения российского юриста к ст. 431.2 ГК РФ? Вероятно, данная статья в какой-то степени удовлетворяет целям и задачам осуществления сделки *M&A*. Что касается обычных договоров, подчиненных российскому праву, которые предприятия подписывают в процессе своей обычной хозяйственной деятельности, то здесь видится следующая ситуация. Руководствуясь личными ощущениями, одни юристы указывают в договоре некие заверения, не всегда задаваясь вопросом о возможности их исполнения и последствиях неисполнения. Другие же не указывают в договоре никаких заверений – в таком случае остается риск, что контрагент попытается признать какое-либо положение договора заверением в рамках ст. 431.2 ГК РФ и потребовать возмещения убытков, отказаться от договора или признать его недействительным. Таким образом, представляется целесообразным на предприятиях разрабатывать так называемую договорную политику с тем, чтобы выработать и использовать формулировку заверений об обстоятельствах, которая будет соответствовать особенностям деятельности компании и ограничит возможные риски компании.

Формулировка ст. 431.2 ГК РФ не в полной мере отражает суть *representations and warranties*, которая заложена в эти понятия с точки зрения английского права. Поэтому российским юристам может быть и полезен экскурс в английское право, но в целом им можно совершенно абстрагироваться от сопоставления английских терминов *representations and warranties* с российскими заверениями об обстоятельствах. Выше приведены поясняющие табл. 1 и 2 и выводы автора лишь с целью доказать, что юридический подход к толкованию этого института у англичан принципиально отличается от российского.

По мнению А. В. Морозова, «объективно существующая потребность в преодолении имеющихся в английском договорном праве противоречий, вытекающих из сложности систематизации заверений в виде заверений и гарантий, привела в итоге в ходе трансплантации к смешению различий в характере и целях, которые часто вступают в противоречие с целями заверений об обстоятельствах» [2].

Итак, ст. 431.2 ГК РФ дает право – в зависимости от характера заверений – на возмещение убытков или выплату неустойки (п. 1), на возмещение убытков или взыскание неустойки с одновременным отказом от договора, если иное не предусмотрено соглашением сторон (п. 2), а также на признание договора недействительным (п. 3). Такое разграничение отсутствует в английском праве.

Необходимо отметить, что российская судебная практика свидетельствует о наличии успешных случаев возмещения неустойки при нарушении заверений об обстоятельствах. Так, в соответствии с постановлением 21ААС от 28.11.2018 по делу № А84-2147/2018 суд взыскал неустойку на основании ст. 431.2 ГК РФ, а ее размер определил, руководствуясь пунктом 6.2 договора, в котором было указано, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения исполнителем условий договора заказчик вправе требовать взыскания с исполнителя штрафа в размере 10 % от цены договора, за каждый факт нарушения условий договора. Примечательно, что пункт договора, в котором содержалось само заверение об обстоятельствах, не содержал размер неустойки, и суду пришлось делать вывод о размере неустойки, руководствуясь совсем иными положениями договора¹².

По большому счету, ст. 431.2 ГК РФ представляет собой головоломку для российских юристов. Так, по всей видимости, в п. 1 ст. 431.2 ГК РФ подразумевается, что заверение об обстоятельствах должно отвечать, как минимум, двум требованиям (чтобы считаться таковым): 1) быть достоверным; 2) иметь значение для заключения договора, его исполнения или прекращения, и это должно быть принято во внимание юристом компании при подготовке договора. Более того, любое заверение, выдаваемое организацией, чьи интересы он представляет, должно быть всесторонне исследовано, чтобы не наступили негативные последствия в случае, если заверение не сможет быть исполнено (а это не только возмещение убытков, но отказ от договора, признание договора недействительным). При этом следует помнить, что любое положение договора в силу ст. 431.2 ГК РФ может быть истолковано как заверение об обстоятельствах.

Положения ст. 431.2 ГК РФ пересекаются с положениями ГК РФ о представительстве – не известно, было ли это задумкой законодателя или так вышло случайно. Другими словами, положения ст. 431.2 ГК РФ можно применить к подтверждению полномочий стороны, хотя более логично было бы применить к полномочиям положения ГК РФ о представительстве. Так, например, в договоре¹³ была указана формулировка: «Покупатель в соответствии со статьей 431.2 ГК РФ заверяет поставщика, что лица, являющиеся работниками покупателя (как оформленные, так и не оформленные по ТК РФ) и/или имеющие доступ к подлинной печати покупателя (а в случае использования заказчиком нескольких печатей к любой из них), обладают всеми необходимыми полномочиями на подписание ТТН, актов приема-передачи, первичных и иных документов, а полномочия указанных лиц являются из обстановки».

При этом суд счел достаточным такую формулировку для подтверждения полномочий покупателя.

Таким образом, обыкновение проверять контрагента перед заключением с ним сделки вытесняется ст. 431.2 ГК РФ. Даже здесь проявляется рецепция английского права, в соответствии с которым стороны могут не проверять полномочия контрагентов, полагаясь на их заверения о наличии таких. Целесообразно все же было бы проявить должную осмотрительность¹⁴ и удостовериться в полномочиях контрагента перед подписанием договора – так получающая подобные заверения сторона сумеет обезопасить себя в большей степени. При этом проверка полномочий стороны – это право стороны, и российская судебная практика в большинстве случаев исходит из того, что риски несет сторона, которая не удостоверились в полномочиях подписчика со стороны контрагента.

В ст. 431.2 ГК РФ упоминается только термин заверения, хотя анализ статьи позволяет прийти к выводу, что закон рассматривает заверения как комплексный институт, включающий

¹² См.: Постановление 21ААС от 28.11.2018 по делу № А84-2147/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 мая 2018 г. по делу № А40-255780/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.06.2019 по делу № А53-17092/2018, от 13.06.2019 по делу № А53-20058/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

и заверения, и гарантии, которые дифференцируются в зарубежной доктрине и законодательстве¹⁵.

Обратим внимание, что законодатель не устанавливает требования к форме выражения заверений. Поэтому они могут быть изложены как в договоре, так и документе, который подписывается несколькими участниками (например, протоколе, соглашении о намерениях), а также и в исходящем непосредственно от стороны, гарантирующей наличие юридически значимого обстоятельства (письмо с предложением о сотрудничестве, переписка об условиях исполнения и т. д.)¹⁶.

Заверения об обстоятельствах в российском Гражданском кодексе, вероятно, предполагают предоставление заверений в отношении фактов прошлого, настоящего и будущего. При этом мы понимаем, что заверения могут быть следующими:

- 1) заведомо ложными, и об этом знает предоставляющая их сторона;
- 2) заведомо ложными, и об этом знают обе стороны;
- 3) могут оказаться невыполнимыми по вине предоставившей их стороны;
- 4) могут оказаться невыполнимыми без вины предоставившей их стороны.

Поразмышляем о классификации заверений об обстоятельствах в отношении фактов прошлого, настоящего или будущего, применяя к такой классификации ответственность, предлагаемую ст. 431.2 ГК РФ (табл. 4):

Таблица 4

Последствия недостоверного заверения об обстоятельствах
в соответствии со ст. 431.2 ГК РФ

Факт прошлого, настоящего или будущего	Предоставляющая сторона	Получающая сторона	Ответственность
Недостоверное заверение об обстоятельствах	Знает о недостоверности заверения	Не знает о достоверности заверения	Получающая сторона имеет право на неустойку (отказ от договора, признание договора недействительным)
	Знает о недостоверности заверения	Знает о недостоверности заверения	Получающая сторона имеет право на неустойку (отказ от договора, признание договора недействительным), если предоставляющая сторона не сумеет доказать, что получающая сторона знала о недостоверности заверения

Если заверение заведомо ложное или не выполняется по вине предоставившей его стороны, ответственность будет носить деликтный характер.

Из буквального прочтения ст. 431.2 ГК РФ следует: статья не делает различий между гарантиями и заверениями. Такое различие характерно лишь для английского права и было

¹⁵ См.: Рязанова Д. «Заверения об обстоятельствах и гарантии: проблемы разграничения», блог: https://zakon.ru/blog/2020/05/24/zavereniya_ob_obstoyatelstvah_i_garantii_problemy_razgranicheniya?ysclid=lq2autey4f170082123 (дата обращения 08.10.2025).

¹⁶ См.: Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 октября 2016 г. № 19АП-4508/2016 по делу № А14-18691/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

вызвано историческими предпосылками. Однако разделять понятия «заверения» и «гарантии» в российском праве представляется нецелесообразным, по крайней мере, на настоящем этапе.

По мнению автора, российскому законодателю не следовало идти на поводу прецедентного английского права и под кальку переносить в ГК РФ институт «заверений об обстоятельствах». Если все же признать необходимость внедрения классификации института заверений в российской правовой системе, то можно было классифицировать заверения следующим образом:

- заверения, относящиеся к фактам прошлого, настоящего и будущего;
- заведомо ложные заверения;
- заверения, которые оказались недостоверными по вине или без вины предоставившей их стороны;
- заверения, которые оказались невыполнеными по причине форс-мажора.

К основным недостаткам ст. 431.2 ГК РФ можно отнести следующие:

- 1) отсутствует четкое определение понятия «заверения об обстоятельствах», в связи с чем под такими заверениями можно понимать любое положение договора, представляющее собой обязанность, утверждение стороны;
- 2) нормы ГК РФ во многих случаях уже довольно подробно регулируют всевозможные ситуации. Не ясно, каким образом будут «работать» статьи ГК РФ, если применить ст. 431.2 ГК РФ, например, в отношении заверений продавца о качестве товара;
- 3) нормы ст. 431.2 ГК РФ не содержат указаний о том, следует ли указывать в договорах, что то или иное положение договора является заверением об обстоятельствах. Так, если в договоре специальным образом не указано, что именно следует считать заверениями, заинтересованная в признании заверением какого-либо положения договора сторона может доказать, что оно является заверением об обстоятельствах и потребовать компенсацию ущерба, отказаться от договора или признать договор недействительным. Таким образом, при подписании договора каждой стороне необходимо учитывать данный риск, в том числе закладывать в стоимость такие вот непредвиденные расходы;
- 4) не ясно, в каком размере надлежит выплачивать неустойку в случае, если в договоре ее размер явным образом не закреплен и не вытекает из иных положений договора.

Включение в ГК РФ ст. 431.2 является рецепцией английского института *representations and warranties*, что произошло в большей степени в связи с все возрастающими требованиями бизнеса в отношении сделок M&A. При этом положения ст. 431.2 ГК РФ при ее включении в кодекс, как видится автору, не были подвергнуты критическому осмыслению с точки зрения российской договорной практики, и, таким образом, возникло много вопросов, для ответа на которые требуется наработка судебной практики и ее обобщение. Представляется целесообразным в договорах, заключаемых в обычной хозяйственной деятельности предприятия, в крупных ЕРС-контрактах, договорах по форме FIDIC¹⁷, подчиненных российскому праву, предусматривать следующее:

- четко обозначать договорные положения, которые следует считать заверениями об обстоятельствах, и при этом указывать, что признание прочих положений договора заверениями об обстоятельствах исключается;
- вносить в договор положение о том, что его содержание носит исчерпывающий характер в отношении предмета сделки – тем самым показать намерение сторон лишить юридического значения любые утверждения или заверения, данные до заключения договора и не включенные в договор;
- предусматривать размер неустойки за нарушение того или иного заверения;

¹⁷ *Fédération Internationale des Ingénieurs-Conseils* (FIDIC) – Международная федерация инженеров-консультантов.

- учитывать возможные последствия неисполнения данных предприятием заверений об обстоятельствах (уплату убытков, неустойки, отказ от договора или признание договора недействительным).

Очевидно, что последствия неисполнения заверений об обстоятельствах в соответствии со ст. 431.2 ГК РФ довольно жесткие и не всегда отвечают целям бизнеса. В связи с этим формулировке заверений об обстоятельствах необходимо уделять внимание при согласовании договора с контрагентом. Полагаем, что институт заверений об обстоятельствах подлежит доработке российским законодателем с учетом вышеизложенных размышлений, при этом применение ст. 431.2 ГК РФ к отношениям сторон обязательно должно иметь диспозитивный характер.

Имплементация зарубежных правовых институтов в ГК РФ требует их адаптации к российскому праву с участием ведущих юристов, в том числе экспертов в международном частном праве. Законодатель должен проанализировать последствия введения нового правового института, содержание нового законодательного положения с точки зрения вины сторон, возмещения убытков, расторжения договора, отказа от договора, прочих обстоятельств. Помимо этого, должно быть исключено противоречие вновь вводимой статьи с существующими статьями Гражданского кодекса.

Список литературы

1. **Томсинов А. В.** Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representation, warranties и indemnity в праве Англии и США // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 91–111.
2. **Морозов А. В.** Заверения об обстоятельствах как «правовой трансплант» в современном праве России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6.
3. **Воронин Е. М.** Практика применения института заверений об обстоятельствах по ст. 431.2 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 193–208.
4. **Манджиев А. Д., Мартынова Т. С.** Заверения об обстоятельствах: насколько важно полагаться на них? // Закон. № 5. 2022.
5. **Станнард Д.** Просрочка в исполнении договорных обязательств. 2-е изд. Издательство Оксфордского университета, 2018. С. 46.
6. **Чен-Вишарт М.** Договорное право. 4-е изд. Ашфорд Колор Пресс, 2012. С. 368.
7. **Гроу С.** Введение в договорное право. 10-е изд. Лобук Ко, 2021. С. 280.
8. **Эллиот К. и Куин Ф.** Договорное право. 10-е изд. Пирсон Эдюкейшн Лимитед, 2015. 146 с.
9. **Смит Ян М.** Договорное право. Сравнительное введение. 3-е изд. Эдвард Элгар Паблишинг Лимитед. Великобритания, 2021. С. 173–175.
10. **Кнутова И. Ю.** Необходимость разделения заверений об обстоятельствах в российском праве на заверение и гарантии по модели английского права // Молодой ученый. Сентябрь 2020. № 38 (328). С. 103.

References

1. **Tomsinov A. V.** Assurance of Facts and Reimbursement of Losses under Russian Law in Comparison with Representations, Warranties and Indemnity under English and American Law. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2015, no. 11, pp. 91–111. (in Russ.)
2. **Morozov A. V.** The Institute of Representation as a “Legal Transplant” in Modern Russian Law. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*, 2018, no. 6. (in Russ.)

3. **Voronin E. M.** Practice of Applying Institution of Representations According to Article 431.2 of the Civil Code of Russia. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019, no. 6, pp. 193–208. (in Russ.)
4. **Mandzhiev A. D., Martanova T. S.** Assurances About Circumstances: How Important is it to Rely on Them? Law, 2022, no. 5. (in Russ.)
5. **Stannard John.** Delay in the Performance of Contractual Obligations. 2nd Edition. Oxford University Press., 2018, 46 p. (in Russ.)
6. **Chen-Wishart M.** Contract Law. Forth Edition. Ashford Colour Press 2012, 368 p. (in Russ.)
7. **Graw S.** An introduction to the law of contract. Tenth Edition. Lawbook co., 2021, 280 p. (in Russ.)
8. **Elliott C. and Quinn F.** Contract law. Tenth Edition. Pearson Education Limited, 2015, 146 p. (in Russ.)
9. **Smith Jan M.** Contract Law. A comparative introduction. Third edition. Edward Elgar Publishing Limited. UK., 2021, pp. 173–175. (in Russ.)
10. **Knutova I. Yu.** The Need to Differentiate Representations About circumstances in Russian law as Representations and Warranties According to English law model. *Young scientis*, September 2020, no. 38 (328), p. 103. (in Russ.)

Информация об авторе

Пшеничная Нина Юрьевна, аспирант Всероссийской академии внешней торговли

Information about the Author

Nina Y. Pshenichnaya, Postgraduate Student, Russian Foreign Trade Academy, Practicing Lawyer

*Статья поступила в редакцию 11.05.2025;
одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 30.06.2025*

*The article was submitted 08.04.2025;
approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 30.06.2025*

Научная статья

УДК 343.9

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-88-96

Особенности криминологической характеристики личности преступника, совершающего преступления с использованием искусственного интеллекта

Ирина Алексеевна Ефремова

Саратовская государственная юридическая академия

Саратов, Россия

efremova005@yandex.ru

Аннотация

В статье на основе правоприменительной практики, статистических данных, источников, содержащихся в средствах массовой информации, анализируются особенности криминологической характеристики личности преступника, совершающего преступления с использованием искусственного интеллекта. Портрет личности преступника рассматривается через призму социально-демографических, уголовно-правовых и нравственно-психологических свойств и качеств личности в условиях новой информационной реальности. Констатируется, что в большинстве случаев это мужчины, в возрасте от 25 до 29 лет, граждане России, имеющие среднее образование, не состоящие в официальных брачных отношениях, не имеющие на иждивении несовершеннолетних детей, совершающие различные преступления в кибернетическом пространстве. Мотивы различны, среди изученных уголовных дел в основном преобладают корыстный мотив (77,6 %), игровой (14,5 %), хулиганский (6,0 %), политический (1,0 %), иные (например, месть, вражда) (0,9 %)¹.

Ключевые слова

искусственный интеллект, ИТ-технологии, сеть «Интернет», киберпространство, личность преступника, криминологическая характеристика, социально-демографические свойства, нравственно-психологические свойства, уголовно-правовые свойства

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312>.

Для цитирования

Ефремова И. А. Особенности криминологической характеристики личности преступника, совершающего преступления с использованием искусственного интеллекта // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3. С. 88–96. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-88-96

¹ Для репрезентативности рассматриваемой проблематики нами изучено 214 материалов уголовных дел Московской, Оренбургской, Саратовской областей и других субъектов РФ за 2021–2025 гг.

Features of Criminological Characteristics of the Personality of a Criminal who Commits Crimes using Artificial Intelligence

Irina A. Efremova

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation
efremova005@yandex.ru

Abstract

Based on law enforcement practice, statistical data, and sources contained in the mass media, the article analyzes the features of the criminological characteristics of the personality of a criminal who commits crimes using artificial intelligence. The portrait of the criminal's personality is considered through the prism of socio-demographic, criminal-legal, moral-psychological properties and personality traits in the context of the new information reality. It is stated that in most cases these are men between the ages of 25 and 29, Russian citizens with secondary education, who are not in an official marital relationship, who do not have dependent minors, and who commit several crimes against property. The perpetrators commit the crimes in question neither in a state of alcohol, nor in a state of narcotic or other intoxication. The motives vary, among the studied criminal cases, the selfish motive (77.6 %), gaming (14.5 %), hooligan (6.0 %), political (1.0 %), and others (for example, revenge, enmity) (0.9 %) prevail.

Keywords

artificial intelligence, IT technologies, criminal personality, criminological characteristics, socio-demographic, moral and psychological, criminal law qualities and properties

Funding

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

For citation

Efremova I. A. Features of criminological characteristics of the personality of a criminal who commits crimes using artificial intelligence. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 3, pp. 88–96. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-88-96

Искусственный интеллект активно используется во многих сферах жизни общества и государства (в 77 % случаев)². Использование искусственного интеллекта повышает эффективность жизнедеятельности граждан, снижает издержки и увеличивает производительность труда [1, с. 153]. Экспансия искусственного интеллекта – быстроразвивающийся процесс ближайших лет³. По данным основателя искусственного интеллекта, современные системы формируют новые криминально-ориентированные способы мошенничества и других общественно опасных деяний⁴. В последнее время распространено мошенничество, в котором применяются «чат-боты» на основе искусственного интеллекта для массовой рассылки ложных сообщений банков⁵, что причиняет значительный материальный ущерб физическим и юридическим лицам. За январь-апрель 2025 г. увеличилось на 2,6 % число зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных техно-

² What Consumers Really Think About AI // Pega. URL: <https://www1.pegacorp.com/system/files/resources/2017-11/what-consumers-really-think-of-ai-infographic.pdf>. (дата обращения: 20.05.2025).

³ Искусственный интеллект в России: возможности, потенциал и риски // ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-v-rossii-vozmozhnosti-potencial-i-risiki> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ «Научился лгать и мошенничать»: отец-основатель ИИ предупредил об опасности новой технологии // Репортер. URL: <https://topcor.ru/60622-nauchilsja-lgat-i-moshennichat-otec-osnovatel-ii-predupredil-ob-opasnosti-novoj-tehnologii.html> (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ Россиянам рассказали о новой схеме кражи денег с банковских карт // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/06/01/25930028.shtml> (дата обращения: 20.05.2025).

логий в сфере компьютерной информации⁶. В 2025 г. прогнозируется увеличение количества преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта в 8–10 раз⁷. Действующее законодательство не успевает реагировать на новые угрозы, возникающие в киберпространстве. В связи с этим назрела необходимость изучения статуса лиц, участвующих в рассматриваемой преступной деятельности. Составление портрета личности преступника, совершающего преступления с использованием искусственного интеллекта, выявление его особенностей позволит проводить их индивидуальную профилактику, с целью предупреждения таких преступлений и воздержания лиц от их совершения в будущем. Этому будет способствовать выявление не только криминологических показателей указанных деяний (количественных, качественных), причин и условий, но и особенности личности преступника. Человек находится в центре внимания криминологии. Человек и его преступное поведение – генезис преступности [2, с. 160, 164].

Личность преступника – это совокупность конкретных психологических, социологических, уголовно-правовых, демографических и иных признаков [3, с. 8], закономерно образовавшихся под воздействием негативной социальной среды [4, с. 9]. Вопросы изучения личности преступника, совершающего уголовно наказуемые деяния с использованием искусственного интеллекта, в настоящее время не потеряли своей актуальности и являются предметом изучения различных отраслей права, поскольку технические средства постоянно совершенствуются и в сфере криминальной деятельности отдельных лиц, и криминальных групп и сообществ. В доктрине уделяется внимание отдельным аспектам личности преступника, совершающего общественно опасные деяния с использованием информационно-телекоммуникационных технологий сети «Интернет» [5], предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ) [6, с. 105–124], личности киберпреступника [7]. Однако комплексный анализ предупреждения преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта через призму особенностей портрета личности преступника, порой остается вне поля зрения правовой доктрины.

В этой связи актуальность приобретает понимание определения «киберпространство», которое является средой совершения преступлений с использованием искусственного интеллекта. Под кибернетическим пространством в доктрине понимают «обобщенное наименование упорядоченной в соответствии с определенными протоколами автоматизированной обработки информации системы программных средств и документальных файлов, расположенных в памяти электронных цифровых устройств или электронной цифровой информации, находящейся в процессе передачи любым доступным способом, либо информации, распределенной в компьютерной системе или сети» [8, с. 250]. Термин «искусственный интеллект» включает «информационно-телекоммуникационные технологии», в том числе сеть «Интернет». Искусственный интеллект используется для обозначения различных систем, алгоритмов, области компьютерных наук, в рамках которых изучаются способы построения компьютерных систем, способных к разумному поведению [9, с. 153]. На законодательном уровне закреплено следующее определение «искусственного интеллекта» – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру

⁶ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–апрель 2025 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/65027102/> (дата обращения: 20.05.2025).

⁷ Частный детектив: развитие ИИ может повлечь кратный рост преступности в 2025 году // Известия. URL: <https://iz.ru/1819420/anton-belyi/chatnyj-detektiv-razvitie-ii-mozhet-povlech-kratnyj-rost-prestupnosti-v-2025-godu> (дата обращения: 20.05.2025).

(в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений⁸. Данный термин отличен от иных терминов. Вышеуказанные суждения позволяют выявить особенности портрета личности преступника, совершающего преступления с использованием искусственного интеллекта, и признаки, его характеризующие.

Определяющим среди социально-демографических показателей является возраст преступника. Возраст показывает социальные роли и связи, круг общения, интересы, степень социализации, психологические особенности. Все это влияет на мотивационную направленность совершаемых общественно опасных деяний и механизм совершения преступления. Из проведенного нами анализа материалов уголовных дел следует, что с использованием искусственного интеллекта совершают преступления чаще мужчины (82,2 %). Мужчины на 12 % чаще, чем женщины, используют искусственный интеллект в повседневной жизни при решении рабочих вопросов⁹. Согласно имеющимся тенденциям, наблюдается рост количества женщин, совершающих преступления с использованием искусственного интеллекта [7, с. 47]. Это обусловлено тем, что женщины чаще стали заниматься профессиональной деятельностью, так или иначе связанной с использованием интернет-технологий [10, с. 129], а также совершать иные преступления. Удельный вес женщин-преступниц с 2014 по 2024 г. в стране увеличился. Согласно данным Верховного Суда, в 2014 г. осуждено 103 306 женщин (удельный вес среди всех осужденных 14,4 %); в 2015 г. – 102 964 (14,0 %); в 2016 г. – 98 623 (13,3 %); в 2017 г. – 94 157 (13,5 %); в 2018 г. – 90 951 (13,8 %); в 2019 г. – 83 586 (14,0 %); в 2020 г. – 73 325 (13,8 %); в 2021 г. – 80 952 (14,3 %); в 2022 г. – 84 859 (14,7 %); в 2023 г. – 84 927 (15,3 %); в 2024 г. – 85 799 (16,7 %)¹⁰.

В большинстве случаев возраст преступников составляет от 25 до 29 лет (54,6 %). Согласно имеющимся данным социологического исследования, проведенного в Российской Федерации, искусственный интеллект используют лица молодого возраста¹¹. Инструменты, созданные с помощью искусственного интеллекта, представляют интерес среди молодежи и в странах дальнего зарубежья. Если в 2024 г. искусственным интеллектом для учебы пользовались 66 % учащихся, то в 2025 г. этот показатель достиг 92 %. Более того, согласно результатам проведенного исследования, студенты активно прибегают к инструментам вроде ChatGPT. Использование данного инструмента возросло с 53 до 88 % всего за год¹².

Реже такие преступления совершаются лицами 50 лет и старше (0,8 %). Эта категория лиц, как правило, совершает уголовно наказуемые деяния, предусмотренные главой 21 УК РФ (32,9 % удельный вес лиц, совершивших преступления данной группы в 2023 г.); главой 16 (16,8 %); главой 27 (10,9 %); главой 32 (7,9 %); главой 25 (7,1 %); главой 24 (5,2 %); главой 20 (4,7 %); главой 22 (3,1 %); главой 31 (3,0 %); главой 26 (2,9 %); главой 30 (2,8 %); главой 18

⁸ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4929.

⁹ Мужчины используют нейросети для решения рабочих задач чаще женщин // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/10/16/24159061.shtml> (дата обращения: 20.05.2025).

¹⁰ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014–2024 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.05.2025).

¹¹ Российская молодежь подсела на ИИ // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/05/29/25904354.shtml> (дата обращения: 20.05.2025).

¹² Исследование: почти все студенты британских вузов используют искусственный интеллект для учебы // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/news/886516/> (дата обращения: 20.05.2025).

(1,3 %); главой 19 (0,7 %); главой 29 (0,3 %); главой 17 (0,1 %); главой 33 (0,03 %); главой 28 (0,02 %); главой 34 (0,006 %)¹³, без использования искусственного интеллекта. Возрастные особенности влияют на преступное поведение и имеют прямое отношение к способам совершения преступлений.

Большинство преступников являются гражданами РФ (96,3 %). Иностранные граждане чаще совершают преступления против интересов Российской Федерации и ее граждан, находясь на территории иного государства.

Лица, совершающие преступления с использованием искусственного интеллекта, часто не состоят в официальных брачных отношениях (67,3 %). Это отчасти обуславливается тем, что в настоящее время институт брака и семьи обесценен, и молодые люди не спешат обременять себя законными брачными отношениями. Согласно проводимому опросу, 34 % респондентов не собираются официально регистрировать отношения, 37 % – в ближайшее время, а 34 % опрошенных вовсе отказываются от регистрации брака¹⁴. По данным Росстата, за последние десять лет количество отношений пар без регистрации официального брака увеличилось в четыре раза¹⁵. Согласно полученным результатам, 54,6 % находились в незарегистрированном браке.

В 68,7 % случаев виновные не имели детей. Согласно данным СМИ, на сегодняшний день 68 % молодых людей не планируют иметь детей, обосновывая это желанием «пожить для себя» без каких-либо серьезных обязательств¹⁶. Остальные преступники имели на иждивении одного, двух несовершеннолетних детей. Однако наличие на иждивении несовершеннолетних детей не являлось препятствием совершения преступлений.

Важное криминологическое значение имеет уровень образования виновного, поскольку уровень образования связан с культурой личности, ее социальным статусом, средой общения, жизненными ценностями, планами и возможностями их реализации. Уровень образования часто связан с совершением определенного вида преступлений и частотой совершения общественно опасных деяний. Чем выше уровень образования, тем реже лица совершают преступления. Однако последние тенденции показывают рост количества преступников, имеющих высокий уровень образования. Это связано со снижением качества образования и доступностью его получения (дистанционное обучение) [11, с. 221, 223]. Преступники, совершающие преступления с использованием искусственного интеллекта, обладают средним образованием (51,4 %), не имеющих специальных знаний в ИТ-сфере – 62,6 %. 32 % респондентов считают высшее образование необязательным для достижения результатов в сфере ИТ. 61 % опрошенных выбрали самостоятельное обучение¹⁷.

Чаще преступники не имели основного места работы (38,3 %). В основном лица были заняты в банковских организациях, в компаниях сотовых операторов и иных сферах (25,2 %), реже преступления совершались профессионалами сферы ИТ-технологий, поскольку направления деятельности этих лиц на сегодняшний день являются приоритетными и поддерживаются государством в части достойной оплаты труда и льгот иного характера. Заработка плата

¹³ См.: Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 2023 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823> (дата обращения: 20.05.2025).

¹⁴ Исследование: россияне все реже хотят жениться // Накануне. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/123473> (дата обращения: 20.05.2025).

¹⁵ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).

¹⁶ ВЦИОМ назвал распространенную среди молодежи причину не заводить детей // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21754603> (дата обращения: 20.05.2025).

¹⁷ См.: «Киберпротект»: 90 % ИТ-специалистов окончили вуз, но диплом не решает всё // CNEW. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2024-12-02_kiberprotekt_90_it-spetsialistov (дата обращения: 20.05.2025).

IT-специалистов во второй половине 2024 г. составила 180 000 ₽, это на 19 % больше, чем в первом полугодии 2024 г., когда поддержка государства в этой области выросла на 8%¹⁸.

Преступления с использованием искусственного интеллекта часто заранее подготовлены и хорошо спланированы. В некоторых случаях могут носить групповой характер и совершаются в составе организованной группы и преступным сообществом (организацией). Например, лица, объединившись в преступное сообщество, совершали преступления, предусмотренные ст. 159 УК РФ. Виновным было предъявлено обвинение в совершении преступных деяний, предусмотренных ст. 210, 159 УК РФ¹⁹, но чаще такие преступления совершаются в одиночку.

Для выработки эффективных превентивных мер значение имеют данные о рецидиве (уголовно-правовом, криминологическом, пенитенциарном). В большинстве случаев для виновных свойствен криминологический рецидив²⁰, поскольку охватывает преступные деяния, которые носят латентный характер. Уровень латентности изучаемых деяний является высоким.

Виновные лица совершают различные преступления, совершаемые в киберпространстве, большинство из которых носят корыстную направленность. Например, правоохранительные органы пресекли деятельность «кибермошенников», разработавших программу на основе искусственного интеллекта для автоматического заполнения электронных опросных листов покупателей, позволяющую совершать преступления. В результате действий группы общий ущерб составил 37 миллионов рублей²¹. В связи с этим глава СК РФ А. И. Бастрыкин предложил ужесточить уголовное наказание за совершение мошенничества с использованием искусственного интеллекта²².

В 76,6 % случаях имела место совокупность преступных деяний, совершенных с причинением крупного материального ущерба. Только одна организованная группа с помощью искусственного интеллекта причинила ущерб на сумму около 12 млн руб. Высшими должностными лицами указывается на низкую раскрываемость²³. Уровень раскрываемости анализируемых деяний не превышает 27 %²⁴. Виновные, осознавая свою безнаказанность, редко являются с повинной, а потерпевшие не всегда обращаются за помощью в правоохранительные органы за защитой своих нарушенных прав.

Преступная деятельность человека связана с мотивационной составляющей [12, с. 10]. Мотив представляет собой внутреннее побуждение, способствующее совершению общественно опасного посягательства, он связан с удовлетворением криминальной потребности виновного лица [13, с. 69; 14, с. 90]. Следовательно, для эффективного предупреждения таких преступле-

¹⁸ Зарплаты IT-специалистов во второй половине 2024 г.: +19 % к предыдущему полугодию // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/specials/883242/> (дата обращения: 20.05.2025).

¹⁹ В Саратовской области перед судом предстанут 39 обвиняемых в интернет-мошенничестве в составе преступного сообщества // МВД Медиа. URL: <https://mvdmedia.ru/news/operativnye-novosti/v-saratovskoy-oblasti-pered-sudom-predstanut-39-obvinyaemykh-v-internet-moshennichestve-v-sostave-pr/> (дата обращения: 20.05.2025).

²⁰ Уголовно-правовой рецидив не учитывает в полной мере латентный характер преступности.

²¹ См.: В Татарстане разоблачена схема мошенничества с использованием искусственного интеллекта // Вести Татарстан. URL: <https://trt-tv.ru/2025/03/05/v-tatarstane-razoblachena-shema-moshennichestva-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 20.05.2025).

²² Глава СК предложил отнести применение мошенниками ИИ к отягчающим обстоятельствам // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/03/05/25241312.shtml?updated> (дата обращения: 20.05.2025).

²³ В Перми в суд направлено уголовное дело о краже и мошенничестве, совершенных организованной группой с использованием IT-технологий, с причинением ущерба на сумму около 12 млн рублей // Официальный сайт Прокуратуры Пермского края. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_59/mass-media/news?item=86463174 (дата обращения: 20.05.2025).

²⁴ В Генпрокуратуре заявили о низкой раскрываемости киберпреступлений в России // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241010/kiberprestuplenie-1977431676.html> (дата обращения: 20.05.2025).

ний важно устанавливать мотивы этих преступлений [15, с. 122]. Мотивы носят различный характер, среди изученных нами уголовных дел в основном наличествовали: корыстный мотив (77,6 %), игровой (14,5 %), хулиганский (6,0 %), политический (1,0 %), иные (например, месть, вражда) (0,9 %).

К психическим особенностям можно отнести психические расстройства и пограничные состояния личности. Значительное количество лиц не стоит на психиатрическом учете.

Согласно проведенным исследованиям некоторых ученых, только 3 % киберпреступников состояли на учете в различных психиатрических учреждениях [16, с. 217].

Нравственно-психологическая характеристика личности преступника определяется теми морально-нравственными ориентирами, которые отражают отношение человека к другим лицам, семье, обществу, государству, закону, правопорядку, труду, культурным, общечеловеческим ценностям. Из анализа судебно-следственной практики следует, что для лиц, совершающих преступные посягательства, характерно: отсутствие самоконтроля, терпимости, сострадания; неумение устанавливать социальные контакты; поглощенность собой и своими проблемами; амбициозность; самоуверенность; эгоизм; эгоцентризм; склонность к нарциссизму; а также импульсивность.

Таким образом, криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступления с использованием искусственного интеллекта, имеет особенности, которые необходимо учитывать для выработки превентивных мер. Это совокупность следующих социально обусловленных свойств и качеств личности: мужчины, среднего возраста, граждане России, имеющие среднее образование, не состоящие в официальных брачных отношениях, не имеющие на иждивении несовершеннолетних детей, обладающие нравственно низким уровнем духовного развития, совершающие различные преступления корыстной и иной направленности в кибернетическом пространстве.

Список литературы

1. **Дремлюга Р. И.** Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 153–165.
2. **Антонян Ю. М.** Методологические проблемы криминологии // Тр. Ин-та государства и права Российской академии наук. 2024. № 2. С. 159–172.
3. **Антонян Ю. М., Плещаков В. А.** Еще раз о личности преступника // Вестник Всерос. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД Российской Федерации. 2024. № 3 (71). С. 3–9.
4. **Аванесов Г. А., Шегабудинов Р. Ш.** Личность преступника в системе причин преступности // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2010. № 3. С. 93–97.
5. **Джафарли В. Ф.** Личность преступника в механизме преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий: моногр. / под ред. С. Я. Лебедева. М.: Русайнс, 2025. 108 с.
6. **Евдокимов К. Н.** Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 557 с.
7. **Антонян Е. А., Королькова А. В., Орлова К. М.** Личность киберпреступника // Новые формы противодействия киберпреступности: сб. по материалам круглого стола «Блокчейн-технологии и противодействие кибертерроризму» / под ред. Е. А. Антонян. М.: Научный консультант, 2018. С. 47–54.
8. **Ефремова И. А., Смушкин А. Б., Донченко А. Г., Матушкин П. А.** Киберпространство как новая среда преступности // Вестник Томского гос. ун-та. 2021. № 472. С. 248–526.
9. **Дремлюга Р. И.** Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 153–165.

10. **Дьяков В. В.** О личности преступника как компоненте системы криминалистической характеристики преступления в сфере компьютерной информации // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 129–131.
11. **Варыгин А. Н.** Личность преступника в условиях современных глобальных вызовов // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-правовыми средствами: сб. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием в рамках III Саратовского юридического форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России». Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2023. С. 220–224.
12. **Станкевич К. К.** Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 199 с.
13. **Антонян Ю. М.** О сущности мотивов // Философские науки. 2009. № 5. С. 69–78.
14. **Бражников Д. А., Шиян В. И.** Выявление мотивов преступного поведения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 89–94.
15. **Антонян Ю. М.** Личность преступника и исправление осужденных // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. № 2. С. 117–127.
16. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования: моногр. / под ред. Е. В. Смахтина, Р. Д. Шаррапова, В. И. Морозова. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2021. 376 с.

References

1. **Dremlyuga R. I.** The use of artificial intelligence for criminal purposes: criminal and legal characteristics. *Asia-Pacific region: economics, politics, law*, 2021, no. 3, pp. 153–165. (in Russ.)
2. **Antonyan Yu. M.** Methodological problems of criminology. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2024, no. 2, pp. 159–172. (in Russ.)
3. **Antonyan Yu. M., Pleshakov V. A.** Once again about the identity of the criminal. *Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2024, no. 3 (71), pp. 3–9. (in Russ.)
4. **Avanesov G. A., Shegabudinov R. S.** The identity of the criminal in the system of causes of crime. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 3, pp. 93–97. (in Russ.)
5. **Jafarli V. F.** The identity of the criminal in the mechanism of crimes committed in the field of information technology: a monograph. Ed. S.Y. Lebedev. Moscow, Rusains publ., 2025, 108 p. (in Russ.).
6. **Evdokimov K. N.** Countering computer crime: theory, legislation, practice: dis. ...Dr. Jurid. nauk. Moscow, 2021, 557 p. (in Russ.)
7. **Antonyan E. A., Korolkova A.V., Orlova K. M.** The identity of a cybercriminal. *New forms of countering cybercrime: a collection based on the materials of the round table «Blockchain technologies and countering cyberterrorism» / edited by E.A. Antonyan*. Moscow: Scientific Consultant, 2018, pp. 47–54. (in Russ.)
8. **Efremova I. A., Smushkin A. B., Donchenko A. G., Matushkin P. A.** Cyberspace as a new crime environment. *Bulletin of Tomsk State University*, 2021, no. 472, pp. 248–526. (in Russ.)
9. **Dremlyuga R. I.** The use of artificial intelligence in criminal purposes: criminal and legal characteristics. *Asia-Pacific region: economics, politics, law*, 2021, no. 3, pp. 153–165. (in Russ.)
10. **Dyakov V. V.** On the identity of the criminal as a component of the system of criminalistic characteristics of crimes in the field of computer information. *Business in law*, 2008, no 2, pp. 129–131. (in Russ.)
11. **Varygin A. N.** Criminal personality in the context of modern global challenges. *Modern global challenges and their neutralization by criminal law, criminological and criminal law means*:

- Proceedings based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation within the framework of the III Saratov Legal Forum «Legislative policy and law enforcement in modern Russia». Saratov, Saratov State Law Academy, 2023, pp. 220–224. (in Russ.)*
12. **Stankevich K. K.** Motives and goals of murder: doctrine, law, application: dis. ... kand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2019, 199 p. (in Russ.)
13. **Antonyan Yu. M.** On the essence of motives. *Philosophical Sciences*, 2009, no. 5, pp. 69–78. (in Russ.)
14. **Brazhnikov D. A., Shiyan V. I.** Identification of motives of criminal behavior. *Legal science and law enforcement practice*, 2016, no. 3 (37), pp. 89–94. (in Russ.)
15. **Antonyan Yu. M.** The identity of the criminal and the correction of convicts. *Bulletin of the Russian State State University. Series: Economics. Management. Right*, 2019, no. 2, pp. 117–127. (in Russ.)
16. Crimes committed using information technology: problems of qualification and investigation features: a monograph. Ed. E. V. Smakhtin, R. D. Sharapova, V. I. Morozov. Tyumen, Tyumen State University Press, 2021, 376 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Ефремова Ирина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

Information about the Author

Irina A. Efremova, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Prosecutor's Supervision and Criminology, Professor of the Department of Criminal and Criminal-Executive Law of the Saratov State Law Academy

*Статья поступила в редакцию 23.06.2025;
одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 30.06.2025*

*The article was submitted 23.06.2025;
approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 30.06.2025*

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-97-103

Проверка показаний на месте с использованием беспилотного летательного аппарата как средство решения тактических задач по делам о преступлениях, совершаемых в экологической сфере

Григорий Сергеевич Гарбуз

Сибирский юридический институт МВД России
Красноярск, Россия

greg_g@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7201-9631>

Аннотация

В статье анализируется, как совершенствуется криминалистическое обеспечение расследования уголовных дел, связанных с преступлениями в экологической сфере. Автор рассматривает проблемные вопросы, связанные с внедрением высокотехнологичных разработок в процесс расследования уголовных дел о преступлениях названной категории. Личный опыт автора позволил выдвинуть суждение о целесообразности использования беспилотных летательных аппаратов при проведении проверки показаний на месте, которая служит единственным средством решения тактических задач и установления правовых целей расследования преступлений. Предлагаемая статья содержит гипотезу о возможности внедрения высокотехнологичного следственного действия – дистанционной проверки показаний на месте – в процесс расследования преступлений, совершаемых в экологической сфере.

Ключевые слова

экологические преступления, криминалистика, расследование преступлений, тактические задачи расследования, технико-криминалистические средства, беспилотные летательные аппараты, проверка показаний на месте

Для цитирования

Гарбуз Г. С. Проверка показаний на месте с использованием беспилотного летательного аппарата как средство решения тактических задач по делам о преступлениях, совершаемых в экологической сфере. 2025. Т. 21, № 3. С. 97–103. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-97-103

Drone' Managed Remote Verification of Evidence on the Crime Scene as a Mean of Solving Tactical Tasks During Investigation of Crimes that are being Committed in Ecological Sphere

Grigory S. Garbouz

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Krasnoyarsk, Russian Federation

greg_g@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7201-9631>

Abstract

The article is dedicated to the problems of improvement of forensic support of investigation of criminal cases related to ecological sphere. The author designates some problem questions concerning the involvement of high-tech development into investigation of criminal cases of the above-mentioned category. Author's personal experience of hearing cases related to environmental crimes allowed to express an opinion that the use of drones during verification of evidence on

© Гарбуз Г. С., 2025

the crime scene which is aimed on solving tactical tasks of crime investigation is of vital importance. It serves rather an effective mean for setting procedural goals of investigation. Also the article includes the author's suggestions for implementation of such high-tech method as remote verification of evidence on the crime scene during investigation ecological criminal cases.

Keywords

environmental crimes, forensic science, crime investigation, tactical tasks of investigation, forensic equipment, drones, verification of evidence on the crime scene

For citation

Garbouz G. S. Drone' managed remote verification of evidence on the crime scene as a mean of solving tactical tasks during investigation of crimes that are being committed in ecological sphere. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 3, pp. 97–103. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-97-103

Непрекращающийся процесс освещения в средствах массовой информации и сети Интернет различных фактов о преступных посягательствах на окружающую среду в совокупности с заметным увеличением количества уголовных дел об экологических преступлениях, направленных в суды общей юрисдикции в 2024 г. по сравнению с предыдущим годом, свидетельствует о необходимости продолжения поиска более эффективных приемов и научных разработок по улучшению методик расследования преступлений названной категории. Такие выводы, полагаем, подкрепляются размещаемыми в Telegram-каналах прокуратуры различных субъектов Российской Федерации еженедельными новостными сообщениями о преступлениях, выявляемых в экологической сфере, что указывает на большую актуальность защиты охраняемых государством экологических правоотношений от разного рода преступных посягательств.

Анализ судебной практики Красноярского краевого суда по уголовным делам за 2024 г. показывает, что из пересмотренных в апелляционном порядке 99 дел о преступлениях, которые совершены в экологической сфере, два приговора были отменены с направлением уголовных дел на новое рассмотрение (уголовные дела № 22-8311/2024¹, № 22-8299/2024²). В каждом из двух случаев отмены приговоров имели место следственные ошибки, свести которые к минимуму – как раз является общей задачей ученых, задействованных в сфере криминалистической науки.

Теоретическими вопросами поиска новых подходов к улучшению существующих методик расследования преступлений занимались ведущие ученые-криминалисты: Р. С. Белкин, В. К. Гавло, В. Е. Корноухов, А. Ф. Лубин, В. И. Шиканов, а в наши дни научные поиски продолжают передовые ученые: Л. В. Бертовский, Р. Н. Боровских, А. Ф. Волынский, Ю. П. Гармаев, Д. В. Ким, И. М. Комаров, А. М. Кустов, В. А. Образцов, А. А. Протасевич, А. С. Шаталов и др.

Отметим, что мыслительная деятельность представляет собой решение тех или иных задач. Как мы отмечали ранее, мышление в форме образов представляет собой форму творческого отражения человеком действительности и является неотъемлемой чертой следственного познания [1, с. 48], при этом «...образное мышление является динамической информационной структурой, проявляет в себе интегративные процессы, моделируя деятельность субъекта познания, направленную на установление связей и отношений между объектами, обстоятельствами деяния, имевшего место в прошлом» [1, с. 48]. Расследование преступлений как разновидность процесса мышления также представляет собой психический процесс, который заключается в способности производить интеллектуальные операции с образами и понятиями [2, с. 413].

Как известно, ретроспективный характер процесса расследования влияет на выбор способов изучения закономерностей деятельности следственных органов по раскрытию и рассле-

¹ Уголовное дело № 1-132/2024 (номер в апелляции – №22-8311/2024) // Архив Богучанского районного суда Красноярского края.

² Уголовное дело № 1-93/2024 (номер в апелляции – №22-8299/2024) // Архив Балахтинского районного суда Красноярского края.

дованию преступлений, и в этом прослеживается его связь с предметом криминалистической науки.

Говоря о перспективах внедрения новых высокотехнологичных достижений науки и техники в процесс расследования преступлений, в том числе совершаемых в экологической сфере, нельзя не отметить авторитетное мнение М. А. Васильевой, которая указала на «важность использования заимствованных и адаптируемых для решения отдельных задач расследования экологических преступлений новых методов, основанных на достижениях современных технических наук» [3]. К текущему моменту стремительно развивающиеся технологии искусственного интеллекта прочно закрепились в реализации мероприятий по экологическому мониторингу за состоянием окружающей среды. Они могут с большой эффективностью использоваться во благо успешного расследования преступлений, совершаемых в экологической сфере, направить вектор высокотехнологичного права на усиление криминалистического обеспечения расследования дел названной категории.

Прогрессивными и фундаментальными, с нашей точки зрения, являются кандидатская диссертация О. Г. Костюченко [4] и его совместная с профессором Л. В. Бертовским монография по теме диссертации [5], в которых авторы всесторонне изучили и проанализировали возможности применения беспилотных летательных аппаратов в ходе тактической операции «Осмотр места происшествия».

Изучение названных научных источников сподвигло нас к выдвижению в 2024 г. научной гипотезы о целесообразности проведения дистанционной проверки показаний на месте с использованием беспилотного летательного аппарата [1, с. 50].

Думается, что теоретические дефиниции следственного действия «проверка показаний на месте» доподлинно известны читателям, в связи с этим полагаем нецелесообразным углубляться в теоретический анализ процессуальных точек зрения относительно признаков, через которые ученые-процессуалисты определяют понятие проверки показаний на месте. Из содержания частей 1 и 2 ст. 194 УПК РФ следует, что это следственное действие служит для уточнения, а также для проверки на месте, которое непосредственно связано с расследуемым событием, показаний ранее допрошенных подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего либо свидетеля в целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и заключается оно в том, что ранее допрошенный участник уголовного судопроизводства воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события, указывает на имеющие значение для уголовного дела предметы, следы, демонстрирует определенные действия [6].

Полагая, что вышеуказанному следственному действию присущи определенные черты уникальности – сочетание бигеминальности непосредственного и опосредованного восприятия фактических обстоятельств имевшего место в прошлом преступного деяния, – находим целесообразным констатировать и особые возможности проверки показаний среди других средств решения тактических задач расследования. Имеет ли особые полезные свойства предлагаемая нами дистанционная проверка показаний на месте для расследования экологических преступлений? Уверительный ответ на этот вопрос раскроем далее.

Солидаризируясь с мнением Л. Ю. Аксеновой, которая предвосхищает цель проверки показаний на месте «в обнаружении новых доказательств; определении достоверности данных ранее показаний лица при сопоставлении с условиями обстановки; установлении роли лица в совершении деяния; разоблачении оговора или самооговора» [7], мы склонны аргументированно подтвердить целесообразность внедрения дистанционной проверки показаний на месте.

Так, вышеназванное следственное действие активно встречается в практике расследования разнообразного массива уголовных дел, а именно: убийств³, преступлений, связанных

³ Уголовное дело № 1-17/2020 // Архив Кежемского районного суда Красноярского края.

с причинением вреда здоровью⁴, против половой свободы и половой неприкосновенности⁵, хищений чужого имущества^{6,7}, связанных с незаконным оборотом наркотиков⁸. Анализ судебной практики свидетельствует о важном значении этого следственного действия для установления достоверности показаний ранее допрошенного лица при их сопоставлении с условиями обстановки применительно к установлению новых обстоятельств. Широкое применение проверка показаний на месте получила по делам об управлении транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения и ранее подвергнутым административному наказанию либо судимым за совершение аналогичного преступления (части 1 и 2 ст. 264.1 УК РФ)⁹. Изучение этих дел показало, что по таким делам субъект поисково-познавательной деятельности, проводя расследование, устанавливает посредством упомянутого следственного действия новые обстоятельства, касающиеся определения конкретного места, где нетрезвый водитель был остановлен сотрудниками ГАИ, и где именно ему предлагалось пройти освидетельствование на состояние опьянения.

Но особую значимость это следственное действие приобретает, на наш взгляд, по делам об экологических преступлениях, при расследовании которых целевой вектор проверки показаний на месте направлен на установление способа совершения и сокрытия преступления (незаконной рубки лесных насаждений, незаконной добычи водных биоресурсов, загрязнения атмосферы и водных объектов и пр.), на разоблачение самооговора лиц, пытающихся вывести из-под подозрения фактически виновных в совершении преступлений организаторов, которые оказывают воздействие на свидетелей и других соучастников преступления, стараясь самим остаться неуличенными в преступной деятельности, тем самым оно помогает в доказывании события преступления, виновности причастного лица, характера и размера причиненного преступлением вреда и служит хорошим средством решения таких тактических задач, как: изобличение причастных лиц, доказывание виновности и нейтрализация противодействия. Отметим, что умелые организация и планирование, а также заранее проработанная тактика следственного действия позволяют добиться успешных результатов в достижении правовых целей расследования.

Представляется, что практически реализация дистанционной проверки показаний на месте будет происходить таким образом: следственная группа с привлечением ранее допрошенного лица, чьи показания подлежат проверке, выдвигается на место происшествия на служебном автомобиле, который оборудован ноутбуком с программой, способной принимать и записывать поступающую от беспилотного летательного аппарата (например: «DJI Phantom 3», «DJI Phantom 4», «DJI Mavic 3 Pro» и др.) фото- и видеинформацию. С учетом необходимости работать по экологическим преступлениям в труднодоступной местности, где планирование следственного действия обусловлено погодными и климатическими условиями (температура окружающей среды, обилие снежного покрова, наличествуют другие неблагоприятные факторы) применение беспилотного летательного аппарата, посредством которого возможно обозревать конкретный участок местности, приближать и запечатлевать интересующее следствие изображение, видится весьма полезным.

Общеизвестен ставший популярным в криминалистической науке тезис Южно-Уральской научной школы криминалистов: «Темпы расследования должны опережать темпы преступной деятельности». Поэтому использование высокотехнологичного оборудования при проведении

⁴ Уголовное дело № 1-47/2023 // Архив Кежемского районного суда Красноярского края.

⁵ Уголовное дело № 1-21/2024 // Там же.

⁶ Уголовное дело № 1-44/2022 // Там же.

⁷ Уголовное дело № 1-261/2018 // Архив Кировского районного суда г. Красноярска.

⁸ Уголовное дело № 1-302/2019 // Там же.

⁹ Уголовные дела № 1-8/2022, 1-9/2023, 1-46/2023 // Архив Кежемского районного суда Красноярского края.

проверки показаний позволит качественно верифицировать показания ранее допрошенных по уголовному делу участников процесса в условиях различных труднодоступных местностей. Например, ранее допрошенный в качестве свидетеля лесничий сможет, не дожидаясь схода снежного покрова, показать на месте следы трелевки срубленных деревьев, которые были обнаружены при проверке информации, полученной в виде карточки дешифрирования мест использования лесов. Участвовавший в ходе осмотра места происшествия и допрошенный затем в качестве свидетеля сотрудник Главрыбвода сможет при дистанционной проверке показаний конкретизировать способ незаконной добычи водных биологических ресурсов, не выходя в открытое море. Допрошенный специалист будет способен в ходе такого следственного действия высказаться о механизме загрязнения водного объекта, размере ущерба и указывающих на это следов, не выезжая в опасную зону, где не завершены работы по нейтрализации действия отравляющих веществ.

Изучение в ходе проведенного нами исследования дел, связанных с противоправным загрязнением атмосферы и водных объектов, интервьюирование следователей, а также личный опыт автора настоящей статьи по рассмотрению уголовных дел о незаконной рубке лесных насаждений и о преступных фактах добычи водных биоресурсов, позволяет утверждать, что в ряде случаев проверка показаний на месте производилась следователями ввиду неблагоприятных погодных условий спустя длительный период времени с момента обнаружения вышеуказанных преступлений, тогда как использование в ходе названного следственного действия беспилотного летательного аппарата позволило бы, во-первых, более правильно построить и проверить криминалистические версии, во-вторых, сократить сроки предварительного следствия, в-третьих, избежать последующего противодействия со стороны обвиняемых и защитников¹⁰.

Помимо ранее предложенных законодательных изменений в ст. 194 УПК РФ в виде дополнения ее частью 5, в которой мы предлагаем прописать процедуру дистанционной проверки показаний на месте [1, с. 50—51], считаем необходимым обратить внимание на то, что предлагаемый нами высокотехнологичный вариант опосредованного восприятия показаний проверяемого лица будет в полной мере отвечать законодательным требованиям, предъявляемым к описываемому следственному действию, и одновременно будет направлен на:

- обнаружение новых доказательств в целях достижения правовых целей расследования;
- установление роли конкретного фигуранта в совершении преступления;
- определение достоверности показаний ранее допрошенного лица в привязке к условиям обстановки;
- разоблачение оговора или самооговора.

Все это имеет особую значимость для расследования экологических преступлений, отличающихся спецификой следовой картины. Помимо этого, методики расследования экологических преступлений могут быть отнесены к межродовым [8], в то же время полагаем, что они имеют схожие правовые цели расследования, и если определять методику расследования преступлений как обусловленную отношением исходной следственной ситуации и предмета доказывания систему тактических задач и операций, отвечающую критериям эффективности и экономичности [9, с. 632], то дистанционная проверка показаний на месте как раз будет служить эффективным средством решения возникающих в процессе расследования тактических задач.

Таким образом, дистанционная проверка показаний на месте с использованием такого высокотехнологичного технического средства, как беспилотный летательный аппарат, позволит субъекту познания в процессе опосредованного изучения обстоятельств совершенного криминального деяния более эффективно устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании уголовных дел, включая дела о преступлениях, совершаемых в экологи-

¹⁰ Уголовные дела № 1-1/2023, № 1-7/2023, 1-6/2022 // Архив Кежемского районного суда Красноярского края.

ческой сфере, в совокупности с законодательным урегулированием процессуальных аспектов будет способствовать сокращению сроков следствия, а также приведет к более наглядному исследованию судами обстоятельств уголовных дел, связанных с экологическими преступлениями, позволит объективно принимать процессуальные решения, снизит трудозатраты, что в целом повысит эффективность уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Гарбуз Г. С. Влияние высокотехнологичного права на совершенствование метода криминалистического моделирования // Безопасность бизнеса. 2024. № 3. С. 47–51.
2. Гарбуз Г. С. Непосредственное и опосредованное как парные криминалистические категории // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8, № 3. С. 410–418.
3. Васильева М. А. Концептуальные основы методики расследования экологических преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2021. 54 с.
4. Костюченко О. Г. Высокотехнологичная тактическая операция «Осмотр места происшествия»: дис. ... канд. юрид. наук; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2023. 245 с.
5. Бертовский Л. В., Костюченко О. Г. Высокотехнологичная тактическая операция «Осмотр места происшествия»: моногр. М.: Юрлитинформ, 2024. 200 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СПС «КонсультантПлюс»: Законодательство (дата обращения: 03.04.2025).
7. Аксенова Л. Ю. Особенности проверки показаний на месте // Закон и право. 2021. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proverki-pokazaniy-na-meste> (дата обращения: 01.03.2025).
8. Гарбуз Г. С. О некоторых аспектах классификации методик по расследованию преступлений, совершаемых в экологической сфере // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД России. 2024. Т. 31, № 3. С. 55–63.
9. Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В. Е. Корноухов. М.: Юристъ, 2000. 784 с.

References

1. Garbouz G. S. The impact of high-tech law on improvement of the method of criminalistics simulation. *Business security*, 2024, no. 3, pp. 47–51. (in Russ.).
2. Garbouz G. S. The direct and the indirect as paired forensic categories. *Bulletin of Kemerovo State university. Series: Humanities and social sciences*. 2024, vol. 8, no. 3, pp. 410–418. (in Russ.).
3. Vasiliyeva M. A. Conceptual frameworks of methods of investigation of environmental crimes: Abstract of PhD dissertation in law. Moscow, 2021, 54 p. (in Russ.).
4. Kostyuchenko O. G. High-tech tactical operation “Inspection of the crime scene”: PhD dissertation in law; Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2023, 245 p. (in Russ.).
5. Bertovsky L. V., Kostyuchenko O. G. High-tech tactical operation “Inspection of the crime scene”: Monograph. Moscow, Yurlitinform publ., 2024, 200 p. (in Russ.).
6. Criminal Procedure Code of The Russian Federation: Federal Law 18.12.2001, no. 174. Consultant Plus: Legislation.
7. Aksyonova L. Yu. The peculiarities of verification of evidence on the crime scene. *Law and Legislation*, 2021, no. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proverki-pokazaniy-na-meste>.
8. Garbouz G. S. Several aspects of classification of methods of investigation of crimes against environment. *Forensics: yesterday, today, tomorrow*, 2024, vol. 31, no. 3, pp. 55–63. (in Russ.).
9. Forensic science course. General part. Ed. V. E. Kornoukhov. Moscow, 2000, 784 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Гарбуз Григорий Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России, судья Кежемского районного суда Красноярского края в отставке

Information about the Author

Grigory S. Garbouz, candidate of Science (Jurisprudence / Law), associate professor of Forensic science sub-faculty of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, retired judge of the Kezhemsky Federal Court of Krasnoyarsk Region

*Статья поступила в редакцию 11.04.2025;
одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 30.06.2025*

*The article was submitted 11.04.2025;
approved after reviewing 23.05.2025; accepted for publication 30.06.2025*

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-104-113

Проблемы построения единой цифровой экосистемы правоохранительных органов в период цифровой трансформации

Александр Борисович Смушкин

Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Россия

skif32@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1619-8325>

Аннотация

В статье констатируется, что реализация платформенных решений является одним из элементов цифровой трансформации раскрытия расследования и предупреждения преступлений. Автором последовательно анализируются основные проблемные вопросы нового этапа развития цифровых платформ с позиций их возможной эволюции: однозначная идентификация и аутентификация пользователей; определение уровня и объема доступа; решение вопроса с архитектурой данной системы; решение вопроса с отсутствием дублирования электронного документооборота в бумажном виде и подписанием документов в электронной форме; решение вопроса о интеграции имеющихся информационных массивов отдельных правоохранительных органов при устраниении дублирования информации; решение вопроса с обеспечением безопасности электронного документооборота; внедрение интеллектуальных систем.

Ключевые слова

цифровая платформа, цифровая экосистема правоохранительных органов, кросс-платформенное объединение, уголовное судопроизводство, цифровизация, оператор цифровой платформы

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № № 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>

Для цитирования

Смушкин А. Б. Проблемы построения единой цифровой экосистемы правоохранительных органов в период цифровой трансформации // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3. С. 104–113. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-104-113

Problems of Building a Unified Digital Ecosystem of Law Enforcement Agencies in the Period of Digital Transformation

Alexander B. Smushkin

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation

skif32@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1619-8325>

Abstract

The article states that the implementation of platform solutions is one of the elements of the digital transformation of crime detection, investigation and prevention. The author consistently analyzes the main problematic issues of the new stage of development of digital platforms from the perspective of their possible evolution: unambiguous identification and authentication of users; determination of the level and volume of access; solving the problem with the architecture of this system; solving the problem with the absence of duplication of electronic document management in paper form

© Смушкин А. Б., 2025

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3
Juridical Science and Practice, 2025, vol. 21, no. 3

and signing documents in electronic form.; solving the issue of integrating the existing information arrays of individual law enforcement agencies while eliminating duplication of information; solving the issue of ensuring the security of electronic document management; introducing intelligent systems.

Keywords

digital platform, digital ecosystem of law enforcement agencies, cross-platform association, criminal proceedings, digitalization, digital platform operator

Funding

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00312, <https://rsrf.ru/project/24-28-00312/>

For citation

Smushkin A. B. Problems of building a unified digital ecosystem of law enforcement agencies in the period of digital transformation. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 3, pp. 104–113. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-104-113

С развитием научно-технического прогресса, а также цифровой трансформации раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, все большее внимание начинает уделяться следующему этапу эволюции отдельных цифровых платформ правоохранительных органов в единый синергетически функционирующий программно-аппаратный телекоммуникационный комплекс – цифровую экосистему правоохранительных органов. Л. Н. Масленникова предлагает характеризовать экосистему начального этапа уголовного судопроизводства как «систему, включающую множество взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, которая может быть представлена как сфера, регулируемая уголовно-процессуальным законом, обеспечивающая доступ к правосудию, обладающая замкнутой системой взаимосвязей ее компонентов (регистрация сообщения о преступлении, расследование, надзор прокурора, судебная власть), придающих ей стабильность, связанная с другими устойчивыми системами (судебной системой), имеющая определенную продуктивность по обеспечению доступа к правосудию» [1, с. 62].

Различные авторы предлагают разные подходы к формированию концепции экосистемы, выделяя тот или иной аспект и формируя различное содержание, однако для эффективного проектирования и бесперебойного функционирования целостной экосистемы либо информационно-телекоммуникационной инфраструктуры уголовного процесса важно последовательно решить ряд ключевых проблем: обеспечить надежную идентификацию и аутентификацию пользователей; установить четкий уровень и объем допуска; определить оптимальную архитектуру системы; устранить проблему параллельного существования электронных и бумажных форм документооборота путем внедрения цифровой подписи; интегрировать имеющиеся базы данных различных правоохранительных структур, исключив повторение сведений; гарантировать безопасность электронного взаимодействия; внедрить интеллектуальные технологии обработки данных.

Вопросы идентификации и аутентификации при доступе к государственным телекоммуникационным ресурсам многократно становились предметом изучения различных ученых. Так, подробную схему идентификации и аутентификации пользователя таких ресурсов предлагают в своей статье Д. И. Степаненко и А. А. Рудых [2]. Большой вклад в разработку данного вопроса внесли также О. А. Зайцев, П. С. Пастухов и другие авторы [3]. При этом верно утверждение П. С. Пастухова, что «главное преимущество эпохи цифровой идентификации заключается в ее дистанционном характере» [4, с. 211]. Авторы монографии «Высокотехнологичный уголовный процесс» подчеркивают, что «механизм удаленной идентификации с применением информационных технологий включает несколько информационных систем: регистр физических лиц единой системы, единую информационную систему персональных данных, единую биометрическую систему, единую систему идентификации и аутентификации, иные информационные

системы, обеспечивающие идентификацию и (или) аутентификацию с использованием биометрических персональных данных физических лиц» [5, с. 27].

Наибольшее значение имеет использование для идентификации единой государственной системы ЕСИА (Единая система идентификации и аутентификации). Эта система предназначена для обеспечения санкционированного доступа к иным базам данных. Среди иных средств идентификации пользователя, в самом общем виде, можно выделить следующие методы идентификации:

- предоставление логина и пароля и вход по данным идентификаторам. При этом логин и пароль сотруднику правоохранительных органов будет предоставлен с учетом положений приказа ФСБ № 524 от 24.10.2022 г¹. Граждане же смогут получить логин и пароль по электронной почте, в МФЦ или иными способами, подтвердив свою личность лично или через кабинет госуслуг;
- вход на портал экосистемы непосредственно через личный кабинет госуслуг с помощью ЕСИА. При этом при отсутствии личного кабинета аккаунта на госуслугах (что уже становится редкостью), он может быть заведен в МФЦ, или сам процесс будет происходить через иные методы идентификации;
- получение доступа по биометрическим показателям при сопоставлении биометрической информации с использованием, например, устройств, оснащенных датчиками Face ID и Touch ID и баз данных Единой биометрической системы;
- с использованием кода направляемого в SMS, электронную почту или push-сообщения;
- с использованием разработок в области идентификации лица по клавиатурному почерку [6; 7].

При этом оптимальным представляется использование двухфакторной идентификации, например, сочетанием входа через личный кабинет госуслуг и подтверждением кодом, направленным на электронную почту либо с помощью биометрических показателей.

Подробно вопросы защиты персональных данных от различных киберугроз уже подвергались исследованиям в трудах отечественных криминалистов, специалистов в области уголовного права, ИТ-технологий [8; 9]. Для оптимального функционирования экосистем необходимо также решение отмеченных Р. Н. Боровских вопросов в области обеспечения их кибербезопасности и привлечения к ответственности нарушителей [10].

При определении уровня и объема доступа должны быть выделены несколько уровней доступа и типов информации. Представляется необходимым выделить следующие группы лиц: прежде всего, дифференцировать властных и невластных субъектов расследования, а также лиц, не имеющих отношения к расследованию. Невластные субъекты расследования должны быть дифференцированы по процессуальному положению участников судопроизводства, так как свидетель, потерпевший, подозреваемый (обвиняемый), с учетом соответствующих норм УПК РФ, имеют разный уровень доступа к информации о расследовании. Даже относительно обвиняемого имеет место разный период предоставления определенного доступа к информации расследования (наиболее полно с материалами расследования обвиняемые получают право ознакомиться только при предъявлении обвинительного заключения либо обвинительного акта). Властные субъекты расследования, в свою очередь, должны быть дифференцированы на имеющих отношение к расследованию данного конкретного уголовного дела и не имеющих отношения следователей данного и иных органов.

¹ Приказ Федеральной службы Российской Федерации от 24.10.2022 № 524 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, с использованием шифровальных (криптографических) средств» (рег. 23.11.2022 № 71073) // Портал официального опубликования нормативных актов <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211230034?ysclid=m8e6rtw9ql546851478> (дата обращения: 18.03.2025).

Представляется, что весь объем информации, фигурирующей в экосистеме, может быть также разделен на общую информацию и нормативные акты, доступ к которым могут получать все; методическую информацию и иную информацию, распространение которой ограничено грифом «Для служебного пользования» (доступ к ней, на наш взгляд, должны иметь все сотрудники следственных органов); информацию, касающуюся обращения, ходатайства и ответов на них, соответственно, доступ к которым будет получать лицо, направившее это ходатайство; иную информацию уголовного дела, полный доступ к ознакомлению и редактированию которой может иметь только следователь, ведущий расследование. Доступ к ознакомлению будет получать также надзирающий прокурор, потерпевший и обвиняемый (при предъявлении обвинительного заключения/акта). При этом, при участии потерпевшего в процессе под псевдонимом, эта информация не должна предоставляться. Именно разноуровневые пользователи через единую точку входа максимально характеризуют экосистему как явление. Цифровая экосистема правоохранительных органов должна обеспечивать «бесшовное» взаимодействие.

Относительно архитектуры системы выбор стоит между монолитной и модульной структурой. При этом модульную структуру В. В. Тюрин описал как «концепцию архитектуры информационной системы, предусматривающей в качестве основной модели ее исполнения совокупность интегрированных между собой условно независимых программных модулей, каждый из которых выполняет определенную функцию, имеет свою защищенную логику реализации и программный интерфейс для взаимодействия» [11, с. 112]. Преимущества именно модульной организации подчеркивают как отечественные, так и зарубежные авторы [12; 13, с. 637]. Внутри структуры экосистемы должны быть выделены модули и микросервисы, используемые конкретными органами. Технически представляется разумным предусмотреть возможность установки в конкретном органе клиента цифровой экосистемы, ускоряющего доступ к функционалу экосистемы, но не ко всем элементам, а только к избранным. Подобная организация разгрузит тем самым мощности их компьютерных систем органов от лишней нагрузки, а также позволит установить ведомственные уровни доступа к информации.

Дублирование электронного документооборота в бумажном виде должно стать фактически анахронизмом, поскольку в подобной ситуации не только пропадает существенная часть смысла электронного документооборота, но и происходит удвоение необходимой деятельности сотрудника, и так протекающей в условиях дефицита времени. Проводимое в рамках докторского исследования анкетирование показало, что дублирование электронной и бумажной работ как одну из основных проблем выделяют респонденты – научно-педагогические работники (17,5 % опрошенных). Настаивают на полной цифровизации документооборота с использованием электронной цифровой подписи 44,2 % практических работников. Решение вопроса с подписанием электронного документа лежит в плоскости использования электронной подписи, не требующего его распечатки и последующего сканирования. Как отмечает П. С. Пастухов, «при подписании электронных документов посредством единой цифровой платформы могут использоваться: а) простая электронная подпись; б) усиленная квалифицированная электронная подпись; в) усиленная неквалифицированная электронная подпись, сертификат ключа проверки которой создан и используется в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме» [14, с. 536]. Представляется, что следователи должны обеспечиваться усиленной квалифицированной электронной подписью централизованно. Иные участники уголовного судопроизводства в начале расследования своей подписью должны заверять согласие на использование усиленной неквалифицированной электронной подписи ими в рамках электронного документооборота.

Для устранения дублирования в базах следственных органов первоначально необходимо приведение их к единым стандартам и форматам. После унификации баз устранения дублиро-

вания возможно программным способом, например с использованием программного комплекса CCleaner или функционала Total Commander, а также иных программ.

Представляется, что оптимальную организацию документооборота и информационных блоков можно провести с использованием разработок в области цифровой криминалистической логистики, предлагаемых Е. В. Христининой. С точки зрения ее подхода, термин «цифровая криминалистическая логистика» следует понимать как «систему управления информационными потоками в процессе расследования по уголовным делам, когда вся электронная документация и иная цифровая информация, имеющая криминалистическое значение, используется следователем в качестве логических (оптимальных) цепочек (алгоритмов), позволяющих эффективно решать задачи по раскрытию и расследований преступлений, используя единую цифровую среду» [15, с. 129].

Обеспечению безопасности судопроизводства в электронном формате и электронного документооборота, в частности, было посвящено достаточно много работ. Среди новых методов можно отметить использование облачных сервисов и блокчейна. Применение облачных сервисов для цифровой среды уголовного судопроизводства не только обосновывается учеными [16; 17], но и получает отражение в нормативных актах². Использование облачных сервисов повышает кибербезопасность вследствие того, что «облачная информация» не сконцентрирована на одном сервере или одном носителе. Она распределена по значительному количеству серверов, и злоумышленнику для получения неправомерного доступа необходимо преодолеть все уровни защиты множества носителей и скомпоновать распределенную информацию. Сатоши Накамото относительно используемой технологии блокчейна указывал, что «система работает по следующим правилам:

1. Новые транзакции рассылаются всем узлам.
2. Каждый узел объединяет пришедшие транзакции в блок.
3. Каждый узел пытается подобрать хеш блока, удовлетворяющий текущей сложности.
4. Как только такой хеш найден, этот блок отправляется в сеть.
5. Узлы принимают этот блок, только если все транзакции в нем корректны и не используют уже потраченные средства.
6. Свое согласие с новыми данными узлы выражают, начиная работу над следующим блоком и используя хеш предыдущего в качестве новых исходных данных»³.

При использовании технологии блокчейна будет отсутствовать единый депозитарий и единая база, размещенная на определенных серверах. Информация будет распределена, а у каждого пользователя будет реестр информации. Каждая новая транзакция, произведенная с информацией, отражается во всей цепочке блоков. Посредством блокчейна информация через распределенные записи децентрализуется, последовательно хешируется (от англ. hashing – перемешивание, преобразование) и зашифровывается, что делает практически невозможным для злоумышленников ее выявление и осмысление⁴. Блокчейн считается практически не взламываемой технологией, что дает основание многим авторам рекомендовать ее использование для электронного уголовного дела [18, с. 80; 19, с. 229].

Интеграция элементов интеллектуальных систем в экосистему может существенно повысить ее эффективность. При этом интеллектуальные системы могут быть алгоритмизированы

² Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года утверждена Распоряжением Правительства от 1 ноября 2013 г. № 2036-р (в ред. от 18.10.2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2013 г № 46. Ст. 5954.

³ Накамото Сатоши. Биткоин: цифровая пиринговая наличность (2009) / перевод // Coinspot: сайт. 21 декабря 2013 г. URL: <http://coinspot.io/technology/bitcoin/perevod-stati-satoshi-nakamoto/> (дата обращения: 16.07.2020).

⁴ LuffC. Cybersecurity and the future of blockchain technology. URL: <http://www.gingermaypr.com/cybersecurity-blockchain-technology.htm> (дата обращения: 31.03.2025).

ными, т. е. построены на заранее запрограммированном порядке действий, и неалгоритмизированными, прошедшими машинное обучение (например, нейроморфными). Среди первых можно назвать предложенные В. Б. Веховым автоматизированные методики расследования [20] (так, специализированная территориально-распределенная автоматизированная система (СТРАС-СК), действующая в Следственном департаменте при МВД России, содержит подсистему гибридного интеллекта «Расследование», направленную на поддержку следователя при принятии процессуальных и иных решений, также работающую на принципах автоматизированных методик расследований), а также разработки профессора В. Ю. Толстолуцкого с коллегами – программа ФорВер [21]. К уже имеющимся нейроморфным разработкам можно отнести исследования профессора Д. В. Бахтеева в области нейросетей, направленных на выявление подделки подписей [22], а также разработка профессора А. А. Бессонова в области использования искусственного интеллекта при расследовании серийных⁵ и иных преступлений [23].

Следующим вопросом является, безусловно, определение единого оператора данной экосистемы. А. Ю. Чурикова отмечает, что «у цифровой платформы, если ее рассматривать не как платформенное решение, позволяющее создавать децентрализованные интегрируемые информационные системы, а как некий отдельный самостоятельный ресурс, должен быть единый оператор. Возможно ли в сфере уголовного судопроизводства выделить орган, который бы стал единым оператором цифровой платформы и это не нарушило бы принципы уголовного процесса и не перегрузило бы данный орган несвойственной ему работой? Считаем, что нет. На эту роль с учетом обозначенных критериев не подходят ни ВС РФ, ни Генеральная прокуратура, ни СК, ни МВД» [24, с. 110]. Л. А. Воскобитова указывает, что «при создании единой межведомственной цифровой платформы «Цифровое уголовное судопроизводство» администратором-держателем этой платформы также должна оставаться Генеральная прокуратура РФ. Она сможет выступать не только органом надзора за законностью производства по уголовному делу на всех стадиях процесса, обеспечивающим в том числе как соблюдение прав человека, так и уголовное преследование в рамках закона, но и выполнять в известной мере функции координации использования, а также дальнейшего совершенствования такой платформы. Более того, такая позиция и роль Прокуратуры позволит обеспечивать контроль безопасности платформы и ее модулей: защиту от различных киберугроз; сохранность и неизменность всей информации уголовного судопроизводства; законность решений по вопросам доступа или его ограничения при пользовании процессуальной информацией невластными участниками процесса, когда в этом возникает процессуально-правовая необходимость и появляются для этого правовые основания, и т. п.» [25, с. 24–25].

По-нашему же мнению, решение проблемы определения единого оператора цифровой экосистемы должно лежать в контексте создания государственной некоммерческой организации, в функции которой будут входить обеспечение автоматизированной обработки информации и обеспечение доступа к этой информации. Кроме того, следует учитывать возможность использования технологии частично распределенной информации (аналогичной принципам работы BitTorrent), при которой единый HTTP-сервер, управляемый общим оператором, организует связь модулей, управляемых ведомственными операторами между собой. Подобный подход с использованием распределенных реестров снизит нагрузку на оборудование единого оператора (и, соответственно, требования к нему). При этом общий оператор будет фактически только направлять векторы движения информационных потоков, что обуславливает отсутствие необходимости получения допуска к конфиденциальной информации со стороны его сотрудников. При этом, на основании п. 1.14 федерального проекта «Информационная

⁵ Бессонов А. А. Искусственный интеллект против серийных преступников // Искусственные общества. 2023. Т. 18, вып. 3. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800027535-7-1/>. DOI: 10.18254/S207751800027535-7 (дата обращения: 31.03.2025).

безопасность» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁶, следует сразу определять стандарт связи и функционирования цифровой среды взаимодействия на базе сетей пятого поколения 5G стандарта LTE- 450. При этом, с учетом требований импортозамещения и технологического суверенитета, данный стандарт должен быть основан на применении отечественных технологий.

Подводя итог, можно отметить, что, безусловно, указанными вопросами не исчерпывается полный спектр проблем построения единой экосистемы правоохранительных органов. В процессе их построения будет выявляться множество нормативных, организационных, методологических проблем. Однако представляется, что откладывать их решение будет критической ошибкой в связи с активной цифровой трансформацией расследования.

Список литературы

1. **Масленникова Л. Н.** Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2020. № 10 (74) С. 52–65.
2. **Степаненко Д. А., Рудых А. А.** К вопросу об использовании механизма удаленной идентификации и аутентификации в правоохранительной деятельности // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 года) / под ред. Д. В. Бахтеева. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. С. 318–326.
3. **Зайцев О. А., Пастухов П. С.** Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. № 56. С. 281–308.
4. **Пастухов П. С.** Эволюция криминалистической идентификации как метода научного познания в информационном обществе // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов IX Международной науч.-практ. конф. (Пермь, 6–8 апреля 2022 года) / сост. А. И Согрина. Пермь, 2022. С. 211–215.
5. Высокотехнологичный уголовный процесс: моногр. / под ред. д-ра юрид. наук С. В. Зуева; д-ра юрид. наук Л. Н. Масленниковой. М.: Юрлитинформ, 2023. 212 с.
6. **Перегудов А. В.** Анализ клавиатурного почерка. Способы его применения // Интерактивная наука. 2018. № 6 (28). С. 59–60.
7. **Протасевич А. А., Фойгель Е. И.** О возможностях криминалистической габитоскопии при реализации мер противодействия современной киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Ч. 14. № 3. С. 471–480.
8. **Зайнутдинова Е. В.** Конфиденциальность персональных данных в ситуации киберугроз // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 3. С. 38–46.
9. **Карунная Я. А.** Проблемы защиты персональных данных в условиях цифровой трансформации // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 3. С. 47–56.
10. **Боровских Р. Н.** Уголовно-правовые аспекты кибербезопасности // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 3. С. 17–22.
11. **Тюрин В. В.** Управление цифровой трансформацией. Основные тезисы и понятия. [б. м.]: Издательские решения, 2023. 322 с.
12. **Ghazawneh A., Henfridsson O.** A paradigmatic analysis of digital application marketplaces // Journal of Information Technology. 2015. Vol. 30, is. 3. P. 198–208.

⁶ Федеральный проект «Информационная безопасность» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Официальный сайт Министерства цифрового развития РФ. URL: <https://digital.gov.ru/activity/czifrovizaciya-gosudarstva/vedomstvennyj-proektnyj-ofis-vpo/administrirovanie-soprovozhdenie-ispolneniya-naczialnoj-programmy-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federacii/informacionnaya-bezopasnost> (дата обращения: 31.03.2025).

13. Гелисханов И. З., Юдина Т. Н. Цифровые платформы: особенности и перспективы развития // Сб. материалов 71-й Всерос. науч.-техн. конф. студентов, магистрантов и аспирантов вузов с междунар. участием. Ярославль: Изд. дом ЯГТУ, 2018. С. 637–640.
14. Пастухов П. С. Цифровые платформы как основа электронного документооборота в уголовном судопроизводстве // Пермский юрид. альманах. 2023. № 6. С. 521–540.
15. Христинина Е. В. К вопросу о применении цифровой логистики в уголовном процессе и криминалистике // Юридический вестник Самар. ун-та. 2020. Т. 6. № 3. С. 128–132.
16. Тагиров З. И. Цифровая оперативная обстановка, цифровое имя человека и сетевая (цифровая) правоохранительная деятельность в отечественной модели цифровой экономики // Вопросы безопасности. 2018. № 4. С. 28–51.
17. Жевняк О. В. Соотношение облачных технологий и цифровых платформ // Правовая информатика. 2024. № 2. С. 143–151.
18. Перов В. А. Выявление, квалификация и организация расследования преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты: учеб.-метод. пособие. М.: Юрлити нформ, 2017. 197 с.
19. Бертовский Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226–230.
20. Вехов В. Б. Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2016. Вып. 3. Ч. II. С. 8–11.
21. Толстолуцкий В. Ю., Казарян К. С. Использование компьютерной программы «ФОРВЕР» в процессе взаимодействия следователя и сотрудников органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 242–246.
22. Бахтеев Д. В. Особенности распознавания подлога подписи человеком как первичные критерии для разработки системы искусственного интеллекта // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17, № 4. С. 514–522.
23. Бессонов А. А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений: моногр. М.: Проспект, 2021. 816 с.
24. Чурикова А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. 498 с.
25. Воскобитова Л. А. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства и роли прокуратуры как организатора такой трансформации // Вестник Ун-та им. Кутафина. 2024. № 1. С. 18–31.

References

1. Maslennikova L. N. A conceptual approach to the construction of criminal justice, ensuring access to justice in the context of the development of digital technologies. *Bulletin of the O E. Kutafin University*, 2020, no. 10 (74), pp. 52–65. (in Russ.)
2. Stepanenko D. A., Rudykh A. A. On the use of remote identification and authentication mechanisms in law enforcement activities. *Technologies of the XXI century in jurisprudence : materials of the Third International Scientific and Practical Conference. (Yekaterinburg, May 21, 2021)* / edited by D. V. Bakhteev. Yekaterinburg : Ural State Law. Univ., 2021, pp. 318–326. (in Russ.)
3. Zaitsev O. A., Pastukhov P. S. The digital profile of a person as an element of an information technology strategy for investigating crimes. *Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2022, no. 56, pp. 281–208. (in Russ.)

4. **Pastukhov P. S.** The evolution of forensic identification as a method of scientific knowledge in the information society. *The penal system and society: experience of interaction: collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference* (Perm, April 6–8, 2022) / comp. A. And. Sogrin. Perm, 2022, pp. 211–215. (in Russ.)
5. High-tech criminal procedure: a monograph / ed. by Dr. jurid. of Sciences S. V. Zueva; Doctor of Sciences. jurid. L. N. Maslennikova, M.: Yurlitinform, 2023, 212 p. (in Russ.)
6. **Peregudov A. V.** Analysis of keyboard handwriting. Methods of its application. *Interactive science*, 2018, no. 6 (28), pp. 59–60. (in Russ.)
7. **Protasevich A. A., Voigel E. I.** On the possibilities of criminalistic habitoscopy in the implementation of measures to counter modern cybercrime. *All-Russian Journal of Criminology*, 2020, part 14, no. 3, pp. 471–480. (in Russ.)
8. **Zainutdinova E. V.** Confidentiality of personal data in the context of cyber threats. *Legal science and practice*, 2023, vol. 19, no. 3, pp. 38–46. (in Russ.)
9. **Karunnaya Ya. A.** Problems of personal data protection in the context of digital transformation. *Legal science and practice*, 2023, vol. 19, no. 3, pp. 47–56. (in Russ.)
10. **Borovskikh R. N.** Criminal and legal aspects of cybersecurity. *Legal science and practice*, 2023, vol. 19, no. 3, pp. 17–22. (in Russ.)
11. **Tyurin V. V.** Digital transformation management. Basic theories and concepts. [B. M.]: Publishing decisions, 2023, 322 p. (in Russ.)
12. **Ghazawneh A., Henfridsson O.** A paradigmatic analysis of digital application marketplace. *Journal of Information Technology*, 2015, vol. 30, is. 3, pp. 198–208. (in Russ.)
13. **Geliskhanov I. Z., Yudina T. N.** Digital platforms: features and development prospects. *Collection of materials of the Seventy-first All-Russian Scientific and Technical Academy conference of students, undergraduates and postgraduates of higher educational institutions with international participation. Yaroslavl: Publishing house of YSTU*, 2018, pp. 637–640.
14. **Pastukhov P. S.** Digital platforms as the basis of electronic document management in criminal proceedings. *Perm Law Almanac*, 2023, no. 6, pp. 521–540. (in Russ.)
15. **Khristinina E. V.** On the issue of the use of digital logistics in criminal procedure and criminalistics. *Law Bulletin of the Samara University*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 128–132. (in Russ.)
16. **Tagirov Z. I.** Digital operational environment, a person's digital name and network (digital) law enforcement activities in the national model of the digital economy. *Security issues*, 2018, no. 4, pp. 28–51. (in Russ.)
17. **Zhevnyak O. V.** The ratio of cloud technologies and digital form boards. *Legal Informatics*, 2024, no. 2, pp. 143–151. (in Russ.)
18. **Perov V. A.** Identification, qualification and organization of investigation of crimes committed using cryptocurrencies: textbook. Moscow: Yurlitinform, 2017. 197 p. (in Russ.)
19. **Bertovsky L. V.** Blockchain technology in criminal proceedings as an element of digital legal proceedings. *Problems of economics and legal practice*. 2017. no. 6. pp. 226–230. (in Russ.)
20. **Vekhov V. B.** Automated methods of crime investigation as a new direction in criminalistic technology. *Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences*, 2016, issue 3, ch. P, pp. 8–11. (in Russ.)
21. **Tolstolutsky V. Yu., Kazaryan K. S.** The use of the computer program “FORVER” in the process of interaction between the investigator and the staff of the body carrying out operational investigative activities. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 2 (13), pp. 242–246. (in Russ.)
22. **Bakhteev D. V.** Features of human signature forgery recognition as primary criteria for the development of an artificial intelligence system. *Siberian Law Review*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 514–522. (in Russ.)
23. **Bessonov A. A.** Artificial intelligence and mathematical statistics in the criminalistic study of crimes: Monograph. Moscow, Prospekt publ., 2021, 816 p. (in Russ.)

24. **Churikova A. Y.** The use of information technologies and systems in criminal proceedings: opportunities, risks, legal regulation. Dissertation ... Saratov University of Law, 2024, 498 p. (in Russ.)
25. **Voskobitova L. A.** Digital transformation of the Russian criminal justice system and the role of the prosecutor's office as the organizer of such a transformation. *Bulletin of the University named after Kutafina*, 2024, no. 1, pp. 18–31. (in Russ.)

Информация об авторе

Смушкин Александр Борисович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник проектного офиса научных программ и исследований, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии
SPIN 7360-6396

Information about the Author

Alexander Borisovich Smushkin, PhD in Law, Senior Researcher at the Project Office of Scientific Programs and Research of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saratov State Law Academy”, Associate Professor at the Department of Criminology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saratov State Law Academy”; Saratov, Russian Federation
SPIN 7360-6396

*Статья поступила в редакцию 01.04.2025;
одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 30.06.2025*

*The article was submitted 01.04.2025;
approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 30.06.2025*

Научная статья

УДК 343.9

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-114-118

Научные исследования преступлений в сфере страхования: уголовно-правовое и криминалистическое направления (на примере внутрикорпоративных хищений)

Александр Викторович Шеслер

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний РФ
Новокузнецк, Россия

sofish@inbox.ru

Аннотация

На заседании диссертационного совета 24.2.426.04 ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» 16 апреля 2025 г. успешно прошла защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Сердюка Александра Александровича на тему «Методика расследования внутрикорпоративных хищений в сфере страхования» по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки (юридические науки)». Диссертационный совет констатировал, что диссертация А. А. Сердюка представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 28 февраля 2024 года № 02-0355). Исследование отличается научной новизной, в нем содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития уголовно-правовой науки и правоприменительной деятельности. Исходя из этого, диссертационный совет принял решение о присуждении А. А. Сердюку ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки (юридические науки)». Статья представляет собой основные положения отзыва члена диссертационного совета на диссертацию, в котором подвергнуты анализу основные положения рассматриваемой диссертации.

Ключевые слова

внутрикорпоративные хищения, уголовно-правовая характеристика хищений, методика расследования хищений, типовые модели механизма хищений, дискреционная инициатива лица, производящего расследование, внутрикорпоративная безопасность

Для цитирования

Шеслер А. В. Научные исследования преступлений в сфере страхования: уголовно-правовое и криминалистическое направления (на примере внутрикорпоративных хищений) // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 3. С. 114–118. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-114-118

Scientific Research of Crimes in the Sphere of Insurance: Criminal-Legal and Forensic Directions (on the Example of Intra-corporate Thefts)

Alexander V. Shesler

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation

Novokuznetsk, Russian Federation

sofish@inbox.ru

Abstract

At the meeting of the Dissertation Council 24.2. 426.04 of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration on April 16, 2025, Serdyuk Alexander Alexandrovich successfully defended his thesis for the degree of Candidate of Law on the topic "Methods of investigating corporate embezzlement in the insurance sector" in the specialty 5.1.4 – Criminal law sciences (legal sciences). The Dissertation Council stated that the thesis of A. A. Serdyuk is a scientific qualification work that meets the requirements of the Regulations on the Award of Academic Degrees, approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated September 24, 2013 No. 842 and the Procedure for awarding the degree of Candidate of Sciences, the degree of Doctor of Sciences at the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, approved by the order of the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (as amended by Order No. 02-0355 dated February 28, 2024). The study is characterized by scientific novelty, it contains a solution to a problem that is important for the development of criminal law science and law enforcement. Based on this, the dissertation Council decided to award A.A. Serdyuk the degree of Candidate of Law in the specialty 5.1.4 – Criminal law sciences (legal sciences). The article presents the main provisions of the review of a member of the dissertation council for a dissertation, in which the main provisions of the dissertation under consideration are analyzed.

Keywords

intra-corporate embezzlement, criminal law characteristics of embezzlement, methods of embezzlement investigation, typical models of embezzlement mechanism, discretionary initiative of the person conducting the investigation, and intra-corporate security

For citation

Shesler A. V. Scientific research of crimes in the sphere of insurance: criminal-legal and forensic directions (on the example of intra-corporate thefts). *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 3, pp. 114–118. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-3-114-118

Актуальность темы исследования сомнений не вызывает и обусловлена прежде всего тем, что внутрикорпоративные хищения сдерживают развитие рынка страховых услуг, так как носят значительный ущерб страховым организациям, в результате которого увеличивается стоимость страховых услуг до пределов, недоступных значительному числу нуждающихся в них субъектов. Противодействие таким хищениям осложнено тем, что они по целому ряду причин носят высоко латентный характер, во многом из-за отсутствия научно разработанной криминалистической методики, которая необходима правоохранительным органам для их раскрытия и расследования. Представляется, что диссертационное исследование А. А. Сердюка в значительной степени способствует решению возникшей проблемы.

Как отмечает сам автор диссертации, «разработке научных положений и практических рекомендаций по расследованию страхового мошенничества и других преступлений в сфере страхования посвящены крупные монографические работы ряда специалистов: А. И. Алгазина, Р. Н. Боровских, Е. В. Булгаковой, Н. В. Быковой, Р. К. Гитинова, С. А. Лубина, В. А. Маслова, Н. Н. Потаповой, О. В. Трубкиной, М. М. Уразбахтина, С. И. Усачева и других авторов. В целом, арсенал криминалистических работ по теме выглядит весьма внушительным» [1, с. 5]. Однако следует согласиться с доводом специалистов о том, что проблематика внутрикорпоративных хищений недостаточно полно рассмотрена на страницах криминалистической и уголовно-правовой литературы [2, с. 86]. В этой связи диссертация А. А. Сердюка обладает научной новизной, о чем будет сказано далее.

Логичной представляется структура работы.

В первой главе диссертации соискатель обстоятельно характеризует предмет криминалистической методики расследования внутрикорпоративных хищений в сфере страхования. Это необходимо для того, чтобы определить, какие именно преступления и в отношении каких лиц необходимо расследовать при помощи рекомендаций, сформулированных в методике. Исходя из этого в работе формируются теоретические аспекты типологизации внутрикорпоративных хищений в сфере страхования, и на их основе выделяются типовые модели механизмов внутрикорпоративных хищений в сфере страхования.

Научный интерес представляет предложение соискателя осуществлять криминалистическую характеристику типовых моделей механизмов рассматриваемых преступлений на основе типовых элементов, перечень которых избирается автором не произвольно, а на основе созданной для соответствующей цели матрицы корреляции.

Важным научным результатом является проведенный соискателем анализ взаимовлияния типовых криминалистических признаков, характеризующих способы и другие элементы моделей внутрикорпоративных хищений в сфере страхования. Сформированная таким образом матрица корреляций представляет достаточно оригинальный подход в криминалистическом изучении вопросов описания определенных видов преступлений.

Во второй главе диссертации содержится обстоятельная характеристика типичных способов, типовой обстановки совершения внутрикорпоративных хищений в сфере страхования, а также приведено описание особенностей личности типичного преступника и следовых картин внутрикорпоративных хищений в сфере страхования. Полученные на этой основе результаты информативно характеризуют основные модели преступной деятельности в сфере страхования, участниками которой выступают профессиональные участники отношений страхования.

Глава третья диссертации посвящена особенностям выявления, расследования и предупреждения внутрикорпоративных хищений в сфере страхования. Предметом научной полемики является утверждение соискателя о том, одним из главных принципов расследования данных преступлений является принцип дискреционной инициативы. Автор показывает его возможности при выявлении и на первоначальном этапе расследования внутрикорпоративных хищений в сфере страхования.

В третьей главе также выделены и рассмотрены типичные следственные ситуации и версии на первоначальном этапе расследования указанных преступлений, тактические особенности производства отдельных следственных действий и использования специальных знаний при их расследовании внутрикорпоративных хищений в сфере страхования. Отдельное внимание уделено проблемам эффективности криминалистических средств предупреждения внутрикорпоративных хищений в сфере страхования.

К числу принципиально новых положений, полученных лично соискателем, позволяющих определить исследование как научно-квалификационную работу, содержащую решение задач, имеющих существенное значение для теории и практики, следует отнести:

- творческое обобщение научных исследований, посвященных разработанным частным криминалистическим методикам расследования преступлений в сфере страхования;
- авторское определение понятия внутрикорпоративных хищений в сфере страхования как криминалистической категории, которая, по мнению соискателя, включает не только кражи, мошенничество, присвоения и растраты, но и преступления, предусмотренные ст. ст. 172, 172.1, 201, 272, 327 УК РФ;
- криминалистическую характеристику механизма совершения внутрикорпоративных хищений в сфере страхования и выделение на этой основе типовых моделей таких хищений, включающих такие интегративные элементы, как субъект, ситуация, способ, следы;
- криминалистическую характеристику личности типичного преступника и следовых картин внутрикорпоративных хищений в сфере страхования;

- характеристику принципа дискреционной инициативы «как автономии волевого усмотрения сотрудника правоохранительного органа, в котором наступательность в принятии, реализации (в рамках его законных полномочий) криминалистических решений является способом достижений стоящих перед ним задач выявления, пресечения, расследования фактов уголовно наказуемой деятельности конкретных лиц с корреспондирующей этому личной ответственностью за содержание и результаты своей правовой деятельности»;
- аргументацию основных тактических особенностей производства отдельных следственных действий при расследовании внутрикорпоративных хищений в сфере страхования;
- предложения по основным направлениям криминалистического предупреждения внутрикорпоративных хищений в сфере страхования.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о завершенном и самостоятельном научном исследовании.

Несмотря на актуальность и научную новизну диссертационного исследования, в нем содержатся положения, по поводу которых следует сделать замечания.

1. Объектом критики является авторское определение понятия внутрикорпоративных хищений как криминалистической категории. По мнению соискателя, оно включает не только кражи, мошенничества, присвоения и растраты, но и преступления, предусмотренные ст. ст. 172, 172.1, 201, 272, 327 УК РФ. Данному вопросу посвящена отдельная публикация автора [3]. Безусловно, криминалистическая характеристика рассматриваемых хищений должна отличаться от их уголовно-правовой характеристики. Однако, на наш взгляд, это следует делать не за счет включения в него преступлений, которые не только хищениями не являются, но не являются даже смежными с хищениями преступлениями в силу целой совокупности не совпадающих между ними признаков. Криминалистическая характеристика должна основываться прежде всего на выделении особенностей механизма совершения внутрикорпоративных хищений в сфере страхования, одной из которых является их сопряженность с преступлениями в сфере экономической деятельности, с преступлениями против интересов службы в коммерческих и иных организациях, с преступлениями в сфере компьютерной информации и с подделкой документов.

2. Полагаем, что в уточнении нуждается предложенное соискателем понятие дискреционной инициативы сотрудника правоохранительного органа, проявляемой им при расследовании преступлений. Соискатель, на наш взгляд, сводит подобную дискрецию исключительно к усмотрению сотрудника правоохранительного органа на принятие криминалистических решений. Такой подход буквально означает, что сотрудник правоохранительного органа по своему усмотрению может принимать, а может и не принимать определенные криминалистические решения. Вместе с тем дискреция в правоприменительной деятельности (прежде всего в правоохранительной деятельности) означает не просто усмотрение в принятии решения, а такое усмотрение, которое предполагает обязанность правоприменителя принимать определенное решение при отсутствии в применяемом нормативно-правовом акте конкретного варианта решения и достаточно четких условий для его принятия. Такое понимание дискреции вытекает из сути правоприменения, которое основывается не просто на правах и обязанностях, а на полномочиях, предписывающих сотруднику правоохранительного органа при расследовании преступления реализовать эти права и обязанности.

3. Нельзя согласиться с тем, что соискатель в качестве основных направлений криминалистического предупреждения внутрикорпоративных хищений в сфере страхования выделяет информационный мониторинг и информационный обмен в рамках государственного регулирования страховой деятельности и страхового надзора, а также повышение эффективности системы корпоративного управления и корпоративной безопасности страховых организаций. Дело в том, что основу любого предупреждения составляет нейтрализация выявленных причин и условий совершения преступлений, нейтрализация общественной опасности лиц, со-

вершивших преступления, а также нейтрализация общественной опасности лиц, склонных к совершению преступлений.

Вместе с тем указанные замечания имеют дискуссионный характер, являются предметом научной полемики, не снижают ценность диссертационного исследования и его общую положительную оценку.

Список литературы

1. Сердюк А. А. Методика расследования внутрикорпоративных хищений в сфере страхования: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 «Уголовно-правовые науки (юридические науки)». Новосибирск: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Сибирский институт управления, 2024. 191 с.
2. Боровских Р. Н. Базовая криминалистическая методика расследования преступлений в сфере страхования: моногр. / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю. П. Гармайева. М.: Юрлитинформ, 2018. 325 с.
3. Боровских Р. Н., Сердюк А. А. Предмет (основание) криминалистической методики расследования внутрикорпоративных хищений в сфере страхования // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18. № 4. С. 25–41.

References

1. Serdyuk A. A. Methods of investigation of intra-corporate embezzlement in the insurance sector: dis. ... cand. jurid. Sciences: 5.1.4. – Criminal Law sciences (legal sciences). Novosibirsk, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Siberian Institute of Management, 2024. 191 p. (in Russ.)
2. Borovskikh R. N. Basic criminalistic methodology of investigation of crimes in the insurance sector: monograph. Under the scientific editorship of the doctor. jurid. PhD, prof. Y. P. Garmayeva. Moscow, Yurlitinform publ., 2018. 325 p. (in Russ.)
3. Borovskikh R. N., Serdyuk A. A. The subject (basis) of the criminalistic methodology for investigating corporate embezzlement in the insurance sector. *Legal Science and Practice*, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 25-41. (in Russ.)

Информация об авторе

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России

Information about the Author

Alexander V. Shesler, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Статья поступила в редакцию 28.06.2024;
одобрена после рецензирования 28.06.2025; принята к публикации 30.06.2025

*The article was submitted 07.10.2024;
approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication 30.06.2025*

Информация для авторов

Уважаемые авторы!

Журнал «Юридическая наука и практика» (ISSN 2542-0410) выпускается Институтом философии и права Новосибирского государственного университета и распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11231).

В журнале публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам: теоретико-исторические правовые науки, публично-правовые (государственно-правовые) науки. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ. Автор несет ответственность за присутствие в представляющем материале любых форм заимствования. В случае обнаружения не согласующегося с законодательством об авторском праве и смежных правах заимствования материал безусловно отклоняется; дальнейшее сотрудничество журнала с автором прекращается.

Решение редакционной коллегии о принятии статьи к печати или об отклонении сообщается авторам по электронной почте.

Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. Доработанный вариант необходимо прислать в редакцию вместе с ее начальной версией, рецензией ответом на замечания рецензента не позднее двух месяцев со дня его отсылки. В противном случае первоначальная дата поступления статьи при публикации не указывается.

После выхода журнала бесплатные (так называемые авторские) номера не предоставляются. Авторы самостоятельно приобретают журнал по розничной цене. Иногородним авторам возможна высылка журнала наложенным платежом по индивидуальной договоренности.

Правила оформления рукописи

Авторы представляют материалы объемом: статьи – 1 п. л., научного сообщения – 0,5 п. л., а рецензии – одной трети печатного листа на русском языке. Текст должен быть набран одним и тем же шрифтом – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов, в формате Word, межстрочный интервал 1,5. Абзацный отступ – 1,25 см. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

В тексте статьи указывается индекс УДК¹.

ФИО автора, место работы, адрес должны быть указаны на русском и английском языках.

К материалу должны прилагаться аннотация рукописи, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках. Объем аннотации: 1000–1500 знаков с пробелами.

При несоблюдении этого требования редколлегия оставляет за собой право вернуть представленный материал автору без рассмотрения.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются номер источника, указанного в Списке литературы, номер страницы источника (для монографий и периодических изданий). Например: [12, с. 37].

В конце статьи помещается список литературы в порядке цитирования. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, город, название издательства или издающей организации, год

¹ См. онлайн-справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/34/34.html>

издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). *Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).*

В конце статьи авторы могут поместить список использованных обозначений и сокращений.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- полное наименование организации – основного места работы, город, страна;
- занимаемая должность;
- ученая степень и звание (если есть);
- воинское или специальное звание (если есть);
- e-mail, ORCID (обязательно), SPIN и т. п. (если есть), номер мобильного, рабочего и / или домашнего телефона (данная информация необходима для оперативного взаимодействия редколлегии с автором).

Образец оформления рукописи

УДК 341.9

Европейское право

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности (если есть)

European Law

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы / References

1. Гладышев С. И. Исполнительное производство в английском и российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
2. Gladyshev S. I. Enforcement proceedings in the English and Russian law. Abstract of dis. ... Cand. of Sciences (Law). Moscow, 2001, 28 p. (in Russ.)

3. **Проскурин С. Г.** Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. НГУ. Серия: Право. 2008. Т. 4, № 2. С. 11–18.
4. **Proskurin S. G.** Evolution of Law in semiotic aspect. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 11–18. (in Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Иванов Иван Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Ivan I. Ivanov, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

WoS Researcher ID

Scopus Researcher ID

SPIN

Тел.: +7-111-111-11-11

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Институт философии и права
Новосибирского государственного университета
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 639990, Россия

Тел.: +7 (383) 266 73 79

E-mail: jurisprudence@mail.nsu.ru